UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324848 1

БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ

СНЫ

ДЛЯ ОТЗЫВА

ИЗД. З. И. ГРЖЕБИНА
ЕТЕРБУРГЪ-БЕРЛИНЪ
1922

PG
3470
Z23
1922
Kn.2

LIBRARY
MAR 12 1962
UNIVERSITY OF TORONTO
787018

Zaĭtsev, Boris Konstantinovich
(1)

БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Sobranie sochineniĭ

КНИГА II

Кн. 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕБИНА
БЕРЛИНЪ — ПЕТЕРБУРГЪ — МОСКВА
1922

БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ

СНЫ

РАЗСКАЗЫ

7—12 тысяча

Redaktion der
russischen Tageszeitung
„DNI"
(Die Tage)

ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И ГРЖЕБИНА
БЕРЛИНЪ — ПЕТЕРБУРГЪ — МОСКВА
1922

Alle Rechte, einschließlich des Übersetzungsrechtes, vorbehalten.

Copyright 1922 G.B.S. Grschebin Verlag, Berlin.

СНЫ

I

Туманно, сине утро. Едва проснувшійся Никандръ, желтый и хмурый, вылѣзъ изъ каморки, гдѣ живетъ съ женой. Надо убирать лѣстницу. Его молодое лицо выражаетъ брезгливость; это скучно, но необходимо — и онъ трогается.

Лѣстница кажется ему большой семьей: есть старшіе, молодежь, дѣти. На каждой двери карточка, каждая указываетъ на значительность или малость живущаго. Вотъ въ нижнихъ этажахъ плотно засѣли Рафаилъ Лусегеновичъ Кандалаки, противъ него докторъ Назаровъ. Это тузы. Лучшія квартиры, ѣздятъ всегда на лихачахъ, одинъ въ банкѣ получаетъ десять тысячъ, у другого большая практика. Вечерами въ купеческомъ клубѣ. Даютъ по пяти рублей. Этажемъ выше дама — такъ себѣ (Никандръ пофыркиваетъ), что называется — фети-мети. Рядомъ адвокатъ, слегка толстѣющій, тридцатилѣтній, „начинаетъ выдвигаться.“ Иногда должаетъ въ лавочку, Никандру. Это второй сортъ. Третій сортъ, юноша-вѣтеръ, совсѣмъ наверху. Никандръ даже любитъ его за простоту и словоохотливость, но бариномъ считать не можетъ. Во-первыхъ, снимаетъ онъ всего мансарду; чѣмъ занимается — неизвѣстно, кажется, художникъ. Зиму и лѣто ходитъ въ крылаткѣ, всегда безъ калошъ, живчикомъ, стригункомъ. Фамилія его Курціусъ.

Кончивъ лѣстницу, Никандръ отворяетъ парадную дверь. Сколько страдаетъ онъ изъ-за нея ночью, когда возвращаются изъ клуба Рафаилъ Лусегеновичъ, фетимети, или еще кто изъ жильцовъ! Но сейчасъ пахнуло свѣже-ноябрьскимъ, легкимъ. Никандръ вздохнулъ.

Первый снѣгъ! Лихачи на углу выѣхали на саняхъ; въ сосѣднемъ подъѣздѣ, у толстаго Фролыча, который его ненавидитъ и „подкапывается“ подъ него, „плететъ про него всякое“, запорошило дверь. Фролычъ безъ пиджака пыхтитъ и обметаетъ ее. „Посопи, дьяволъ,“ думаетъ Никандръ: „разжирѣлъ, клещъ нехорошій.“

Лихачи здороваются съ нимъ; на углу закурена дружественная папироска; пересмѣиваясь, мигая горничнымъ, Никандръ притоптываетъ отъ свѣжести. Въ девятомъ выходитъ гимназистъ Петя, затѣмъ два студента изъ пятнадцатаго номера, господинъ Чиликинъ, дамы, Рафаилъ Лусегеновичъ. Машина тронулась.

II

Какъ по утрамъ бываетъ отливъ жильцовъ, такъ же равномѣрно они приливаютъ къ четыремъ. Никандръ не успѣваетъ отворять и заметать слѣдовъ снѣга, натащеннаго калошами. Волоча на ремешкѣ ранецъ, приходитъ Петя. Толстая барыня Настасья Романовна подъѣхала на извозчикѣ, съ покупками. Охаетъ на высоту лѣстницы, и что нѣтъ лифта. Никандръ помогаетъ ей, одобряетъ погоду, тащитъ вверхъ покупки.

Ввалившись въ переднюю, сгружается и крутитъ усъ, съ видомъ слегка довольнымъ и покровительственнымъ.

— Опять приходилъ этотъ... безобразникъ. Ничего съ нимъ не подѣлаешь, Настасья Романовна, такъ что пришлось къ помощи дворника прибѣгнуть.

— Иродъ царя небеснаго! Неужели жъ опять пьянъ?

— До послѣдней степени. Невозможно съ ними, Настасья Романовна.

Никандръ ушелъ, и онъ радъ, что непохожъ на этого Кузьму, мужа барыниной Аннушки, съ которымъ скандалы происходятъ разъ въ двѣ недѣли: онъ ломится къ женѣ, а та боится. Настасья же Романовна, по мягкости, не можетъ ее прогнать.

Подъѣзжаетъ господинъ Чиликинъ. Этому не надо никакой „почтительности.“ Только отворяй дверь. Онъ желтый, съ рыжими усами, скучный, и такая же измора его жена. Когда случается заглянуть къ нимъ въ квартиру, кажется, что сейчасъ околѣешь съ тоски. Рафаилъ же Лусегеновичъ подкатитъ съ шикомъ; ему шумно распахивать, поклонъ тщательный, почту подаетъ Никандръ.

Къ пяти всѣ обѣдаютъ. Объ этомъ можно знать по чаду на лѣстницѣ. Начинается вечеръ. Пройдетъ мимо, по улицѣ, знакомый фонарщикъ, заблестятъ блѣдно-зеленымъ фонари; сверху сбѣгутъ двѣ-три барышни, въ снѣжномъ сумракѣ потрещатъ въ телефонъ. „Въ восемь начало? Непремѣнно, да, да! Почему не состоится? Скажите Ванѣ, что въ студенческомъ нельзя, пусть штатское надѣнетъ!“

Эти пріѣзды, отходы, клочки разговоровъ, бѣлыя платья изъ-подъ накинутыхъ шубъ (въ восьмомъ, когда извозчики безъ спросу подаютъ „въ театръ“), кажутся обрывками другой жизни, на которую можно улыбнуться сквозь сонъ. И онъ улыбается. Сидя у столика, глядя, какъ заметаетъ на улицѣ, онъ будетъ дремать долго, часами; смотрѣть на прохожихъ, зѣвать, записывать номера телефона, откуда звонили; въ десятый разъ развернетъ „Листокъ,“ всѣ края котораго исписаны адресами. Снова сидитъ и сидитъ, ожидая ночи. Ночь же придетъ не скоро, метель разгуляется, будетъ непріятно, хмуро. Первый приливъ жильцовъ выпадетъ на двѣнадцать (те-

атры), затѣмъ въ два, и послѣдній, мучительнѣйшій для Никандра, между пятью и шестью. Гуляки, изъ разныхъ „такихъ“ мѣстъ.

III

Хотя ему далеко до Кузьмы, но и самъ Никандръ не безупреченъ. Иногда сильно клонитъ его къ вину. Когда подходитъ праздникъ, онъ тщательнѣй подбриваетъ щеки, закручиваетъ хохолъ и старается улизнуть отъ жены Лены, оставивъ за себя брата. Пальто накинуто, на ногахъ блестящія калоши, картузъ на головѣ, Никандръ имѣетъ видъ вольнаго парня, не лишеннаго средствъ. Иногда за двугривенный онъ летитъ со знакомымъ лихачемъ прокатиться; метель сѣчетъ лицо, но это нравится; ранне—зимній воздухъ такъ радостенъ послѣ каморки. Когда очень мчатся, и лихачъ оретъ на встрѣчныхъ, ловко прорѣзая подъ носомъ у какого-нибудь толстяка, сердце Никандра тоже бьется. Какъ то веселѣетъ оно, раскрывается, летитъ.

Уже сумерки. Взвываетъ метель, таинственнѣй кажутся люди, женщины. Никандръ въ „Богеміи.“ Здѣсь онъ habitué, его даже уважаютъ. Это зависитъ отъ того, что лишь одинъ онъ въ „Богеміи“ не должалъ. Напротивъ, онъ ведетъ себя бариномъ, на-чай даетъ пятиалтынный. Сейчасъ еще рано. Заходитъ въ бильярдную. Человѣкъ безъ пиджака, съ грязнымъ воротничкомъ, полулегъ на бортъ; на лицѣ его особая жестокость: бильярдная. Суть его минуты въ томъ, чтобы бѣшенымъ ударомъ срѣзать десятиочковаго въ лузу. Любопытствующій субъектъ въ углу предвкушаетъ что то.

Трахъ! Шаръ метнулся по зеленому, пролетѣлъ по пятну свѣта. Стрѣлявшій отскакиваетъ.

— А, дьявольщина!

Маркеръ потной рукой бѣлитъ кій.

— Горячитесь очень, господинъ Ѳиногеновъ. Оно и оказываетъ.

Этого Ѳиногенова Никандръ знаетъ. Онъ малый чиновничекъ, въ родѣ землемѣра; костистый и неудачливый. Говорятъ даже въ „Богеміи,“ что жена его . . .

Часовъ въ девять Никандръ садится за пиво. Къ этому времени подходитъ его другъ, портной Павелъ Захарычъ. Павелъ Захарычъ немолодъ, кривоногъ, въ очкахъ и очень волосатъ; его маслянистыя космы расчесаны проборомъ, придавая благообразіе.

— Пивомъ балуете? — спрашиваетъ онъ, садится.

Ему дали „пару пива.“ На стѣнѣ напротивъ объявленіе: „За бой бокала съ посѣтителя двугривенный.“

— Анаѳемы-съ, — говоритъ Павелъ Захарычъ. — Вы обратите вниманіе: двугривенный! Напримѣръ, если я, человѣкъ рабочій, и къ тому же у меня трясутся руки, выронилъ бокалъ, и этотъ бокалъ, будучи дурнымъ, разбивается. Вслѣдствіе чего я долженъ платить двугривенный! Гдѣ же тутъ правда?

Никандръ слушаетъ съ уваженіемъ.

— Вѣроятно, Павелъ Захарычъ, они разумѣютъ безчинствующихъ . . .

Но тутъ же осѣкается: самъ Павелъ Захарычъ послѣ трезвой и рабочей жизни впадаетъ иногда въ такой „трансъ,“ что только держись . . .

— Нѣтъ, этого сказать нельзя. Все это истекаетъ отъ неустроенной жизни.

И Павелъ Захарычъ начинаетъ обычныя рѣчи. Подъ растущій прибой онъ проповѣдуетъ Никандру, какъ надо „устраивать“ жизнь.

— Всѣ должны сообща, и кто сколько наработалъ — дѣли. На станціи Варшава у меня зять носильщикомъ служитъ. Такъ тамъ, милый человѣкъ, все артелью. Тебѣ дали хоть пятакъ, хоть рубль — неси въ артель; а не отдашь, — вонъ сейчасъ. Другъ за другомъ смотрятъ.

— И во всемъ такъ. Вотъ и устрой ревизоровъ. Пусть по всей Россіи ѣздятъ, и, значитъ, всѣ имъ должны повино-

ваться. И всѣхъ могутъ провѣрять: меня ли, тебя, или хоть самого министра. Вонъ оно куда загибаетъ. Однако, иначе нельзя.

Никандръ молчитъ. Ничего не возразишь о ревизорахъ, но мысли не здѣсь. Конечно, хорошо такъ, сообща, — но сейчасъ въ головѣ хмель; кажется, куда лучше вскочить, запѣть всѣмъ, размахнуться душой . . .

— Э-эхъ, Павелъ Захарычъ, чу-удесный ты человѣкъ! Хочется обнять его.

— Скажи слово! Скажи ты мнѣ такое слово . . .

Онъ и самъ не знаетъ, какое слово, но чего то нужно, чтобы взять всѣхъ подъ руки, двинуть . . .

— Пронзи ты меня, Павелъ Захарычъ! Хвати по сердцу! Острота и горечь подступили.

— Трижды въ уголъ рѣзалъ, все дарма! Все! — Это Ѳиногеновъ кричитъ съ другого стола. — Распроклятая моя головушка!

— Носомъ коротокъ!

— У тебя займу!

— Все вино, вино! — вздыхаетъ Павелъ Захарычъ.

— Р-разлюбезная голова!

— Что-о?

— Пошелъ ты къ . . .

— Онъ, значитъ, кэ-экъ далъ . . .

Никандръ уже на улицѣ. Свиститъ метель, хватаетъ его, и рыдающими шагами бросаетъ изъ стороны въ сторону. Жадно глотается воздухъ, снѣгъ липнетъ, липнетъ на губахъ, и то же безпокойно-горько-сладкое мятетъ душу.

— Жизнь ты наша копеечка! Впередъ! Павелъ Захарычъ, дорогой мой!

Кажется, сейчасъ хватитъ его метель, однимъ взмахомъ домчитъ домой, сквозь кивающія строенья, деревья, привѣтствующія его на бульварѣ.

Онъ старается не будить Лену. Если она увидитъ, врядъ ли это будетъ хорошо.

IV

Когда жилецъ мѣняетъ квартиру, бываетъ и хлопотно, и весело. Цѣлый день у подъѣзда стоитъ фура. Здоровенные ребята таскаютъ наверхъ комоды, кровати, зеркала. Вмѣсто выбывшаго квартиранта, который теперь какъ бы умеръ для Никандра, новый явился. Черезъ годъ, вѣрно, и онъ умретъ; но сейчасъ любопытно, кто онъ, не привезъ ли съ собой новаго, къ чему здѣсь еще не привыкли. Сколько будетъ давать, какіе знакомые.

И Никандръ возбужденъ. Часто самъ помогаетъ, особенно, когда тащутъ піанино. Въ углахъ лѣстницы всегда выходятъ драмы; пыхтя, обливаясь потомъ, вывозятъ мужицкія плечи эту кладь, какъ изъ трясины.

Освободился пятнадцатый номеръ. Много народу ходило смотрѣть: двѣ старушки, и дама съ гимназистомъ, и студентъ, и мужъ съ женой; но неожиданно явилась барыня, одна, сразу дала задатокъ. Ея-то Никандръ и не видѣлъ.

— Ничего, обходительная, — сказалъ дворникъ. — Рубль дали, и вещи хорошія.

— Съ бариномъ?

— Не видать, чтобы очень.

Къ вечеру зашелъ къ Никандру Павелъ Захарычъ. Волосы его были расчесаны, но лицо сѣро-зеленое, мутные глаза. Онъ снялъ картузъ, сѣлъ въ темномъ уголку у телефона и погладилъ бороду. Никандръ, посмѣивался.

— Или гуляли вчера, Павелъ Захарычъ?

— Не въ очень сильной степени, однако внутри жжетъ. Я полагаю, надобно прибѣгнуть къ капустѣ, огурчику, и опохмелиться, конечно!.. Не найдется ли у васъ полтинника до субботы? И безъ всякаго сомнѣнія.

Никандръ далъ. Если Павелъ Захарычъ говорилъ что-нибудь, то дѣло было вѣрное. Невозможно, чтобы онъ обманулъ.

— Благодарю. Такъ-съ, вотъ сидите вы тутъ и господъ караулите . . . дѣло хорошее. Тихое дѣло. Собственно, и дѣла то никакого? Такъ я говорю, или нѣтъ?

— Не скажите. Тоже хлопотно.

Время было бойкое. Подъѣзжали на извозчикахъ, приходили пѣшкомъ; въ передней натоптался слѣдъ, и отъ часто распахиваемыхъ дверей было свѣжо. Съ верху, также безъ перерыва, сходили. Павелъ Захарычъ впалъ въ задумчивость.

— И все претъ народъ, претъ, нѣтъ ему ни конца, ни начала. Цѣльный день такъ-то?

Никандръ отмахнулся.

— Куда день! Даже всю ночь.

— Сильно кипитъ народъ, весьма. Сейчасъ по Облупу иду — и тебѣ навстрѣчу, и тебѣ кругомъ, и въ саняхъ катятъ, и на машинахъ.

— Ничего не подѣлаешь, Павелъ Захарычъ, всякій за своимъ дѣломъ спѣшитъ.

— Нѣтъ, очень ужъ много. Непорядокъ это, я полагаю.

Никандръ усмѣхнулся.

— Вы бы устроили.

— Хотя и трудно, однако, есть возможность.

Уже было полутемно. Сквозь зеркальную дверь бѣлѣлъ снѣгъ, задернутый синимъ. На лѣстницу легли блѣдныя пятна. Въ это время со второго этажа сходила дама, которую Никандръ не могъ узнать.

Сверху крикнули:

— Маріэттъ!

— Да?

— Надолго?

— Часовъ до восьми.

Она спустилась легко, въ черномъ, большая шляпа.

Никандръ выпрямился и подошелъ къ двери.

— Если меня будутъ спрашивать, скажите, чтобы звонили; двадцать пять девяносто два.

— Слушаю.

Два глаза мелькнуло, и пахнуло духами. Дверь захлопнулась. Павелъ Захарычъ всталъ.

— Прощайте-съ, значитъ, до пятницы. А это кто жъ будетъ барыня?

— Сегодня только переѣхали. Наша же, жилица.

Это „наша“ Никандръ произнесъ съ гордостью.

— Даже очень пріятная дама,—одобрилъ Павелъ Захарычъ.

Потомъ онъ ушелъ. Никандръ постоялъ, свистнулъ, побарабанилъ пальцами по стеклу и улыбнулся. Вышелъ на улицу. Было темно. Налетѣлъ снѣжный вѣтеръ, рѣзнулъ морозомъ, зимой. Никандру вдругъ захотѣлось закричать и галопомъ помчаться по улицѣ. Но онъ ничего не сдѣлалъ, опять улыбнулся, глянулъ вверхъ, гдѣ бушевала тьма, вернулся.

Подъѣзжалъ господинъ Чиликинъ, и надо было отворять.

V

По утрамъ почтальонъ Ѳедотовъ приноситъ письма. Заказныя тащитъ наверхъ самъ, — особенно любитъ Ѳедотовъ денежные переводы: всегда даютъ на-чай. Простую же „корреспонденцію“ оставляетъ у Никандра.

Сегодня морозъ; солнце, все сіяетъ, гнѣдой жеребецъ лихача Сергѣя въ попонѣ, и едва стоитъ. Перебираетъ ногами, косится на туманный костеръ у перекрестка.

Ѳедотовъ ввалился, багровѣя отъ мороза. Его бакенбарды оледенѣли, щеки вспухли, и онъ кажется еще грузнѣе.

— Морозецъ, — говоритъ Никандръ.

— Никакихъ силъ нѣту! Что за зима проклятая!

Башлыкъ Ѳедотова похожъ на намерзшее жабо.

— У-ухъ, служба, будь ей неладно! — Ѳедотовъ хлопаетъ руками, рычитъ.

— Въ пятнадцатомъ-то новая, что ли?

— Да. — Новая квартирантка.

Ѳедотовъ вылетѣлъ на морозъ, индевѣя въ клубахъ пара. Никандръ же всходитъ по лѣстницѣ и тихимъ, вѣжливымъ голосомъ говоритъ горничной господина Кандалаки:

— Два письма.

Но самое главное впереди. И чѣмъ выше — медленнѣй онъ ступаетъ, а въ ногахъ легче, тѣла все меньше. Верхняя площадка. Направо Курціусъ, налѣво она.

— Вотъ... письмо.

Взоръ блеснулъ, длинная рука взяла конвертъ.

— Да, кстати, не поможете ли мнѣ, Никандръ, тутъ надо гардины повѣсить...

Маріэттъ читаетъ. Никандру видны вблизи эти черные завитки, бѣлая рука съ длиннымъ ногтемъ на мизинцѣ — и на шеѣ алмазная стрѣла.

— Вотъ здѣсь, въ гостиной.

Влѣзъ на стулъ, подымаетъ гардину. Но куда глядитъ она? Отъ кого это письмо?

Ушла. Даже легче стало безъ нея — теперь обыкновенная комната, крюки, скобка на гардинѣ, которая, какъ всегда, не приходится на мѣсто. Изъ окна видны крыши, городъ, снѣжное блистаніе, облака пара. Сейчасъ это заурядно.

Но вотъ въ комнатѣ рядомъ шорохъ. Приближается она. Все измѣнилось. И стоитъ на пододвинутомъ столѣ не онъ, швейцаръ Никандръ, а другой человѣкъ, который не воленъ надъ собой и не можетъ поднять глазъ.

— Крюки вбиты неправильно, — говоритъ онъ глухо. — Немного не приходится.

Маріэттъ смотритъ.

— Придется.

Маріэттъ говоритъ не зря. Она блѣдна и думаетъ о другомъ, но навѣрно знаетъ, что придутся какіе-то

бѣдные крюки, которые такъ далеко отъ ея молодой жизни, блистательной, побѣдоносной.

Конечно, придутся! Какъ онъ могъ думать иначе? Ударилъ нѣсколько разъ молоткомъ сбоку, погнулъ, портьера повисла мягко и покорно.

— Видите, я говорила же!

Опять за окномъ блеститъ снѣгъ, и теперь солнце такъ отразилось гдѣ-то, что золотой зайка вбѣжалъ въ комнату и ударилъ въ лицо Никандру.

Маріэттъ смѣется.

Но вотъ сама она попала въ свѣтъ и, вынимая серебро изъ кошелька, сверкнула имъ въ огненномъ лучѣ.

— Благодарю васъ, Никандръ.

Съ полученнымъ полтинникомъ онъ спустился внизъ. Тамъ встрѣтилъ Лену. У ней засучены рукава, и видно крѣпкое тѣло рукъ. Глаза слегка подпухли.

— Куда шляешься? Внизу звонятъ, телефонъ, квартиранты спрашиваютъ, а онъ . . .

Лена смотритъ злобно.

— Ну и что жъ такое? Меня наверхъ зовутъ. Можешь за меня сказать.

Браниться здѣсь нельзя. Они знаютъ это и смолкаютъ. Но оба раздражены. Никандръ увѣренъ, что дома, въ каморкѣ, еще будетъ баталія.

VI

Кто она? Какъ живетъ? Неизвѣстно. Даже трудно понять, куда ходитъ, что дѣлаетъ, но она Маріэттъ, она прекрасна.

— Никандръ, позвоните моему другу Лизѣ, вы помните номеръ? Чтобы не ждали меня нынче.

Больше онъ ничего не знаетъ. Приходилъ такой то, такая то. Письма есть.

Вотъ забыла Маріэттъ бѣлый платочекъ. Никандръ можетъ поднять его и вернуть ей. Это его малое удоволь-

ствіе. Она же поблагодаритъ, взглянетъ чернымъ глазомъ, быстро удалится. Куда, зачѣмъ? Оставаясь одинъ въ настающихъ сумеркахъ и машинально отворяя входящимъ, думаетъ онъ о ней. Къ кому счастливѣйшему она придетъ, — глянетъ глазомъ темнымъ? „Милый!“ Это слово произнесетъ. Такъ же пахнутъ ея волосы, и она можетъ положить двѣ свои руки, двѣ легкихъ птицы ему на плечи.

Въ стекло двери видно улицу, ворота, и въ глубинѣ большой домъ. Въ скверѣ передъ нимъ сидятъ въ шубейкахъ двѣ горничныя, и знакомый реалистъ изъ того же дома какъ привязанный ходитъ вокругъ, все вокругъ, переговариваясь, заигрывая. Кажется, онъ никогда не оторвется. Никандръ улыбнулся. Но тихо щемитъ сердце. Уйти, раздуматься, глядя на ночь.

— Паша!

— Ну!

— Посиди полчаса, мнѣ надо тутъ, дойти.

Бѣло и сухо. Снѣгъ скрипитъ, небо черно-синее, раскаленныя звѣзды. Хорошо идти переулкомъ: никого. Громадными лапами легли деревья изъ-за забора. Сквозь ихъ иней сверкнетъ звѣзда. Лихачъ пронесется. Неизвѣстно, куда онъ летитъ. Возможно, такъ же мчится сейчасъ она, въ снѣжномъ огнѣ, опираясь на руку любимую?

Кончился переулокъ. Бульваръ. Въ боковой аллеѣ протоптана дорожка, гдѣ трудно разойтись встрѣчнымъ. Идя по ней, чувствуешь тихое осѣненіе деревъ нависшихъ; ихъ хлопчатый иней укрываетъ, погружаетъ въ свой сонъ. Вдали сіяютъ огни кафе.

Вотъ на углу поперечной тропинки фигура. Женщина. Ея рука въ мужской рукѣ, тонкая женщина, черная шляпа. Она. Повернуть, спрятаться? Но некуда. Пройти незамѣтно нельзя. Летитъ трамъ. Въ его зеленой искрѣ блеснули рѣсницы въ снѣгу, вздрагивающее лицо, глаза темные, напитанные счастьемъ.

Замѣтили. И уже никого нѣтъ, она за снѣжной изгородью, на улицѣ, снова тихая дорожка, въ кафе огни, морозъ, искры трама. Если выглянуть, навѣрно никого уже нѣтъ, и ее догнать нельзя. Вся она колдовская, ноги у ней вѣтеръ.

О, Маріэттъ!

Онъ возвращается. Идетъ неторопливо, будто соображая. Въ городѣ пустынно.

VII

Февраль. Метели бушуютъ, но разъ, другой проглянуло тепло. Снова снѣжныя бури. Трудно по утрамъ продираться дню.

На зарѣ Никандръ вскакиваетъ отъ звонка и, накинувъ пальто, бредетъ. Что то обидное есть въ этомъ. Вѣчно вертится шестерня, каждый зубецъ въ свое время тебя задѣнетъ. Вспыхнуло электричество, — толчокъ, первая дверь, со второй влетѣлъ всегдашній утренній вѣтеръ: остро-сырой, вкусный. А, вотъ это кто! Слегка холодѣютъ колѣнки. Въ перчаткѣ сверкнуло серебро, три быстрыхъ щага, — мимо глазъ мокрые завитки волосъ, шляпа черная, разрисованная снѣгомъ. Снова знакомый духъ.

— Ой, ой, какъ поздно! Никандръ, снимите калоши.

Онъ стаскиваетъ, слегка стѣсняясь.

— Я васъ бужу, Богъ знаетъ, когда, вы навѣрно меня ненавидите, правда? Ну, тушите, я дойду.

— Никакъ нѣтъ, почему же . . .

Маріэттъ смѣется.

Электричество гаснетъ, она бѣжитъ вверхъ. Никандръ же сѣлъ на стулъ въ своей прихожей и смотритъ. Блѣдно мутнѣетъ за стекломъ, скоро выйдетъ утро.

Тихо и наверху. Почему она не вошла къ себѣ въ квартиру? Или неслышно было? Медленно поднялся

наверхъ. Въ полусвѣтѣ, со второго этажа, виденъ куполъ Іоанна Евангелиста, повитый снѣгомъ. Знакомыя крыши синѣютъ, прерываясь купами деревъ.

Маріэттъ сидитъ на ступенькѣ. Подперла голову и смотритъ далеко. Что видятъ ея глаза? Почему слезы на нихъ стоятъ?

— А, это вы? Не собралась еще въ квартиру звонить. — Она улыбнулась. Въ этомъ взглядѣ онъ читаетъ: „Знаешь?“ Онъ молчитъ. Но могъ бы сказать: „Да.“

На второй звонокъ дверь отворяютъ, и она уходитъ.

VIII

— Что фыркать то? Думаетъ, не вижу! Знаю, милый, все знаю, не такая я, чтобъ меня объѣхать . . .

Лена полулегла на локтѣ; ему видны сильное плечо и спутанные волосы. Глаза блестятъ.

— Ну, и ступай къ ней, можетъ, возьметъ за деньги. Хоть куда молодецъ . . .

Лена смѣется, но принужденно.

Надо молчать. Онъ знаетъ, если сейчасъ скажешь слово, то сдержаться не будетъ силы. Что дѣлать? Взять эту крѣпкую женщину съ круглыми глазами — выбросить въ окно? Все ложь. И злоба ея ложь, и ревность ложь. Онъ отлично знаетъ, что сама она его обманываетъ. Гдѣ, съ кѣмъ, неизвѣстно. Но она лжетъ.

Лучше всего надѣть картузъ, идти.

— Ну, держись, Никандрушка, недолго въ швейцарахъ просидишь! Намедни Фролычъ опять барину жаловался.

Не хочется слушать. Пусть останется дома Фролычъ, Лена, жизнь, Маріэттъ . . . Все вздоръ. Выйдешь на улицу, вдохнешь ранне-весенней сладости, услышишь чмоканье калошъ по тротуарамъ, бѣгъ ручьевъ. Тонкая полоска на закатѣ. Масленица развернетъ объятье, затуманитъ, пронзитъ. Обгоняя Никандра, катятъ извозчики,

нагруженные мастеровыми; на углу вваливаются въ лужу. Весело, хмельные сѣдоки гогочутъ, пищатъ гармоники. Кажется, надо ударить среди бѣла дня дикаго трепака, потопить трезвыхъ, оставить пьяницъ и уничтожить всѣ дома, всѣхъ жильцовъ, и швейцаровъ, порядокъ . . .

Понемногу оказывается — онъ идетъ къ Павлу Захарычу. Это не очень далеко. Павелъ Захарычъ живетъ за рѣкой, снимая уголъ. Тутъ онъ работаетъ, лысѣетъ, выдумываетъ свои проекты.

— Дома, — говоритъ хозяйка. — Куда ему дѣться, еще работы не носилъ. Пропивать нечего.

— Никандру Иванычу почтеніе! Человѣкъ, если который поможетъ товарищу въ трудное мгновенье — всегда ему уваженіе. Какъ поживаете?

— Не спрашивайте лучше!

Портной подымаетъ глаза.

— Домашнія неурядицы, вѣроятно. Противъ этого мы знаемъ одно средствіе. Извольте обождать полчаса, покуда работу кончу. Тогда къ вашему распоряженію.

„Средствіе“ Павла Захарыча состоитъ въ томъ, чтобы идти въ „Богемію“. Никандръ знаетъ это и ждетъ конца работы. Наконецъ, Павелъ Захарычъ всталъ, распрямилъ спину, снялъ очки. Теперь видно, какого онъ маленькаго роста, какъ свѣтится на темени плѣшь. Примаслившись, надѣвъ пиджакъ, фуражку, Павелъ Захарычъ выходитъ.

— Въ нашемъ быту безъ этого невозможно, Никандръ Иванычъ. Встряхнуться надо, душа проситъ простора.

Въ „Богемію“ являются довольно поздно. Много веселья кипитъ уже здѣсь. Ѳиногеновъ въ выигрышѣ и выставилъ дюжину пива.

— Паша пришелъ! М-милѣйшій человѣкъ! Никандръ Иванычъ!

Ѳиногеновъ обнимаетъ ихъ. Отъ него пахнетъ табакомъ и водкой.

— Бутылку пива за Ѳиногенова, счастливѣйшаго смертнаго, приглашаю!

— Трудно такъ выражаться, господинъ Ѳиногеновъ, — Павелъ Захарычъ пьетъ. — Нельзя намъ сказать, который изъ насъ счастливѣйшій, который нѣтъ. Вамъ улыбнулась судьба, а завтра, быть можетъ, она сразитъ васъ въ самую середку.

— Пускай потрафляетъ, я м-моей судьбѣ не препятствую. Что мы? Нѣтъ, вы скажите, что мы, Павелъ Захарычъ? Утлые челны-съ! Утлѣйшіе челны на стихіяхъ морей!

— Важно выразилъ.

— Не безъ головы.

— Вамъ бы, скажемъ, министеромъ надлежало быть, а, однако, вы на бильярдѣ по маленькой забавляетесь.

Го́лосъ изъ глубины:

— Жену стережетъ.

— Какъ жену? Кто сказалъ жену? — Ѳиногеновъ багровѣетъ.

— А по мордѣ хочешь?

— Я и тебѣ то, можетъ, набокъ сверну.

— Бросьте, господа!

— А? Кто про женъ? — кричитъ Никандръ. — Нѣтъ, сами посудите... Я честный человѣкъ... Я честный человѣкъ, а она меня же... Да я ей... Я какъ... человѣкъ... И, однако, она лжетъ.

Подходитъ хозяинъ.

— Господа, прошу не выражаться!

Никандръ съ Павломъ Захарычемъ отсѣли.

— Туманитъ мое сердце, Никандръ Иванычъ. Сосетъ. Чувствую, близки дѣла великія. Вы то что? Съ вами то чего случилось?

— Лучше и не говорить! Пропащая наша жизнь, Павелъ Захарычъ.

— Этого также нельзя сказать. Но, дѣйствительно, большую головоломку намъ выставили сюда для рѣшенія, вы правы.

— А я думаю — и не головоломку... Эхъ, Павелъ Захарычъ, по мнѣ — сгинь все, пальцемъ не ударю. Надоѣло. День за днемъ, день за днемъ... Всѣ тамъ будемъ.

— Выходитъ какъ бы и правильно, но въ существѣ ошибка. Только мы сейчасъ не будемъ... Выпейте, Никандръ Иванычъ, на меня тоже такъ находитъ...

Сзади сѣли трое нѣмчиковъ. Черезъ столъ отъ нихъ двѣ „дѣвицы". Нѣмчики строили имъ рожи, что то говорили. Одна вскакивала, бѣгала вокругъ, хохотала, вертѣлась за стуломъ нѣмца.

Вдругъ тотъ обидѣлся.

— Пс-тъ,—обратился онъ къ хозяину.—Эта персона позволяетъ себѣ шутки. Я разговариваю съ той персонъ, вдругъ эта привѣсилъ мнѣ на спину бумажный языкъ. Я прошу ее выводить.

Дѣвица сконфузилась. Подошелъ хозяинъ, сталъ шептать ей. Рука его явно указываетъ на дверь.

— Это не я ему привѣсила, ей-Богу не я! Я даже еще и не виновата!

— Постыдились бы, — говоритъ другая: — все-таки кавалеръ!

— Я прошу вышибать эту персонъ изъ заведенія, если мы находимся въ порядочномъ мѣстѣ.

Пиджачокъ нѣмца выражаетъ презрѣніе къ дикарямъ, трактиру, необразованной сволочи.

— Ну-ка, вы, поспокойнѣе, сударь!

Голосъ Павла Захарыча теперь иной, странный.

На минуту затихаютъ. Нѣмецъ негодуетъ. Ершатся товарищи.

— Я не знаю этотъ человѣкъ, я требую, чтобы удалили ту персонъ!

— Удалили? Да ты кто самъ то? А? Кто ты, мразь несчастная? А?

Павелъ Захарычъ весь малиновый, на губахъ пѣна.

— Это разбой! Я буду позывать...

— Вонъ! Сволочь! Вонъ!

Летитъ столъ, бутылки, Никандръ дико визжитъ, вцѣпился въ нѣмецкій галстукъ, хозяинъ задыхается, Павелъ Захарычъ колотитъ кулаками, свистятъ изъ угла, дѣвицы вылетѣли, въ дверяхъ виденъ городовой.

Никандра и Павла Захарыча везутъ въ участокъ. Очень тихо, никого на улицахъ, въ ясномъ небѣ полыхаютъ звѣзды. Пахнетъ весной и лужами.

Голова Павла Захарыча окровавлена. Она свѣсилась внизъ, на снѣгъ съ нея падаютъ красныя капли. Спину ему придавилъ колѣномъ дворникъ.

Въ участкѣ ихъ ведутъ къ дежурному и вталкиваютъ въ низкую комнату подвальнаго этажа. Павелъ Захарычъ говоритъ полицейскому:

— Когда будутъ ревизоры, васъ упразднятъ-съ. Правду невозможно спрятать.

Дежурный ударяетъ его кулакомъ по лицу. Кровь идетъ сильнѣе. Павелъ Захарычъ падаетъ.

Лежитъ и Никандръ у рѣшетчатаго оконца, рядомъ съ блевотиной пьянаго татарина. Сквозь рѣшетки виденъ уголъ неба. Колоссальная звѣзда, золотая, взошла на немъ. Глядя на нее, Никандръ о чемъ то думаетъ. Потомъ онъ плачетъ.

IX

Гимназистъ Петя, черпая полой шинели въ ручьѣ, пускаетъ съ друзьями кораблики. Давно уже на резинахъ лихачъ Сергѣй, и знакомая горничная во дворѣ, напротивъ, бѣгаетъ безъ калошъ.

Это тотъ самый день, когда, кажется, что выйдя изъ дому, можно уйти Богъ знаетъ куда. Неизвѣстно, вернешься ли? Такъ блѣдно-золотисто небо, прозрачны бульвары. Вотъ дѣвушка въ черной бархатной кофточкѣ, на груди ея свѣжія фіалки. Зеркальное стекло особняка; за нимъ бѣлые гіацинты. И солнце медленно спускается. Оно улыбнулось покорной, дѣвичьей улыбкой.

Какъ всегда, Никандръ сидитъ въ прихожей. Глазъ его завязанъ; онъ блѣденъ, молчитъ. Каждый входящій подумаетъ про него: битъ. Впрочемъ, все равно. Пусть думаютъ. Все подло, все очертѣло. Вчера онъ получилъ письмо безъ подписи: „Жена ваша гуляетъ.“ И еще разная дрянь.

Пусть гуляетъ. Если бъ это было два года назадъ, онъ страдалъ бы, ревновалъ, у нихъ были бы сцены; но теперь безразлично. Вотъ сейчасъ ея нѣтъ дома. Неизвѣстно, гдѣ она, а онъ думаетъ совсѣмъ о другомъ.

Онъ привыкъ разбирать шаги всѣхъ по лѣстницѣ со второго, третьяго этажа. Нѣтъ сомнѣнія, это она. Сейчасъ блеснетъ на послѣднемъ маршѣ серебряный мѣшочекъ въ черной перчаткѣ, пахнѣтъ знакомымъ.

На головѣ Маріэттъ блѣдно-сиреневая шляпа, сверху длинный вуаль-шарфикъ.

— Здравствуйте, барыня.

— Здравствуйте, Никандръ. Что это съ вами? Ушиблись? — Маріэттъ взглядываетъ участливо, большимъ чернымъ глазомъ.

— Да, въ темнотѣ, съ лѣстницы . . . Теперь заживаетъ.

Никандръ покраснѣлъ.

Маріэттъ, Маріэттъ! Вы не знаете пьяныхъ ночей, грубой сволочи, кабаковъ, участковъ, боли дикой. Вы цвѣтете въ тишинѣ, вы гіацинтъ за стекломъ, ваши стройныя ноги попираютъ землю легко: какъ тріумфаторы прекраснаго. Вотъ вы мелькнули въ прихожей, блеснули, и поплыла ваша прелесть дальше, навстрѣчу веснѣ, при-

родѣ, чудесному, чего вы на землѣ являетесь носительницей.

Вмѣсто васъ войдетъ въ эти же двери, часомъ позже, жена, Лена, со злобно-виноватымъ видомъ. Она знаетъ свою неправду, даже она страдаетъ, но боится: какъ Никандръ встрѣтитъ ее? И что она ему скажетъ?

Но Никандръ сидитъ безучастно. Безучастно отворяетъ двери.

X

Аннушка, прислуга Настасьи Романовны, плачется Никандру на Кузьму. Какъ всегда, палецъ держитъ у губъ.

— Хоть бы вы его образумили, Никандръ Иванычъ. — Вѣдь съ мѣстъ изъ-за него гонятъ, изъ-за дьявола. Приладился ко мнѣ съ этой своей любовью, тьфу, ну его къ лѣшему, и совершенно даже онъ мнѣ не нуженъ. А чуть напьется — скандалъ.

Но и Никандръ, и сама она знаютъ, что это неправда: и не наплюетъ, и черезъ недѣлю заскучаетъ.

— Хоть бы онъ любилъ какъ люди. А то у-у, бумъ-бумъ, ей Богу, Никандръ Иванычъ, иной разъ въ четыре часа ночи, вдругъ, пожалуйте, ломится. Если бъ какъ благородные.

Вздыхаютъ. Аннушка отъ огорченій, Никандръ, вспоминая, какъ и самъ онъ бываетъ „неблагороднымъ."

— Значитъ, очень вы его сердце уязвили, — онъ улыбается.

— Какое сердце! Все спьяну.

Никандру такъ же казалось раньше. Но теперь онъ меньше презираетъ Кузьму.

„Что жъ, всякому свое."

Только что ушла Аннушка, вваливается Кузьма, Никандръ дѣлаетъ знакъ рукой:

— Ты, братъ, потише тутъ. Здѣсь не женина комната.

— Да я, я ничего. Мнѣ къ бою не привыкать. Я понимаю. Гдѣ благородно, тамъ благородно.

Кузьма тоже жалуется. Ему плохо, онъ ревнуетъ Аннушку (про себя Никандръ усмѣхнулся: неужели и ее можно ревновать?), она не всегда и не охотно пускаетъ его; что жъ ему дѣлать, если не отворяютъ дверей? Стучитъ.

— А намедни, вотъ вамъ крестъ, всю ночь у порога и проспалъ, на черной лѣстницѣ. Такъ и не пустила, стерьва. Ну, конечно, въ темнотѣ стекло къ ней высадилъ.

Все это Никандръ знаетъ. И какъ его лупили потомъ дворники, съ какимъ дикимъ упрямствомъ колотитъ онъ въ дверь къ Аннушкѣ, не давая спать барынѣ.

— Ей Богу! Даже мышка соломку точитъ . . . значитъ же, и мнѣ къ ней хочется. Допустимъ, сегодня . . . Не пускаетъ!

— Иди домой, иди, пока цѣлъ. — И не думай ты глупостей.

Эти разговоры, полусвѣтъ вечера нагоняютъ уныніе. Кузьма ушелъ. Никандръ спитъ ночью плохо. Въ темнотѣ бормочетъ что то спросонья Лена — чужая теперь для него женщина, на которую онъ глядитъ равнодушно. Можетъ быть, ее мучатъ сны?

Этой ночью будятъ мало. Онъ встаетъ въ семь. Выйдя къ воротамъ, слышитъ крики. Въ глубинѣ дворники бьютъ Кузьму.

Никандръ раздражается.

— Ну какъ-таки можно, живого человѣка . . . Звѣри, право, точно и не христіанской вѣры.

— А ты поглядѣлъ бы за нимъ, заступникъ нашелся! Каждую ночь намъ на дворѣ скандалы устраиваетъ.

Окровавленный Кузьма удралъ.

На черномъ крыльцѣ появился Фролычъ. Онъ съ бакенбардами, безъ жилета, и кажется, даже его толстый животъ смотритъ на Никандра съ презрѣніемъ.

— Самъ въ участкѣ получилъ по первое число, вотъ и вздумалъ за пьяницъ заступаться. Видно, мало тебѣ еще наложили.

Дворники гогочутъ.

Никандръ плюетъ по направленію къ Фролычу и уходитъ.

XI

Три часа ночи, звонокъ. Маріэттъ. Но на извозчикѣ сидитъ еще кто то въ шубѣ.

Маріэттъ смѣется.

— Сварю вамъ кофе, есть ликеръ.

Никандръ покорно мерзнетъ у двери. Влетѣли снѣжинки, повили Маріэттъ, таютъ на обшлагѣ Никандрова пальто.

Фигура въ шубѣ слѣзла съ саней. Блестя глазами, Маріэттъ ведетъ ее наверхъ. Какъ весело они бѣгутъ! „Они любятъ другъ друга, потому и лѣстница не кажется имъ высокой.“

Электричество гаснетъ. Надо спать. Пусть будетъ ночь, входящіе, выходящіе, вѣчная суетня, отъ которой нѣтъ отдыха. Надо отдохнуть, пусть они тамъ живутъ, какъ хотятъ.

Въ пять снова звонокъ. Снова ждетъ онъ у двери. Наверху, въ этажѣ, гдѣ квартира Маріэттъ, шорохъ у выхода. „Вторникъ?.. Дорогой...“

Фигура въ шубѣ спускается, поднявъ воротникъ. Никандръ получаетъ рубль.

Черезъ пять минутъ подъѣхала фети-мети, слегка пьяная. Ее надо поддерживать за руку и вести до квартиры. Она дала двугривенный. Значитъ, всего онъ заработалъ рубль двадцать.

XII

— Дома Захарычъ?

— Дома.

Никандръ входитъ. Павелъ Захарычъ, сидя, какъ всегда, на корточкахъ, кроитъ что то.

— А-а, вотъ кого Богъ принесъ! Садитесь, сейчасъ кончаю.

— Пожалуй, фракъ кому шьете? — Никандръ улыбается.

— Нѣтъ, гдѣ же намъ фракъ. Фракъ, Никандръ Иванычъ, есть дѣло высокое. Мы сейчасъ другимъ заняты: перелицовываемъ старыя вещи. Это тоже работа умственная, вы не думайте. Какъ, значитъ, было, такъ ты и потрафляй всему наоборотъ. Въ самую мѣру выкраивай.

Никандръ не понялъ, куда надо потрафлять, но лицо Павла Захарыча глубокомысленно; онъ даже сильнѣй раскорячилъ ноги, и безъ того кривыя.

— Фракъ! А вы знаете, у Дюпре-съ: фракъ триста цѣлковыхъ стоитъ, и если тебѣ не удался, весь ножницами тотчасъ же, чикъ-чикъ . . . Другой задаромъ шьютъ.

— Богъ съ ними, Павелъ Захарычъ, не намъ носить.

— Это конечно, я вѣдь такъ, между прочимъ.

Павелъ Захарычъ снялъ очки.

— Ну, что новенькаго? Какъ жизнь наша малиновая?

Никандръ потупился.

— Да что, плохо. Я теперь одинъ, Павелъ Захарычъ . . .

— Ну?

— Вѣрно. Такъ что выгналъ жену. Не желаю больше.

— Ай-ай-ай! Что жъ такое усмотрѣли?

— И усматривать нечего. Просто гуляетъ. То съ младшимъ дворникомъ, теперь съ приказчикомъ . . . Такъ, мальчишка, собаченокъ.

— Та-та! Это правильно, если жена безъ уваженія . . .

Павелъ Захарычъ отеръ большой, сократовскій лобъ.

— Плохо-съ. А отъ какихъ причинъ, думаете?

— Думаю... Такъ, отъ нечего дѣлать. Очень тяжко жить, завернуло что то, Павелъ Захарычъ. На стѣну и лѣзутъ.

— Возможно. Жизнь наша безобразная, объ этомъ разговоръ ужъ былъ.

— Какъ сказать, для кого и хорошая. Вонъ барыня у насъ живетъ, въ пятнадцатомъ номерѣ — замужъ выходитъ, за границу уѣзжаютъ, въ теплыя мѣста... Да вы, кажется, видѣли ее?

— Пожалуй, что такъ. Слушайте, — перебилъ онъ вдругъ: — душно тутъ очень. Берите картузъ, выйдемъ на воздухъ. Денекъ то славный, а?

Былъ уже вечеръ. Небо блѣднѣло, свѣтлымъ золотомъ легли закатныя тучки. Павелъ Захарычъ захватилъ гитару, и они вышли. Повернувъ два-три раза, оказались на плацу, за городомъ. Вдали дымилъ заводъ — сквозь ласку свѣта. Налѣво лѣсокъ, буераки. А на плацу тонкій налетъ пыли по пробившейся травѣ. Худыя дѣти, съ завода, играютъ на немъ, какъ маленькіе щенята. Сѣли подъ заборъ въ тѣнь.

— Помните, какъ насъ тогда угостили... съ нѣмчикомъ то? — Никандръ усмѣхнулся.

— Чистка была важная, дѣйствительно. Что жъ дальше, Никандръ Иванычъ?

— Да ничего. Противно. Голову какъ то теряешь въ этой жизни.

Павелъ Захарычъ задумался. Его маленькіе глаза потемнѣли, онъ взялъ гитару. Потомъ жиденькимъ чистымъ теноромъ, тихимъ, какъ бы усталымъ, аккомпанируя себѣ, запѣлъ.

— Одна была-а-а утѣ-ѣха, милъ плакать, плакать не велѣлъ. Одна была утѣ-ѣ-ѣха-а-а...

Никандръ легъ ничкомъ. Гусиная травка лѣзла въ лицо. Пѣсня, въ дѣтствѣ слышанная въ деревнѣ, подсту-

пала къ сердцу. Хотѣлось плакать. Хотѣлось, чтобы было лѣто, какъ въ дѣтствѣ, рѣчка съ пискарями, мельница.

Павелъ Захарычъ оборвалъ. На его глазахъ были слезы.

— Вы трудную вещь загнули, Никандръ Иванычъ. Вы загнули о томъ, какъ жить...

Онъ обхватилъ колѣни руками. Гитара лежала рядомъ.

— Что мы видимъ съ вами вокругъ себя? Какова наша жизнь? Мы видимъ, Никандръ Иванычъ, безбожную тьму, озвѣрѣніе человѣка и погибель. Мы вотъ дѣтей этихъ видимъ, что тутъ играютъ... всѣ они пропадутъ такъ же, какъ мы съ вами. Сопьются-съ, будутъ женъ лупить... и некуда будетъ лучу Божьему заглянуть...

Павелъ Захарычъ молчалъ.

— А однако я полагаю, — что есть правда, да трудно до ней допнуться. Можно передѣлать жизнь. Если бъ налечь міромъ, принажать — то достигли бы большого. А какъ достигнешь? Я и самъ не знаю. Сидишь у себя въ мурьѣ, сочиняешь разныя штуки... но все же безъ послѣдствія. Вы какъ-то, Никандръ Иванычъ, въ трактирѣ говорили: „пронзи мнѣ сердце, Павелъ Захарычъ!“ На что я вамъ отвѣчу: ахъ, если бъ мнѣ кто его пронзилъ! Если бъ сказали мнѣ: отдай себя, Павелъ Захарычъ, пусть тобой правда одолѣетъ, какъ нѣкогда, Никандръ Иванычъ, она одолѣвала въ дѣлахъ мучениковъ-христіанъ. Вы думаете, я поколебался бы?

Никандръ взглянулъ на него. Теперь только замѣтилъ онъ, какіе голубые, свѣтлые и тихіе глаза у этого кривоногаго человѣка.

— Нѣтъ, Никандръ Иванычъ, я бы не поколебался.

Никандръ всталъ и пожалъ ему руку.

— Вы человѣкъ душевный. — Вамъ это зачтется.

Павелъ Захарычъ взялъ гитару. Опять онъ тренькаетъ, тихій свѣтъ заката легъ на него.

— Простите вашу жену, — сказалъ онъ. — Ей нелегко, вѣрьте мнѣ. Гораздо труднѣе, чѣмъ вамъ.

Никандръ лежалъ ничкомъ. Только иногда вздрагивали его плечи. Павелъ Захарычъ вздохнулъ.

— Я ухожу. Отдохните, подумайте.

Чуть наигрывая, онъ удалился. Долго была слышна его гитара. Наступали сумерки.

XIII

Впереди на резинахъ ѣхала Маріэттъ, сзади Никандръ, котораго она просила взять вещи. Приближался вечеръ; весна выступала нѣжно, въ тонкомъ запахѣ тополевыхъ почекъ, въ предзакатномъ сіяніи.

Улицы, по которымъ проѣзжали, были бѣдны; но сегодня, овитыя синевой, казались трогательнѣй, прекраснѣе.

На вокзалъ пріѣхали довольно рано; провожающихъ еще не было. Маріэттъ сѣла въ залѣ перваго класса на диванъ, круглый, бархатный, посреди комнаты. Косое солнце ударило по ней сбоку, и она зажмурилась. Фіалки на муфтѣ чернаго бархата засинѣли.

Пока Никандръ хлопоталъ съ багажомъ, наблюдалъ, чтобы артельщикъ правильно наклеилъ нумеръ, стали собираться. Вылѣзали изъ экипажей дамы, около Маріэттъ собралась компанія. Было два гимназиста, студентъ, Курціусъ, три барыни, господинъ. Онъ привезъ ей цвѣтовъ. Потомъ пріѣзжали еще люди, поздравляли съ помолвкой, завидовали Парижу.

— Нельзя вырваться, — говорилъ человѣкъ въ пенснэ, худой. — Я люблю Парижъ.

Потомъ онъ задумался. Какъ будто на минуту ушелъ отъ этихъ людей, суетни, вокзала.

— Въ Парижѣ я жилъ въ ранней молодости. Кто знаетъ Люксембургскій садъ?

Знали многіе.

Онъ вдругъ взялъ Маріэттъ за руку:

— Ахъ вы, милая Маріэттъ, поклонитесь вы Люксембургу. Тамъ въ Обсерваторской аллеѣ гравій, и въ маѣ шумятъ каштаны верхушками, внизу играютъ дѣти. Оттуда виденъ Монмартръ. Тамъ я гулялъ когда то, каждый день, по утрамъ, кончивъ работу.

Маріэттъ пожала ему руку. Они взглянули другъ на друга. Ея глазъ былъ счастливъ и влаженъ, печаленъ.

Ударилъ звонокъ. Болтая, смѣясь, то сбиваясь, то растягиваясь лентой, вытянулись на перронъ. Поѣздъ поданъ. Послѣдній вагонъ — прицѣпка, въ немъ ѣдетъ губернаторъ. Потомъ первые классы, деревянная фанера „международнаго“, вагонъ ресторанъ. Накрытъ обѣдъ, бѣлѣйшія салфетки стоятъ фунтиками, въ нихъ воткнуты розы. Свѣтъ играетъ въ хрусталѣ бокаловъ.

— Начинайте прощаться.—Сейчасъ третій, не успѣете со всѣми.

Это какъ бы ласковая насмѣшка. Маріэттъ цѣлуетъ подъ рядъ многихъ своихъ друзей, дѣйствительно, она не можетъ сдѣлать этого въ одну минуту. А когда всѣ перецѣлованы, кажется — вдругъ кого-нибудь забыла?

Вотъ она на площадкѣ. Киваетъ, закрывается муфтой. На рѣсницѣ слеза. Кой-гдѣ влажны глаза у женщинъ. Въ послѣдній моментъ господинъ въ пенснэ прикрѣпилъ ей къ кофтѣ маргаритку.

— Люксембургу то! Не забудьте!

Поѣздъ двинулся. Мелькая, плавно проносясь, сливались вагоны въ туманную змѣю.

Полная дама, съ глазами блѣдно-синей эмали, вздыхаетъ.

— Апрѣль въ Парижѣ такъ хорошъ!

— Пропили мы нашу Маріэттъ! Укатила.

Худой господинъ идетъ вдоль рельсовъ, обрывая свои маргаритки. Ихъ головки летятъ по пути. У выхода онъ сталкивается съ Никандромъ.

— Прощайте, Маріэттъ!

XIV

„Богемію“ заперли. Послѣднимъ вышелъ Ѳиногеновъ, обнимая Никандра.

— Выставляютъ насъ изъ заведенія! Э-эхъ ты, знай малина, играй комаринскую! Филь-филь, подфиль-филь, труфель-нафель подфиль-фи-и-иль!

Ѳиногеновъ плясомъ проходитъ по мостовой. Вотъ онъ снова на тротуарѣ и безъ устали вьется въ танцѣ.

— Тру-лю-лю моя головка, труфель-нафель подфиль-филь.

— Молчи! кричитъ Никандръ. — Перестань, пьяная тля.

— На томъ свѣтѣ въ лазаретѣ больнымъ кашицу варитъ! — вдругъ взвизгнулъ Ѳиногеновъ, осатанѣвъ.

Подошелъ городовой.

— Безъ шумовъ здѣсь. Чтобы тихо.

Никандръ повернулъ въ другую сторону. Издали Ѳиногеновъ крикнулъ ему: „Прощай, колъ тебѣ въ хрѣнъ, пропащіе всѣ! Продала меня за три съ полтиной.“

И въ бѣшенствѣ, въ безсмысленномъ азартѣ засеменилъ трепака.

Никандръ шелъ лѣниво. Небо блѣднѣло. Скоро долженъ былъ придти разсвѣтъ, но этотъ приходъ казался безразличнымъ. Мутный, усталый, взоръ не отдыхалъ.

На углу проспекта къ нему подошла худая, черная дѣвушка.

— Пойдемъ ко мнѣ, Коля!

— Пойдемъ!

Теперь онъ былъ Колей, а она Маней. Онъ равнодушно слушалъ, что она говорила. Про какихъ то пьяныхъ гостей, которые не уважаютъ и бьютъ бѣдныхъ дѣвушекъ. Никандръ посочувствовалъ. У воротъ дома слѣзли съ извозчика. Впустилъ сонный дворникъ.

— Дай ему потомъ пятиалтынный.

Это запомнилось: на обратномъ пути дать пятиалтынный.

Въ комнатѣ Мани пахло сыростью, висѣли бумажные цвѣты. На кровати красное шелковое одѣяло.

— Выпьемъ!

Маня блѣдна. Отъ холода, шлянья у ней подъ глазами круги.

Сидя у него на колѣняхъ, хлопая стаканчикомъ мадеру, она разсказываетъ вѣчныя исторіи „дѣвицъ“: о дѣтствѣ, первой любви, обманѣ, горестяхъ своихъ. О какомъ то „Сашкѣ,“ который сошелся теперь съ другой. Никандръ тоже пьетъ, и вдругъ ему кажется, что сейчасъ она его зарѣжетъ этимъ ножомъ для яблокъ.

— Ты можешь человѣка убить? — спрашиваетъ онъ.

Маня смотритъ пьяными глазами и не понимаетъ.

— Пойдемъ, Коля, ляжемъ!

— Нѣтъ, постой. — Ты умѣешь по карнизамъ ходить?

— Коля, я не понимаю. Пойдемъ, ляжемъ! Ты, можетъ, думаешь что? Я съ тобой останусь.

— Нѣтъ, — Никандръ упрямъ, блѣднѣетъ. — Я тебя спрашиваю, ты умѣешь лазить по стѣнамъ?

Онъ снялъ обувь и пиджакъ и, стараясь изобразить тигра или дикую кошку, на четверенькахъ, легко и безшумно дѣлаетъ круги вдоль стѣнъ комнаты. Гдѣ можно, идетъ по краю кровати, комода.

Маня болтаетъ ногой.

— Ну, ходи, ходи! Вовсе и не страшно, ничего особеннаго. Недѣлю назадъ гость спьяну рѣзать себя сталъ, и то я не испугалась.

Папироска въ зубахъ и равнодушный видъ указываютъ, что уже много такого и въ этомъ родѣ видано въ этой комнатѣ. Дѣйствительно, не удивишь.

Сдѣлавъ нѣсколько туровъ, Никандръ ложится, въ поту.

— Ну вотъ, только зря мучился.

Дальше все идетъ какъ надо. Минутами теряется сознаніе, минутами злѣй душитъ что то. Сколько времени прошло? Сказать трудно. Но вотъ туманная заря, тонкая, больная. Запотѣли окна. Маня спитъ нездорово, подергиваясь. Теперь она еще худѣй.

Надо идти. Куда то надо уходить, все идти, но никуда не приходить.

— Оставайся, Коля! Куда такъ рано?

— Пора.

— Ну, прощай, если не хочешь.

Она бѣжитъ босикомъ проводить его до двери. По дорогѣ выхватываетъ изъ стакана розу, приколола ему.

— Слушай, Коля, заходи! Пожалуйста!

Онъ обѣщаетъ. Не все ли равно. Конечно, никогда больше ея не увидитъ. Но можно и пообѣщать. Кто такая она? Тысячи такихъ Мань, всѣ онѣ уходятъ одна за другой, чтобы навсегда сгинуть. Чѣмъ эта лучше другихъ?

На улицѣ, въ разсвѣтѣ, онъ снимаетъ розу. Хорошая роза. О чемъ такое вспомнилось? Нѣтъ, нельзя никакъ представить. Мелькнуло, и нѣтъ. Главное — ѣхать.

— Извозчикъ!

Резинки мягки и шумятъ чуть-чуть. Какое утро! Почему такая чудесная роза оказалась у Насти! Нѣтъ, она не Настя, ее зовутъ Лена. Раньше она была его жена, а теперь поступила на новое мѣсто. Впрочемъ, это все

чепуха. А вотъ какой то мостъ. Необыкновенно широкая рѣка. Раньше не замѣчалъ. Половодье! Ровная, какъ могучая женщина. Течетъ упруго и немного шипитъ. Это льдинки.

А съ востока вылѣзло солнце, проложило по водѣ широкія огненныя дороги.

Шипѣніе льда, холодъ, роза.

Никандръ слѣзъ съ извозчика.

— Поѣзжай, братецъ. — Я того . . . пѣшкомъ.

Извозчикъ отъѣхалъ.

Ахъ, какая славная рѣка! И несетъ, и несетъ; если опереться на перила, смотрѣть внизъ, то кажется, во-первыхъ, что летишь. И второе, — тамъ гдѣ то очень въ глуби есть ея сердце . . . милое, большое рѣчное сердце.

Крутитъ, крутитъ, соединяетъ водяныя косы, расплетаетъ, точно идетъ ворожба на водѣ. А, вотъ это кто! Стало ясно, водовороты замолкли, наконецъ, это то, что надо.

Никандръ улыбнулся. Пусть! Значитъ, такъ надо. Чувство свободы, свѣтлой тишины нашло на него. Отдыхъ, отдыхъ!

Онъ поднялъ правую ногу, налегъ грудью на перила и медленно полѣзъ.

Пять минутъ спустя, городовой держалъ его за шиворотъ.

— Еще куда? Или совсѣмъ одурѣлъ?

Городовой былъ возмущенъ. Подходили любопытные. Что то говорили. Однимъ было смѣшно, другіе ругались. Городовой жарко разсказывалъ. „Какъ я, значитъ, стою, и вдругъ это вижу, — неизвѣстный за перила шасть. Я его за загривокъ, разумѣется . . .“

— Ну, народъ!

— Эхъ, парень, парень!

Никандръ слушаетъ равнодушно.

XV

Іюнь, жаркій вечеръ. Трудно дышать, солнце прощально горитъ въ стеклахъ, тучкой вьются въ небѣ голуби, розовѣя. При закатѣ туманно-пыльный пологъ одѣнетъ все. Людьми овладѣетъ раздумье. Въ квартирахъ голо, одинокіе жильцы виснутъ на окнахъ. Уйти некуда. Бульвары пыльны. Время лѣтней тоски города.

Подперевъ голову, сидитъ на скамеечкѣ, на тротуарѣ Никандръ. Рядомъ открыта парадная дверь. Теперь лѣто, большинство жильцовъ разъѣхалось; работы меньше; но уходить все же нельзя. Да и куда идти, зачѣмъ?

По тротуару, напротивъ, шагаетъ Павелъ Захарычъ. Онъ со сверткомъ, видимо несетъ заказъ.

— Далеко шествуете?

Портной оборачивается.

— А, вотъ это кто! Давно не видѣлись. Здравствуйте.

— Садитесь, Захарычъ, замучились, вѣрно.

— Тепло-съ.

— Даже очень.

Отирая потъ, Павелъ Захарычъ садится. Онъ будто смущенъ немного. Послѣ исторіи съ рѣкой онъ видитъ Никандра впервые и не знаетъ, какъ держаться.

— Ну, вотъ, Павелъ Захарычъ, опять вы у меня въ гостяхъ. Время то идетъ, не замѣчаешь.

Никандръ улыбается.

— А вы будто устали, Никандръ Иванычъ?

— Нѣтъ, ничего. Теперь меньше работы. И жена помогаетъ.

— Жена?

— Да, жена. Помните, что вы мнѣ сказали? Я принялъ ее.

Павелъ Захарычъ посмотрѣлъ на него.

— Помню-съ. Очень хорошо помню. Что же, дай вамъ Богъ счастья, Никандръ Иванычъ.

— Счастья?

Никандръ опять улыбнулся.

— Этого дѣла вовсе нигдѣ нѣтъ, незачѣмъ и говорить.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! — вздохнулъ Павелъ Захарычъ. — Какъ это васъ тогда... угораздило? Насчетъ потопленія?

— Можетъ, и вѣрнѣе было бъ. Да что — было, теперь нѣтъ. Все опять по-старому. Даже забывать сталъ. Видите, каморка моя, телефонъ, жена... Все налаженное.

— Жильцы то теперь другіе?

— Богъ съ ними! Сколько ни мѣняй, всѣ какъ одинъ.

— Это вѣрно. Также у меня заказчики.

Помолчали.

— Вѣдь и вы, небось, Павелъ Захарычъ, — попрежнему? Пошумите въ кабакѣ, помудрствуете... а потомъ — къ себѣ въ уголъ?

Павелъ Захарычъ не отвѣтилъ. Онъ сидѣлъ, будто соображая.

— Что же дѣлать, Никандръ Иванычъ, не мы одни. Намедни я читалъ Библію. Я иногда ее читаю. И тамъ, въ Екклезіастѣ, царь Соломонъ говоритъ: „Идетъ вѣтеръ къ югу и переходитъ къ сѣверу, кружится, кружится на ходу своемъ, и возвращается вѣтеръ на круги свои". Вотъ какъ выражено!

— Это сказано важно.

— Значитъ же, большая тоска взяла его. А вѣдь кто былъ!? Подумать только: царь Соломонъ!

Павелъ Захарычъ покачалъ головой.

— Однако прощайте. — Заболтался съ вами.

Они разстались.

Скоро Лена позвала Никандра ужинать. Какъ всегда, за столомъ они молчали. Потомъ легли спать. Началась лѣтняя ночь. Хотя жильцовъ возвращалось мало, Никандръ долго не могъ заснуть. Ему вспомнилось утро, рѣка, Маріэттъ. Ея образъ, привидѣвшійся тогда въ

водѣ. Онъ зналъ, — въ послѣдній, въ предпослѣдній разъ онъ ее вспоминаетъ. Пройдетъ мѣсяцъ, два, годъ — ничего не вызоветъ она въ немъ. Это было больно, но неминуче. Какъ неминуче будетъ онъ вставать, ложиться, дѣлать дѣло, годами дѣлаемое всѣми.

„И возвращается вѣтеръ“, вспомнилъ онъ, „на круги свои.“

Передъ утромъ онъ, наконецъ, забылся.

ВѢРНОСТЬ

УЧАСТВУЮЩІЕ:

Константинъ Иванычъ
Марья Гавриловна
Даля
Лялинъ, писатель
Діалектовъ
Царевна
Евдокія.

I

Мартъ, пять часовъ дня. Большая комната въ квартирѣ Конст. Ив. Первый этажъ особняка. Обстановка простая, въ сѣроватыхъ тонахъ. Видна терраса въ снѣгу, садъ, голыя вѣтви деревъ. Отъ зари пепельно-розовый отсвѣтъ. Конст. Ив. и Евдокія сидятъ на диванѣ. Евдокія куритъ.

Конст. Ив. Видите, сѣдой волосъ. У Мари вчера я тоже нашелъ сѣдую прядь. Вотъ оно, время то.

Евдокія. Вовсе вы и не такъ почтенны. Сколько вамъ?

Конст. Ив. Тридцать пять.

Евдокія. Ну, конечно.

Конст. Ив. Да, а у Мари эта сѣдина мнѣ понравилась.

Евдокія. Это почему?

Конст. Ив. Дѣлаетъ человѣка значительнѣй. Будто знакъ какихъ то душевныхъ заслугъ.

Евдокія. Благодарю покорно за эти заслуги. Выдумки! Просто устанетъ, натерпится и сѣдѣетъ. Обыкновенно изъ-за васъ же, мужчинъ.

Конст. Ив. Такъ и знала — проборка. Простите, ради Бога, что нравится сѣдой локонъ. Ради Бога, простите.

Евдокія. Хорошо, я вотъ что хочу знать: Маша то по-вашему счастлива? Или нѣтъ?

Конст. Ив. Счастлива ли? До сихъ поръ хорошо жили. А послѣднее время . . .

Евдокія. Ну?

Конст. Ив. Да ничего. Какъ то слишкомъ ровно. Точно рельсы — и по нимъ катишь.

(*Евдокія неодобрительно качаетъ головой. Конст. Ив. прохаживается*).

Конст. Ив. Можетъ быть, это и хорошо . . . но человѣку мало. Это и Маша чувствуетъ. Видите (*показываетъ на садъ*), красная заря. Хочется чего то такого . . . необыкновеннаго. Я знаю, вы не одобряете.

Евдокія (*тушитъ папироску*). Не одобряю. Это отъ сытой жизни . . . романтизмы всякіе.

Конст. Ив. „Съ жиру бѣсишься". (*Пробуетъ мускулы на рукахъ*). Да не особенно жиренъ, право.

Евдокія. Не въ томъ дѣло. Вы избалованы — мускулы тутъ не при чемъ. А Маши то нѣтъ.

Конст. Ив. Она на выставкѣ. Сегодня Союзъ, открытіе. (*Слышенъ звонокъ; горничная бѣжитъ отворять*). Навѣрно, она.

(*Входитъ Марья Гавриловна, въ весеннемъ туалѣтѣ, большой шляпѣ*).

Конст. Ив. Здравствуй, другъ. (*Подходитъ къ ея рукѣ и цѣлуетъ*).

Марья Гавриловна. Здравствуйте. Кто это тамъ на диванѣ? А, Евдокиша! (*Обнимаются, крѣпко цѣлуютъ другъ друга*).

Евдокія. Наконецъ, тебя дождалась. Меня твой мужъ тутъ занималъ, да, кажется, я ему надоѣла.

Конст. Ив. Ложь! Сама меня ругала за каждое слово.

(*Смѣется, идетъ къ выходу*).

Марья Гавр. Костя, погоди. Ты изъ дому не уйдешь?

Конст. Ив. Нѣтъ. А что?

Марья Гавр. Я на выставкѣ встрѣтила Царевну, она обѣщалась черезъ полчаса зайти, съ Далей. Что то нужно тебѣ сказать.

Конст. Ив. Отлично.

(*Уходитъ*).

Евдокія. Успѣлъ ужъ похвастаться, что у тебя какая то сѣдая прядь. Будто особенно это умно, прекрасно . . . Ну, покажись?

Марья Гавр. (*улыбаясь*). А ты свирѣпая, какъ всегда, на Костю страху нагнала.

Евдокія. На нихъ не очень то нагонишь. Я не люблю мужчинъ, ты знаешь. Я про твоего не говорю, а такъ вообще . . . козлы.

Марья Гавр. (*смѣется*). Козлы! Ты выдумаешь. А однако, намъ безъ нихъ трудно.

Евдокія. Сами виноваты. Лѣзете очень, избаловали. Они и зазнались.

Марья Гавр. Да ничего не подѣлаешь, видно, такъ ужъ мы созданы.

Евдокія. А, ничего не созданы! Все это слова. Всегда можно себя поставить.

Марья Гавр. Ты, Евдокія, умная и, должно быть, сильная женщина, ты другое дѣло. А я не умѣю. Конечно, это глупо и обидно . . . но что я безъ Константина, напримѣръ? Что я изъ себя изображаю?

Евдокія. Учили насъ плохо. Бабы мы.

(*Марья Гавр. садится въ кресло, вытянувъ руки. Видъ у ней усталый и тихій*).

Марья Гавр. Почему Константинъ заговорилъ о сѣдинѣ? Ему обидно, что ли, что я сѣдѣю?

Евдокія. Напротивъ. Нравится. Говоритъ, что это именно очень хорошо.

Марья Гавр. (*усмѣхается*). Чудакъ. Что жъ хорошаго? (*Помолчавъ*). Мнѣ кажется, вообще, Константинъ неспокоенъ. Что то у него есть на душѣ. Ахъ, Евдокиша, иногда я тебѣ завидую, что ты живешь такъ — одна, никого не любя, отъ себя самой зависи . . .

Евдокія. И нужно завидовать. Ты мнѣ милліонъ дай, не буду ни съ кѣмъ вмѣстѣ жить. Прежде любила — теперь довольно.

Марья Гавр. Холодно такъ, безпріютно. Я не могу. Задохнешься. Тоска возьметъ . . . нѣтъ, брр . . .

Евдокія. Когда работаешь, некогда тосковать.

Марья Гавр. Нѣтъ, безъ любви плохо.

Евдокія. Да вотъ ты, напримѣръ, что ты — счастлива?

Марья Гавр. Когда сѣдѣешь, счастливой быть поздно. Но все же, если любила, есть хоть чѣмъ помянуть жизнь. Даже страданія любви вспоминаются потомъ иначе.

Евдокія. Пустяки разсказываешь.

(*Медленно входитъ Діалектовъ. Онъ одѣтъ въ блузу и близорукъ*).

Марья Гавр. Здравствуйте, Александръ Григорьичъ. (*Евдокіи*). Позволь тебѣ представить, Евдокія, самый ученѣйшій отшельникъ, Александръ Григорьичъ Діалектовъ.

(*Діалектовъ неловко кланяется*).

Діалектовъ. Константинъ Ивановичъ дома?

Марья Гавр. Дома.

Діалектовъ. Мнѣ нужно бы его повидать. Можетъ быть, онъ занятъ? Тогда въ другой разъ.

Марья Гавр. Нѣтъ, навѣрно, сейчасъ придетъ. А вы пока посидите съ нами. Если не соскучитесь.

Діалектовъ. Я могу.

Марья Гавр. (*усмѣхаясь*). Александръ Григорьичъ, вотъ вы, навѣрно, очень преданы любви? Правда?

Діалектовъ. Я не понимаю вопроса.

Евдокія. Вы не женаты, конечно?

(*Діалектовъ безнадежно машетъ рукой*).

Марья Гавр. Почему презрѣніе такое?

Діалектовъ. Нѣтъ, я лучше убить себя дамъ, только не женюсь.

Марья Гавр. И дѣтей не любите?

Діалектовъ. Нѣтъ, нѣтъ, ужасъ одинъ. Пищатъ; тащутъ все. Мнѣ покой нуженъ.

Евдокія. Такъ-съ.

Діалектовъ. А тамъ пойдетъ гвалтъ, разныя семейныя исторіи... О, Господи.

Марья Гавр. Да вѣдь одному скучно?

Діалектовъ. Я въ прошломъ году снялъ комнату. Комната была ничего себѣ. Ну. И вдругъ, оказывается, хозяйка музыкантша. Чуть съ ума меня не свела, увѣряю васъ. Долженъ былъ съѣхать.

Марья Гавр. Къ чему вы все это?

Діалектовъ. Какъ къ чему? (*Помолчавъ*). А вдругъ жена въ консерваторію поступитъ?

(*Марья Гавр. и Евдокія смѣются*).

Діалектовъ. Вамъ смѣшно, потому что вы не работали надъ книгами. А мнѣ это невыносимо.

Евдокія. Если вы женитесь, я не позавидую вашей женѣ.

Діалектовъ. Не женюсь я.

Евдокія. Ого!

Марья Гавр. Что ваша работа?

Діалектовъ. Ничего. Мнѣ хотѣлось достать у Константина Иваныча Соловьева. Вы не знаете, есть у него?

Марья Гавр. (*весело*). Есть. Не притворяйтесь, просто съ нами скучно. (*Входитъ Конст. Ив.*). Вотъ и другъ вашъ. Костя, къ тебѣ Александръ Григорьичъ по дѣлу.

(*Нѣсколько времени онъ съ Евдокіей сидятъ, разговаривая между собой, потомъ уходятъ*).

Конст. Ив. Come sta, egreggio?

Діалектовъ (*конфузливо*). Я по-итальянски еще не учился, не понимаю, что вы спросили.

Конст. Ив. Спрашиваю про здоровье. Видъ у васъ неважный, такой вы согбенный, удрученный премудростями.

Діалектовъ. Да, плохо. (*Садится и подпираетъ голову рукой*).

Конст. Ив. Я самъ сегодня ослабъ. Съ вами бываетъ, что вдругъ найдетъ такая тупость... Ноетъ, ноетъ въ сердцѣ. Не знаешь, куда дѣться. Если бы Евдокія тутъ была, она выругала бъ меня, разумѣется, за распущенность. А при васъ можно. (*Ложится на диванъ*). Разскажите мнѣ что-нибудь хорошее.

Діалектовъ. Знаете, Константинъ Иванычъ, у меня къ вамъ небольшая просьба: нельзя ли, если у васъ есть, взять на нѣкоторое время Соловьева?

Конст. Ив. (*привстаетъ на локоть, потомъ опять ложится, хохочетъ*). Ахъ, Діалектычъ! Вѣчно-равный, мудро блаженный! Что вы сдѣлали бъ сейчасъ, если бъ случилось землетрясеніе? Побѣжалъ бы домой спасать

книжки. Такъ. Вотъ жизнь, я понимаю. Постоянно онъ что-нибудь пишетъ, что-нибудь выискиваетъ... завидно на васъ, право.

(*Діалектовъ смущенно смѣется*).

Конст. Ив. Соловьевъ у меня есть, я дамъ вамъ его, разумѣется. Но сейчасъ лѣнь вставать. Пойдите въ мою комнату, тамъ на средней полкѣ, въ зеленыхъ переплетахъ.

(*Діалектовъ одобрительно поддакиваетъ головой. При послѣднихъ словахъ медленно и грузно выходитъ*).

Діалектовъ (*въ дверяхъ*). Мнѣ можно тамъ посмотрѣть? Здѣсь стало темно, я плохо вижу.

Конст. Ив. Пожалуйста.

(*Конст. Ив. лежа куритъ. Сумерки сгущаются. Въ окно виденъ тонкій блѣдный мѣсяцъ. На полу отъ него легкое сіянье*).

Марья Гавр. (*входя*). Ты здѣсь, Константинъ?

Конст. Ив. Здѣсь.

Марья Гавр. Одинъ? Что ты тутъ дѣлаешь?

Конст. Ив. Діалектовъ ушелъ смотрѣть книги, я валяюсь. Поди сюда, Мари. Сядь ко мнѣ.

(*Марья Гавр. подходитъ*).

Марья Гавр. Что, другъ, лежите... размышляете?

Конст. Ив. Курю, Мари. Вотъ сумерки, мѣсяцъ вышелъ. Смотри, какой онъ чистый, нѣжный.

Марья Гавр. Да, хорошо. (*Помолчавъ*). Только не заглядывайся на него.

Конст. Ив. Почему?

Марья Гавр. Я только что смотрѣла въ своей комнатѣ. Весенній, молодой мѣсяцъ. Вспомнишь жизнь — защемитъ сердце. Не воротишь что было. Никакъ.

Конст. Ив. (*тихо*). Никакъ.

Марья Гавр. Не вернешь вечера, когда мы помирились послѣ ссоры, глядѣли такъ же на мѣсяцъ... и плакали. Какія это были слезы! Теперь ужъ не заплачемъ, Константинъ. Не тѣ мы. Вотъ она сѣдина, которую ты хвалилъ нынче. (*Протягиваетъ ему прядь*).

Конст. Ив. Скажи мнѣ, Мари, тебѣ плохо жить со мной? Говори, ты неправды не скажешь, я знаю.

Марья Гавр. Отчего же... Ты меня любишь... А вообще — я много думаю о жизни и не могу сказать, чтобъ счастье было особенно легко. Оно дается рѣдко. И минутой. А въ извѣстное время улетаетъ. Такъ свободно улетаетъ, легко... какъ радужный пузырь изъ соломинки. (*Встрепенувшись*). Ты не подумай, что я говорю про насъ. Я вообще. Я то счастлива уже тѣмъ, что люблю тебя, такого... (*Наклоняется къ нему, цѣлуетъ въ лобъ*) такого дорогого человѣка.

Конст. Ив. Мари, Мари... Какъ я тебя люблю... Мы утомились нѣсколько, устали... но это пройдетъ. Вновь чувство будетъ ярко. (*Цѣлуетъ ей руку*). Жизнь моя, молодость, счастье — это ты.

Марья Гавр. Спасибо, другъ. Ну, прости, мнѣ нужно... къ Евдокіи.

(*Обнимаетъ его и уходитъ*).

Конст. Ив. Мари несчастна... Милая Мари, съ блѣдными руками. (*Встаетъ, подходитъ къ окну и смотритъ*). А почему? Случилось что-нибудь? (*Недоумѣнно пожимаетъ плечами*). Я люблю ее очень, очень... Но почему печаль появилась въ моей любви?.. Почему? (*Наклоняется къ цвѣтамъ*). Гіацинты пахнутъ сладко, пьяно... но отъ нихъ сердце болитъ еще сильнѣй.

(*Стоитъ молча, потомъ напѣваетъ: „Звѣзда-а вече-ерня-я моя, ты закатила-ась на-авсегда-а...“*)

(*За дверьми шумъ, смѣются, потомъ голосъ Марьи Гавриловны*: „*сюда, пожалуйста.*“ *У входа появляются Марья Гавриловна, Царевна, Даля*).

Царевна. Фу, сурокъ, забился куда то, его и не найдешь.

Марья Гавр. Дуня, дайте лампу.

(*Горничная вноситъ лампу*).

Царевна (*хлопая его шаловливо огромной бархатной муфтой*). Хорошъ, я удостоила его визитомъ, привела Дальку, а онъ хоть бы что.

Конст. Ив. Ты хочешь, чтобы я на стѣну лѣзъ? Дудки!

Царевна. Пахнетъ у него гіацинтами, поэтическій полумракъ. Вздыхалъ тутъ, что ли?

Конст. Ив. Помолчи лучше, болтунъ. Скажи ты, какъ поживаетъ „нашъ высокоталантливый?“ Говорятъ, онъ тоже сюда пріѣхалъ?

Царевна. Да, я къ тебѣ отъ него. Онъ на тебя сердитъ, сказалъ, что больше не будетъ оттисковъ посылать, потому что ты ни гу-гу. Могъ бы, говоритъ, написать пару словъ. Знаетъ, что мнѣ интересно.

Конст. Ив. А если ругаться буду?

Царевна. Все равно. Если другъ, долженъ правду говорить.

Конст. Ив. Ну, виноватъ, дѣйствительно. Мнѣ и вещь то какъ разъ понравилась. Лѣнь, не могу собраться. Ты ему такъ и скажи.

Марья Гавр. (*Далѣ*). Какъ вамъ показался Союзъ?

Даля. Мнѣ очень нравится.

Царевна. Надоѣли всѣ эти Союзы. Сегодня вернисажъ. Всѣ ходятъ истуканами, мужчины шепчутся, только и пріѣхали всѣ другъ другу показаться.

Марья Гавр. (*съ улыбкой*). Не тебѣ бы говорить, Царевна (*Конст. Иванычу*). Пріѣзжаю я, она бродитъ по заламъ, въ лорнетъ стрѣляетъ . . .

Царевна. Я люблю лорнеты, что жъ подѣлать.

Марья Гавр. Сзади хвостъ юнцовъ. Мужчины поигрываютъ. Когда она проходитъ, репортеры строчатъ: „жена извѣстнаго писателя Л.“

Царевна. Это у насъ называется кобельки.

(*Смѣются. Царевна серьезна*).

Конст. Ив. Ты войди и въ ихъ положеніе, явишься ты въ этакой шляпѣ гроденапль, платье цвѣта мовъ, глаза гридеперль, брови сюра . . .

Царевна. Онъ ополоумѣлъ, совершенно! Марья Гавриловна, лѣчите его, гдѣ же это видано, чтобы брови сюра . . .

Конст. Ив. Прости, прости, виноватъ.

(*Царевна съ Марьей Гавр. встаютъ и говорятъ вполголоса. Потомъ Марья Гавр. выходитъ*).

Царевна. Прощай, Константинъ, значитъ тебѣ отъ моего будетъ взбучка. Готовься. А теперь мнѣ некогда. Для развлеченія оставляю тебѣ Дальку. Займи ее. (*Протягиваетъ руку для поцѣлуя*). Если же абсолютно ничего не выйдетъ, сыграйте въ шахматы. Далька отчаянная игрица. Сдѣлаетъ она тебѣ матъ. Константинъ, смотри . . . Такой, позорный . . . Какъ это называется? Въ нѣсколько ходовъ? Киндер . . . киндербальзамъ?

Даля (*смѣясь*). Киндерматъ.

Царевна. Вотъ именно этотъ киндерматъ. Привѣтъ!

(*Выходитъ*).

Конст. Ив. Вы въ самомъ дѣлѣ такой . . . Чигоринъ?

Даля. Что вы. Я играла немного съ братомъ, но плохо . . .

(*Слегка стѣсняясь, смотритъ по сторонамъ, какъ бы разсматривая комнату*).

Даля. Въ этой комнатѣ живете... вы?

Конст. Ив. Нѣтъ. Почему вы подумали?

Даля (*смутившись*). Навѣрно, эти гіацинты... вы любите.

Конст. Ив. Да, угадали. (*Взглядываетъ на нее внимательный*).

Даля. Такъ показалось. Ну, это пустяки... (*Розовѣетъ и смѣется*). Не обращайте вниманія.

(*Минуту молчаніе*).

Конст. Ив. Что жъ, сразимся?

Даля. Право, вы меня побѣдите... Впрочемъ, давайте.

(*Конст. Ив. ставитъ столикъ, достаетъ шахматы и зажимаетъ въ рукѣ по пѣшкѣ*).

Конст. Ив. Вамъ которую?

Даля. Эту.

Конст. Ив. Бѣлыя мои. (*Разставляетъ шахматы*). Начинаю. Такъ называемый дебютъ ферзевой пѣшки.

Даля. Вы хотите меня запугать страшными словами...

Конст. Ив. Когда дурно себя чувствуешь, шахматы превосходны. Въ нихъ абсолютность есть, чистота. Ничьихъ интересовъ они не задѣваютъ. Играешь — и обо всемъ можно забыть.

Даля (*дѣлая ходъ*). А сейчасъ вы играете тоже потому, что вамъ плохо?

Конст. Ив. Слушайте, сколько вамъ лѣтъ?

Даля. Двадцать. А что?

Конст. Ив. Ничего. (*Двигая фигуру*). Молода была, зелена была. (*Вздыхая, закуриваетъ*). Я сейчасъ играю по священной обязанности гостепріимства.

Даля. Если скучно, можно бросить.

Конст. Ив. Я шучу.

(*Играютъ молча. Конст. Ив. напѣваетъ: „Звѣзда вечерня-я моя“... Даля обертывается къ окнамъ и смотритъ*).

Даля. Мнѣ все нравится здѣсь... у васъ. Мало осталось такихъ старыхъ, хорошихъ домовъ. Садъ, терраса. Какая ночь! Мѣсяцъ. Если бъ не лампа, онъ отлично свѣтилъ бы сюда.

(*Конст. Ив. встаетъ и придвигаетъ два стула. Потомъ ставитъ на нихъ, рядомъ съ ней, грядку гіацинтовъ*).

Даля. Зачѣмъ это?

Конст. Ив. (*слегка смущенно*). Вы тоже... навѣрно... любите ихъ.

Даля. Да, очень. Благодарю васъ.

Конст. Ив. Продолжаемъ. Вашей королевѣ — гардэ.

Даля. Не страшно.

(*Конст. Ив. пристально смотритъ на нее и не дѣлаетъ хода*).

Даля. Ну?

Конст. Ив. Я смотрю на васъ... Какіе у васъ странные глаза.

Даля. Играйте, вашъ ходъ.

Конст. Ив. Можно сказать вамъ одну вещь?

Даля (*робко*). Говорите...

Конст. Ив. Да. (*Опять всматривается, будто отыскивая что то*). Глаза. На матовомъ лицѣ, совсѣмъ блѣдномъ, поражающей формы глаза... Они у васъ немного неправильно сдѣланы... приподняты углы.

(*Въ недоумѣніи продолжаетъ всматриваться. Точно сейчасъ только разглядѣлъ и почти испуганъ. Даля смущена. Чтобы скрыть это, углубляется въ игру и дѣлаетъ ходъ. Конст. Ив. машинально отвѣчаетъ на ея движеніе*).

Даля (*оправившись*). Вы замолчали, сразу. О чемъ вы задумались?

Конст. Ив. Играйте, Даля. (*Она слегка вздрагиваетъ*).

Даля. Извольте. Шахъ.

Конст. Ив. Пустое. Отступаю и спасаюсь.

Даля (*тихо*). Нѣтъ, не пустое. (*Дѣлая ходъ*). Матъ.

Конст. Ив. Матъ? Невѣроятно. (*Вглядывается. Черезъ минуту удивленный*). Въ самомъ дѣлѣ. Конь и королева. (*Поднимаетъ на нее глаза. Смотрятъ другъ на друга молча*).

Даля (*смущенно*). Я и сама никакъ не ожидала.

Конст. Ив. Удивительно, странно. Моя партія сильнѣй.

(*Обоимъ неловко. Конст. Ив. молча убираетъ шахматы*).

Конст. Ив. Это Царевна напророчила. Скандалъ, скандалъ.

II

Вечеръ, весна. Берегъ сѣвернаго озера. Огромный камень, у подошвы котораго поплескиваетъ вода. Сосновый лѣсъ, вдали двѣ дачи. Закатъ розовый, вода серебряная

Лялинъ (*сидитъ на камнѣ*). Это и есть знаменитое озеро? Какъ ты назвалъ Су — су... забылъ дальше.

Конст. Ив. Суокса. Тебѣ не нравится?

Лялинъ. Озеро хорошее, днемъ слишкомъ сине. А сейчасъ — ничего себѣ. Да вообще этотъ край удивительный — у вашихъ финновъ все устроено не по-человѣчески. Ты смотри, пожалуйста, ночи нѣтъ, бѣлесая мгла, озеро серебряное, красноватый тонъ, сосны... Какъ будто для равныхъ лѣшихъ, русалокъ приноровлено.

Конст. Ив. Да, страна чуднàя.

Лялинъ. Я, положимъ, къ этой чертовщинѣ довольно равнодушенъ, а все-таки...

Конст. Ив. Не раскаиваешься, что далъ себя затащить сюда? Это вѣдь отчасти мой грѣхъ.

Лялинъ. Пустое. А потомъ, разъ Царевна рѣшила, сопротивляться безполезно.

Конст. Ив. Здѣсь у насъ цѣлая колонія — все я вывезъ. Діалектовъ, мой другъ, — Евдокія — ты съ ней, кажется, ужъ знакомъ? Царевна тутъ безъ тебя много разнообразія вносила въ нашу жизнь.

Лялинъ. А Далька не мѣшаетъ?

Конст. Ив. (*нетвердо*). Чѣмъ же она можетъ мѣшать? Она...

Лялинъ. Что она?

Конст. Ив. Она прекрасная.

Лялинъ (*смотритъ сбоку чуть насмѣшливо*). Ого! Держись, Константинъ Иванычъ, пропадешь ни за понюшку табака.

Конст. Ив. Почему же это я непремѣнно пропаду? Даля прекрасна, разумѣется. А, можетъ, пропадешь какъ разъ ты?

Лялинъ (*хохочетъ*). Я, пропаду? То-есть влюблюсь? (*Соскакиваетъ съ камня и прыгаетъ*). Я влюблюсь?

Конст. Ив. Ты чего скачешь? Царевну же полюбилъ?

Лялинъ (*вспрыгиваетъ обратно на камень*). Нѣтъ, любопытно было бы меня поглядѣть влюбленнымъ!

Конст. Ив. А вотъ посмотримъ какъ-нибудь, тогда узнаешь.

Лялинъ. Баста, обо мнѣ довольно. Неинтересный сюжетъ. А ты, Константинъ, Іоанновъ сынъ, — слушай: тебѣ сѣти женстіи предстоятъ. Будешь уловленъ. Натерпишься! Таково мое прорицаніе. Dixi.

Конст. Ив. (*пожимаетъ плечами*). Царевна идетъ.

(*Царевна одѣта въ легкое просторное платье съ висячими рукавами*).

Лялинъ. Куда направляетесь?

Царевна. Возьмемъ съ Далькой лодку, поплывемъ. Лодка остановится, мы будемъ лежать и въ небо смотрѣть. Ахъ, жизнь наша жизнь! (*Слегка кружится и поводитъ летящими рукавами*). Константинъ, скажи мнѣ, отчего я не родилась птицей, морскимъ чудищемъ? Улетѣла-бъ въ небо, или заплыла Богъ знаетъ куда.

Лялинъ. Ты и такъ на человѣка мало похожа. Напримѣръ, въ тебѣ нѣту стыда.

Конст. Ив. Почему же бы ей быть непремѣнно человѣкомъ? Это вовсе необязательно. Мало ли что на двухъ ногахъ! Развѣ это доказательство?

Царевна (*мужу*). Зачѣмъ ты лжешь, зачѣмъ говоришь, что у меня нѣтъ стыда? Вотъ еще мерзавецъ!

Лялинъ. Если Костя попроситъ, ты раздѣнешься до гола, я увѣренъ.

Царевна. И раздѣнусь. Что жъ такого? Хотите сейчасъ? Тѣло свое я очень люблю, это вѣрно. (*Конст. Иванычу*). Вы понимаете, какъ можно тѣло любить? Вѣдь это роскошная вещь.

Конст. Ив. Грѣхопаденія не знала!

Царевна. Какое тамъ грѣхопаденіе! Была когда то дѣвушкой, теперь женщина, а тѣло попрежнему великолѣпное. (*Разсматриваетъ свои ноги*). Я увѣрена, что правая у меня интереснѣй лѣвой, и нервнѣй: иногда капризничаетъ, злится, а то вдругъ чуть не танцуетъ. А грудь! Торсъ! Не понимаю я вашихъ грѣхопаденій.

Конст. Ив. Гдѣ ужъ тамъ!

(*Приближается Даля*).

Царевна. Далька, ѣдемъ, а то поздно будетъ.

Конст. Ив. Вы тоже ... полюбили ѣздить такъ.

Даля. Тетя такая милая ... Съ ней весело. А потомъ сегодня ... чудный вечеръ.

Лялинъ (*Далѣ*). Да вы чего смущаетесь то? Не меня ли? Было бы глупо, простите.

Даля (*смѣхомъ*). Почему вы думаете? Нѣтъ, я ничего.

Царевна. Далька, будетъ болтать.

Даля. Сейчасъ. Константинъ Иванычъ, мы пріѣдемъ часа черезъ полтора, самое большее.

Лялинъ. Что жъ онъ долженъ сдѣлать?

Конст. Ив. Слушай, перестань!

Даля (*дѣлая усиліе, чтобы не сконфузиться*). Мнѣ необходимо васъ видѣть.

Конст. Ив. Отлично. Буду здѣсь же.

Даля. Спасибо.

(*Уходятъ*).

Лялинъ. Ты не сердишься? Я вѣдь зря, ей-Богу. Празднословіе одно.

Конст. Ив. Вижу. Да не важно это, право. Ахъ, другъ (*вытягивая руки, сгибаетъ ихъ*), я чувствую себя очень странно, очень необыкновенно.

Лялинъ. Влюбился.

Конст. Ив. (*присаживается на углу камня. Тихо*). Да, люблю. Все вышло такъ неожиданно, удивительно! Я полюбилъ ее сразу. Можетъ это быть по-твоему, что въ мірѣ есть двое, предназначенные другъ другу? Тайныя черты, неуловимыя, открываютъ имъ это. И летитъ... все вверхъ дномъ, жизнь ломается, нельзя ухватиться ни за что, и ничѣмъ не остановишь. Это называется любовный рокъ. По-моему, непремѣнно такъ.

Лялинъ (*бросаетъ камешки въ воду*). И по-моему.

Конст. Ив. Могутъ они не знать другъ друга — убѣжденій, взглядовъ, нравственныхъ качествъ... Можетъ быть, она преступникъ, или я, для насъ это не важно. Но всѣ женщины должны быть ей прислужницами и не стоятъ ея мизинца. Всѣ... (*хмуро*) — за исключеніемъ одной.

Лялинъ. Марьи Гавриловны?

Конст. Ив. Да.

Лялинъ. Какъ же этотъ... вопросъ?

Конст. Ив. Все рушится, все! Восемь лѣтъ я былъ счастливъ съ Машей, любилъ нѣжно, а теперь... ничего. Все гибнетъ. Но я все же люблю ее... И Далю, и ее... вмѣстѣ. (*Подходитъ къ Лялину и кладетъ руку на плечо*). Ты меня понимаешь, Лялинъ?

Лялинъ. Понимаю я все. И ничего не понимаю.

Конст. Ив. Какъ это?

Лялинъ. Не переживалъ такого, но могу вообразить.

Конст. Ив. Не вообразишь сладости и тоски любви, восторга... чувства гибели. Никогда!

Лялинъ. Я писатель. Я человѣкъ холодный — все воображу, что угодно.

Конст. Ив. Ты чудакъ. Почему ты не любилъ? Зачѣмъ воображать?

Лялинъ. Значитъ, не дано. Одни разыгрываютъ романы, другіе пишутъ ихъ.

Конст. Ив. Лялька, глупый.

Лялинъ. Ничего не глупый.

Конст. Ив. Даля ѣдетъ сейчасъ въ лодкѣ, по серебряному озеру. О чемъ она думаетъ? Ея короткіе волосы, курчавые, черные, свѣсились внизъ — она непремѣнно лежитъ.

Лялинъ. Вонъ, плывутъ, видишь.

(*Вдали показывается лодка. Оттуда машутъ платкомъ*).

Конст. Ив. Онѣ, онѣ. (*Вскакиваетъ на камень и тоже машетъ имъ. Не громко говоритъ*: „*Даля*“). Вдругъ она услышитъ! (*Лялинъ тоже машетъ, скоро съ лодки прекращаютъ отвѣчать, и сама она пропадаетъ*).

Лялинъ (*обращаясь къ озеру*). Ну вотъ, озеро Суокса, на твоихъ берегахъ завязался романъ. Какой онъ будетъ, куда приведетъ, ты не скажешь. Ты плещешь себѣ, плещешь ... Мало тебѣ дѣла до насъ. (*Беретъ Константина Ив. подъ руку*). Пройдемся. Смотри, какъ чернѣютъ на закатѣ сосны.

(*Уходятъ*).

(*Марья Гавр. и Евдокія. Евдокія въ черной шали*).

Евдокія. Сторона чужая. Солнце сѣло — и холодъ. Что жъ никого нѣтъ. Будто тутъ былъ Константинъ Иванычъ съ этимъ ... писателемъ.

Марья Гавр. Значитъ, ушли. Костя любитъ гулять съ Петромъ Ильичемъ.

Евдокія. И мамзели гуляютъ?

Марья Гавр. Какія мамзели?

Евдокія. Да вотъ. Даля эта... Царевна — прозвали же, правда, какъ.

Марья Гавр. Что ты злишься все, Евдокія, что у тебя за характеръ? И что за выраженія: „мамзели". Даля очень милая дѣвушка... (*Пауза*). Очень. И Царевна тоже.

Евдокія. То то, должно быть, что слишкомъ милыя.

Марья Гавр. Евдокія, оставь пожалуйста... у меня болитъ голова, вообще я плохо себя чувствую, а ты... все меня точишь, какіе то намеки... (*Въ голосѣ слезы, она сдерживается*).

Евдокія (*мягче*). Прости... у меня характеръ плохой, это вѣрно. Ну, прости, голуба.

Марья Гавр. (*смѣясь, въ полуслезахъ*). Голуба! Какое актерское слово. Чудачка ты. Развѣ я актерка, Евдокія? Ты Савонаролла...

Евдокія. А ты дурочка. Глупая.

Марья Гавр. (*возбужденно*). Ну чѣмъ я глупая? Ну скажи на милость? Что съ Константиномъ что то происходитъ? Что онъ со мной не такой, какъ раньше? Думаешь, я не вижу? Просто онъ влюбленъ въ Далю, по уши, обо мнѣ забылъ, я иду къ какому то ужасу — хорошо, пусть иду, что же дѣлать? Ревновать? Въ обмороки падать? Да. Я горда, понимаешь, Евдокія, я хотя и ничтожная женщина, но очень горда. (*Задыхается, въ слезахъ*). Я ночей не сплю, но Константинъ объ этомъ не знаетъ... Онъ себѣ таетъ отъ Дали, да съ Петромъ Ильичемъ, съ Діалектовымъ разговариваетъ объ искусствѣ. Отлично. А я страдаю. Пусть, онъ объ этомъ все равно не узнаетъ.

Евдокія. Скажи ему прямо. Если разнюнился — до свиданья. Уѣдемъ съ тобой въ Одессу, ко мнѣ, и все. А если пустякъ — гнать эту Дальку.

Марья Гавр. (*поднимая заплаканное лицо*). Коротко разсудила. Взять и ѣхать. А если... А, да ты Саво-

наролла, у тебя все просто ... (*Слышны шаги и голоса*). Идутъ, кажется. (*Вздрагиваетъ, вполголоса*). Можетъ быть, ты права. О Господи, вотъ врасплохъ.

(*Быстро смахиваетъ слезы. Показываются Конст. Ив. и Лялинъ*).

Лялинъ. Любовь, по-моему, безнадежна всегда. Потому что она есть стремленіе къ неосуществимому. Любовь, какъ Богъ: вездѣ и нигдѣ. Поэтому можно томиться любовью, безпредметно, и нельзя быть счастливымъ съ данной женщиной. Какъ нельзя сдѣлать себѣ кумира, фетиша — и назвать Богомъ.

Конст. Ив. Но вѣдь были же воплощенія? Христосъ, напримѣръ?

Лялинъ. Ну ... объ этомъ я не могу сообщить тебѣ ничего утѣшительнаго. — Богъ мой, тутъ дамы. Приближаемся!

(*Подходятъ*).

Лялинъ (*Марьѣ Гавр.*). Мы съ Константиномъ, какъ платоники: гуляемъ, разсуждаемъ о любви.

Марья Гавр. (*улыбаясь насильственно*). До чего же вы договорились?

Лялинъ. Онъ мнѣ заявилъ, что я нравственный уродъ.

Евдокія. Неглупо!

Марья Гавр. Въ чемъ же ваше уродство?

Лялинъ. Я говорилъ, что въ молодые годы мои любви были всегда печальны: или она выходила замужъ, или исчезала, или даже я не успѣвалъ съ ней познакомиться. Размышляя о тѣхъ, въ кого я былъ влюбленъ, я убѣдился, что и въ благопріятномъ случаѣ не могъ бы на своей любви основать жизни: жизнь есть жизнь, а любовь ... — этакое (*дѣлаетъ кругообразное движеніе пальцемъ*) — невмѣщающееся нѣчто.

Марья Гавр. Все-таки непонятно, за что собственно онъ васъ обругалъ?

Лялинъ. Позвольте, сейчасъ. Изъ скорбнаго опыта я вынесъ взглядъ — еще болѣе скорбный, или радостный, смотря по желанію: любить изъ данныхъ женщинъ не надо никого. Тутъ онъ меня и прихлопнулъ.

Евдокія. Изъ данныхъ женщинъ никого! Посмотрю я на васъ, господа — полоумные вы всѣ. И даже мнѣ васъ жаль. Значитъ же, не просвѣтила васъ ни разу истинная любовь — вы и выдумываете.

(*Уходитъ*).

Марья Гавр. Я согласна съ Петромъ Ильичемъ. Никого не надо любить. Все это вздоръ. Жизнь — обманъ, ложь. Любовь — также. Значитъ, прочь ее.

Конст. Ив. (*беретъ ее за руку*). Мари, что съ тобой? Мари, успокойся, ты дрожишь . . .

Марья Гавр. (*смотритъ на него долгимъ взглядомъ*). Ничего. (*Опускаетъ голову и видимо подавляетъ себя*). Ничего, милый, я спокойна и весела . . . видишь? (*улыбается*).

Лялинъ (*медленно отходитъ къ озеру*). Еще союзница!

Конст. Ив. Мари, Мари, намъ надо говорить подробно, много, милая Мари, такъ нельзя . . .

Марья Гавр. (*кротко*). Зачѣмъ намъ говорить, мой другъ? Живите, поступайте, какъ вамъ нравится. Будьте собой. Я не помѣшаю вамъ. Я бываю рѣзка . . . простите . . . Это усталость. А сейчасъ идите домой, съ Петромъ Ильичемъ. Получена почта, газеты, письма.

Конст. Ив. Нѣтъ, мы еще будемъ говорить.

Лялинъ. Газеты? Костя, идемъ. Мнѣ писемъ нѣтъ?

Марья Гавр. Есть. (*Конст. Ив.*). Идите, я сейчасъ.

Конст. Ив. Почему же ты не хочешь вмѣстѣ?

Марья Гавр. Я сію минуту приду.

Конст. Ив. Не запаздывай же.

(*Мужчины уходятъ. Марья Гавр. сидитъ молча, потомъ ложится на прибрежный камень. Рыдаетъ долго, глухо. Плечи ея вздрагиваютъ*).

(*Вдоль берега пробирается Даля. Замѣтивъ фигуру на камнѣ, насторожилась*).

Даля. Константинъ Иванычъ!

(*Марья Гавр. подымаетъ голову. Увидѣвъ Далю, садится. Даля вскрикиваетъ*).

Марья Гавр. Это я. Константинъ дома.

Даля. Простите, я помѣшала.

Марья Гавр. Нѣтъ, ничего. Присаживайтесь. (*Даля вздыхаетъ и садится*). Нынче вы, кажется, катались съ Царевной. Хорошо было? Не холодно?

Даля. Нѣтъ, прекрасно.

Марья Гавр. Отчего же сейчасъ вы такъ блѣдны? Или волнуетесь? (*Слегка насмѣшливо*). Не нашли чего-нибудь?

Даля. Нѣтъ... Стало сыро... надъ озеромъ туманъ...

Марья Гавр. Туманъ! (*Вдругъ странно смѣясь*). А я знаю, отчего вы блѣдны.

Даля (*робко*). Да?

Марья Гавр. Догадайтесь.

Даля (*вспыхиваетъ*). Я ничего не понимаю, Марья Гавриловна.

Марья Гавр. Будто? А я думаю... (*Жестко смѣется*). Я думаю, — вы влюблены. Стоитъ только взглянуть на васъ.

Даля. Можетъ быть.

Марья Гавр. Желаю вамъ счастья.

Даля. Благодарю. (*Тихо*). Можетъ быть, я люблю. Что же тутъ удивительнаго? Да, я люблю... И мое сердце не можетъ быть инымъ, чѣмъ оно есть.

Марья Гавр. Вотъ я и желаю вамъ счастья въ любви. Въ этомъ тоже нѣтъ ничего удивительнаго. Тѣмъ болѣе, что и тотъ, кого вы любите — любитъ васъ.

Даля. Странный разговоръ!

Марья Гавр. Да? А по-моему нисколько не странный. Потому что мнѣ за тридцать лѣтъ, и я привыкла ничему не удивляться. (*Сдерживаясь, но видимо горячась*). Я нисколько не удивляюсь, что Константинъ полюбилъ васъ. Такъ надо.

Даля. Марья Гавриловна!

Марья Гавр. Ничего, ничего, все прекрасно. Вы великолѣпная, молодая Даля, у васъ черные глаза, грудь дѣвическая — сила на вашей сторонѣ. Побѣждаете вы — уже побѣдили. Насъ больше нѣтъ. Мы раздавлены. Но и не надо, торжествуйте, пусть!

Даля. Марья Гавриловна, я никого ни у кого не отнимаю, я не знаю, о чемъ вы говорите . . . (*Волнуясь*). Но въ чувствахъ своихъ я никому не могу дать отчета, и измѣнить ихъ не могу . . . также.

Марья Гавр. Я никакого отчета не требую. (*Смѣясь тяжело*). Я поздравляю и желаю счастья.

Даля (*встаетъ*). Такъ разговаривать нельзя.

(*Марья Гавр. поднимается также и подходитъ вплотную. Усталымъ, тяжкимъ взглядомъ смотритъ ей въ глаза*).

Марья Гавр. Я не сужу и не явлю никого. Все такъ должно быть. Любите. Любовь благословенна. Но... сейчасъ передъ вами темный призракъ — я. Когда пройдутъ золотые часы, вспомните о немъ. Я не хотѣла быть тѣмъ, чѣмъ являюсь — но теперь я старая сѣдая ворона, надъ перекресткомъ вашего счастья я каркаю вамъ. Каркаю горе, ужасъ. И не знаю, для чего это нужно, но выходитъ такъ. О, знайте, пролетитъ радость, душу вашу тотъ же мракъ вовьметъ, что и мою, тотъ же. Такъ же рав-

любятъ васъ, такъ же все погибнетъ, и вы не будете знать, гдѣ спасеніе. Знайте, знайте!

Даля (*отступая*). Боже мой, за что!

Марья Гавр. Ни за что. (*Прислоняется къ камню*). Такъ. (*Стоитъ въ позѣ растерянной и мучительной. Потомъ подноситъ руки къ глазамъ*). Зачѣмъ . . . я затемняю счастье дѣвочки? Богъ мой, тяжко. Къ чему, къ чему? Слабость, ничтожество.

(*Удаляется*).

(*Входитъ Конст. Ив.*).

Даля. Наконецъ . . . вы.

Конст. Ив. Вы искали меня?

Даля. Да . . . И здѣсь, нѣсколько минутъ назадъ . . .

Конст. Ив. Вы были уже тутъ?

Даля (*вздохнувъ*). Да. Тяжело вспоминать объ этомъ. Я разговаривала съ Марьей Гавриловной.

Конст. Ив. (*вздрагивая*). Съ Марьей Гавриловной! О чемъ же?

Даля. Дорогой, Константинъ Иванычъ. (*Беретъ его за руку*). Ну скажите, милый, правда, этого не будетъ . . . что она сказала?

Конст. Ив. Что жъ она сказала? Даля, не мучьте меня.

Даля. Марья Гавриловна знаетъ, что мы любимъ другъ друга. Она предсказала мнѣ несчастье. (*Опустивъ голову*). Такое жъ, какъ у ней . . . Ахъ, этого не можетъ быть . . . вѣдь правда?

Конст. Ив. Мари знаетъ!

Даля. Константинъ, ты разлюбишь?

(*Конст. Ив. смотритъ на нее пристально. Потомъ садится у ея ногъ. Голову прислоняетъ къ ея колѣнамъ*).

Конст. Ив. Я разлюблю тебя, Даля?

Даля. Да, ты все думаешь о ней . . .

Конст. Ив. Тебя я не разлюблю. Ты моя, мнѣ наречена. Ты каталась нынче въ лодкѣ, а я думалъ о тебѣ. Ты лежала, навѣрно, и твои черные волосы . . . кудреватые, милые, склонялись къ водѣ. Даля, я люблю тебя всю. Навсегда, безъ мѣры, смертно. Ты являешься мнѣ во снѣ. Я просыпаюсь, и днемъ живу тоже сномъ. Смотрю въ одну точку, и ты приходишь. Я веду съ тобой бесѣду, мозгъ туманится, никнетъ, я начинаю понимать, что такое сумасшествіе. Но сумасшествіе дивное, Даля . . .

Даля (*тихо*). Вѣдь ты любишь. У тебя . . .жена.

Конст. Ив. Да, любилъ, люблю, можетъ быть. Можетъ быть, все гибнетъ и будетъ разметано, вотъ я лежу у твоихъ ногъ . . . Скажи — не останется камня отъ моей жизни. Даля, я люблю тебя, люблю.

Даля. Пойди сюда, Константинъ. (*Медленно, явственно*). Ты меня любишь. Такъ. (*Молчитъ. Потомъ встаетъ, обнимаетъ сверху обѣими руками и припадаетъ*). Вотъ тебѣ я. Я никого до тебя не любила — все несу тебѣ. Возьми, Константинъ, унеси меня далеко, куда знаешь . . . Я твоя вся, вся. Милый, Константинъ, милый, чудный.

(*Конст. Ив. стоитъ съ ней нѣсколько секундъ, потомъ легко подымаетъ и несетъ къ лѣсу*).

Конст. Ив. Моя звѣзда! Мое сіянье!

III

Сѣрый день, близки сумерки. Стеклянная терраса дачи. Въ балконную дверь видна гостиная съ роялемъ.

(*Накрытъ чайный столъ, за нимъ Лялинъ, Діалектовъ и Константинъ Иванычъ*).

Діалектовъ (*наставительно грозя пальцемъ*). Эти вэши кабаки, разные рестораны, кутежи я ненавижу. Если вы писатель, такъ работайте, а если дрянь какая-нибудь, болтунъ, такъ нечего заниматься литературой. Это, знаете, все слабость, распущенность. Я бы такихъ писателей . . .

Лялинъ. Что жъ, и въ Прагу сходить нельзя?

Діалектовъ. Я тамъ вашихъ Прагъ не знаю, не былъ, и никогда не пойду. Мнѣ незачѣмъ. Я не знаю даже, что такое Прага.

(*Конст. Ив. смѣется*).

Лялинъ. Прага это городъ. „Злата Прага“ столица Чехіи.

Діалектовъ. Нѣтъ, судя по вашимъ словамъ, это какой-нибудь извѣстный ресторанъ. Да мнѣ безразлично. Я говорю, что писатель не можетъ растрачивать силъ вря. Это преступно.

Лялинъ. А я люблю хорошій ресторанъ, виноватъ. Зима, а тамъ цвѣты, синій коверъ, электричество, оркестръ. А шампанское! „Все твое, о другъ Аи.“

Діалектовъ. Да, я знаю это стихотвореніе! Тамъ гораздо лучше сказэно: „И покрылъ туманъ привѣтный

твой озябнувшій кристаллъ." А потомъ — что вы извиняетесь? Я вамъ ни простить, ни не простить не могу, потому что вы мнѣ не братъ, не сынъ, никто. Я и не про васъ говорю. Это губитъ талантъ, вотъ что.

Лялинъ. Хорошо вамъ надъ книжечками сидѣть и изучать умныя вещи — а мы иной разъ и скиснемъ. Ну, и заломишь. Впрочемъ, я самъ противъ алкоголизма.

Конст. Ив. Какой ты пьяница, Петръ Ильичъ? Ты европеецъ, только вполглаза можешь. (*Улыбаясь, насмѣшливо-грустно*). Лялинъ у насъ погибаетъ изъ-за женской любви. Романовъ изобиліе.

(*Лялинъ хохочетъ*).

Лялинъ. Презрѣнный, замолчи!

(*Діалектовъ съ недовольнымъ видомъ встаетъ*).

Діалектовъ. Теперь примутся за любовь.

Конст. Ив. Онъ уходитъ. Достаточно произнести это слово. Ахъ, Діалектычъ, жизнь ваша ясная!

Діалектовъ (*пожимаетъ плечами*). Моя жизнь тутъ не при чемъ. Да вы ее и не знаете. (*Опершись лбомъ о стекло террасы*). Почему вы знаете, что она хорошая?

Конст. Ив. Вѣрно. Я и не говорю. (*Уныло*). Никто ничего не знаетъ, никто. Только все же мнѣ кажется, что ваша жизнь . . . если и не счастлива, то ясна.

Діалектовъ. А мнѣ все-таки пора.

Лялинъ. Да куда вы?

Діалектовъ. Мнѣ Константинъ Иванычъ урокъ тутъ нашелъ, на одной изъ дачъ.

Конст. Ив. Онъ работникъ, честная голова. Успѣете, Александръ Григорьичъ, а?

Діалектовъ (*смущенно и кротко*). Пора. Мальчикъ ждать будетъ.

Конст. Ив. Ну, ну.

Лялинъ. А меня вы анаѳемѣ не предавайте. Я постараюсь поправиться къ слѣдующему разу.

Діалектовъ (*безнадежно машетъ рукой*). Что съ вами подѣлаешь!

Лялинъ (*ходитъ взадъ, впередъ, руки въ карманахъ*). Этотъ Діалектовъ очень милъ. Очень. Чѣмъ онъ собственно занимается?

Конст. Ив. Философъ. Получилъ въ университетѣ медаль, будетъ оставленъ.

Лялинъ. Такъ. То то онъ противъ водки. (*Остановившись, какъ бы въ задумчивости*). Все же онъ нашихъ слабостей не знаетъ; нѣтъ, не знаетъ.

Конст. Ив. Мало русскихъ спивается? Писателей?

Лялинъ. Это такъ... да это неважно.

Конст. Ив. Слушай, Лялинъ, я сегодня плохо себя чувствую, такъ вотъ ты бы меня занялъ... Разскажи что-нибудь. (*Кладетъ голову на столъ, подпирая руками*). Разскажи про писателей, какъ ты работаешь, что тебѣ хорошо, что плохо. Про Ахиллесову пяточку разскажи, и такъ далѣе.

Лялинъ. А тебѣ отчего плохо?

Конст. Ив. Это другое дѣло. Не хочется говорить.

Лялинъ. Хорошо-съ. Будемъ увеселять тебя. Жаль, что я не Отелло, венеціанскій мавръ, и мало могу разсказать интереснаго.

Конст. Ив. Ничего, разсказывай.

Лялинъ. Что же разсказывать? Многое тебѣ извѣстно. Да и что такое моя жизнь? Шоссе! Знаешь ли ты, что со мной ничего не случалось! Ни-че-го! Другіе борются, кипятятся, страдаютъ, — вообще устраиваютъ кавардакъ. Влюбляются, дѣлаютъ глупости. Ты можешь прочесть объ этомъ въ такой то и такой моей книгѣ. А я... я собственно ничего не дѣлалъ. Что же разсказывать. Я писалъ. Повидимому — порядочный писатель. Этого не отрицаю,

иначе бросилъ бы. Но что такое я самъ... вообще? (*Улыбается*). Нуль. Скучнѣйшій типъ. И расписывать мнѣ нечего.

Конст. Ив. (*горько*). Лялька, Лялька, скушалъ ты себя! Разскажи про литературу.

Лялинъ. Можно. Кажется, тутъ получше. (*Подходитъ къ стеклу террасы и чертитъ пальцемъ*). Вотъ что я скажу: писателю плохо не отъ ресторана — такъ думаетъ Діалектовъ. А отъ другого... отъ самого себя.

Конст. Ив. Это какъ?

Лялинъ. Вѣрно. Особенно сейчасъ, въ наше время.

Конст. Ив. Не понимаю.

Лялинъ. Пишутъ всѣ себя. Разъ написалъ, два, три... какъ будто и довольно. Оказывается — нѣтъ. Взялся за новую вещь, — опять твое ухо выглядываетъ. Слова твои, наклоны рѣчи твои. Вотъ тебѣ и разъ! Бездарность страдаетъ, что Господь не далъ ей лица, а тебя отъ собственной физіономіи мутитъ.

Конст. Ив. Люди вы отвлеченные, у васъ и отвлеченныя страданья.

Лялинъ (*прохаживается*). Наговорилъ бы еще, да ты злишься, я вижу. Тебя раздражаетъ, что мы на стѣну лѣземъ не изъ-за любви.

Конст. Ив. Изъ-за пустого. Раздражаетъ!

Лялинъ. Что дѣлать. Каждый свою задачу рѣшаетъ. Кому жизнь — жизнь. Устраивай ее. Если писанье, — старайся хоть писать сносно.

Конст. Ив. Теперь хорошо сказалъ. „Если жизнь, то устраивай ее.“ Темнѣйшая вещь! Поди, устрой съ достоинствомъ, рѣши противорѣчія. — Задача!

Лялинъ. Вотъ ужъ тутъ я мало свѣдущъ. Вѣроятно, дѣйствительно, трудно.

Конст. Ив. (*раздраженно*). Ты ребенокъ, Лялинъ; просто ты малое дитя, и сидишь со своими мечтаніями, чортъ тебя возьми. Тутъ десятокъ людей въ петлю по-

лѣзетъ, а онъ ма-ло свѣ-дущъ! Кикимора ты... А-а, Лялька... (*Машетъ рукой*). И говорить не хочется.

(*Лялинъ разводитъ руками. Видъ у него недоумѣнный*).

Лялинъ. День жаркій. Съ двухъ сторонъ я наказанъ ни за что. (*Уходитъ*).

(*Нѣк. время Конст. Ив. одинъ*).

(*Изъ сада выходитъ Евдокія*).

Евдокія (*пробуя рукой самоваръ*). Застылъ. (*Конст. Ив. сидитъ насупившись. Евдокія наливаетъ чашку*). Хотите? Стаканъ найдется, но жидко.

Конст. Ив. Гдѣ Мари?

Евдокія. Дома.

(*Молчатъ*).

Евдокія. Мы ходили за черникой. Всѣ пальцы синіе.

Конст. Ив. Почему же Мари не идетъ?

Евдокія. Значитъ, устала.

(*Пауза*).

Евдокія. Завидую я мужчинамъ.

Конст. Ив. Почему?

Евдокія. Жизнь у нихъ пріятная.

Конст. Ив. Да? (*Фыркаетъ*). Не нахожу.

(*Евдокія закуриваетъ и смотритъ упорно*).

Евдокія. Пріятнѣйшая жизнь. Въ высшей степени усладительная. Полюбилъ, сошелся. Разлюбилъ — бросилъ. Одному скучно, за угломъ другая; хочешь молоденькую — молоденькая, хочешь невинную — невинная. Живи не хочу. И въ Турцію не надо, все можно домашними средствами.

Конст. Ив. Евдокія, у васъ совершенно круглые глаза, и презлые. Хотѣлъ бы я знать, умѣете вы любить? Кажется, мучить — единственное ваше дѣло.

Евдокія. Любить вамъ предоставлено. По этой части вы спеціалистъ. Вы полюбите, Лялинъ про это попишетъ. Вотъ все отлично и устроится.

Конст. Ив. Евдокія, вы... несмотря на то, что очень... честны, ничего не понимаете.

Евдокія. Гдѣ ужъ намъ.

Конст. Ив. Нѣтъ, не „гдѣ ужъ", а именно должны понимать. Если „гдѣ ужъ намъ", такъ нечего язвить. Сидите и молчите. А коли судите, — знать должны, кого, за что, и кто въ чемъ виноватъ.

Евдокія. И знаю. Ага, начистоту — извольте. Я сужу васъ, Константина Иваныча, и осуждаю, во-первыхъ, за то, что вы истинную, великую любовь, которую вы, по вашимъ словамъ, питали къ Машѣ, въ состояніи промѣнять на первую попавшуюся дѣвчонку только потому, что она молода.

Конст. Ив. Какъ вы можете говорить...

Евдокія. Могу. И буду. Я Машу съ дѣтства знаю, и люблю, какъ дочь, она вамъ жизнь отдала. (*Задыхаясь*). Вы будете ее на кусочки рѣзать, а я должна одобрять, поддакивать? Маша была глупа, слишкомъ за вами ходила. Это сдѣлало изъ васъ Богъ знаетъ что, вы заняты только собой, вамъ безразлично, что съ ней происходитъ.

Конст. Ив. (*багровѣя, вскакиваетъ*). Ложь! Не смѣйте такъ говорить. Не имѣете права. Вы не можете сказать, что я не люблю Маши, что я издѣваюсь надъ ней. Это неправда, вы знаете. Если бъ это было такъ, все было бы легко... просто. А это мука — больше мѣсяца живу я на угляхъ; развѣ вы не видите... Но нѣтъ, вы, конечно, не видите... какое вамъ дѣло до человѣка? Вы знаете, что мужъ долженъ любить жену и жить съ ней — больше вамъ ничего не надо. Жить такъ, какъ вы

считаете — очень прекрасно, но не такъ легко, Евдокія. Это очень трудно, почти невозможно. (*Передохнувъ, спокойнѣе*). Вы издѣваетесь, говорите, что я устроился „усладительно“. Это же невѣрно. На кого я похожъ? Развѣ я сплю? Я мучительно думаю, Евдокія, мучительно — и до сихъ поръ не нашелъ ничего . . . Впрочемъ, нѣтъ . . . Одно нашелъ, но это слишкомъ, слишкомъ . . . А такъ продолжаться не можетъ. Сегодня, завтра все рѣшится. Больше нѣтъ силъ. Что будетъ — будетъ. Не минуешь.

(*Садится устало и подпираетъ голову руками*).

Евдокія. Если вы серьезно, то дѣло ясно. Рѣшайте, кого вы любите по-настоящему. Или Маша, или та . . .

Конст. Ив. Я люблю обѣихъ. И по-разному. Самъ не знаю кого больше.

Евдокія. Непонятно!

Конст. Ив. Вы и не можете понять. Оттого накричали.

Евдокія. Адюльтера я не признаю. Да, не понимаю адюльтера.

Конст. Ив. А-а, адюльтера! Дѣло не въ томъ. Дѣло совсѣмъ въ другомъ. Въ очень, очень печальномъ, Евдокія.

(*За стеклянною дверью, въ гостиной появляется Царевна. Конст. Ив. ея не видитъ. Она разбираетъ ноты у рояля*).

Евдокія. Вы бы съ ней вотъ посовѣтовались о своихъ дѣлахъ. Отличная совѣтчица.

Конст. Ив. О комъ вы говорите?

Евдокія. Да вонъ, ходитъ, сейчасъ, навѣрно, играть начнетъ. Она вамъ о чемъ угодно можетъ . . . хоть о любви втроемъ.

Конст. Ив. Пустяки вы разсказываете, Евдокія. Такъ, отъ раздраженія . . . Какая тамъ любовь втроемъ? Нѣтъ, бросьте. Если вы на каплю порядочно относитесь къ намъ,

къ Мари и мнѣ, скажите, какъ бы вы поступили на моемъ мѣстѣ?

Евдокія (*холодно*). Если вы говорите правду...

Конст. Ив. Допустимъ.

Евдокія. Если любите одинаково обѣихъ... То выходъ одинъ.

Конст. Ив. Ну?

Евдокія. Оставить обѣихъ.

Конст. Ив. Т.-е. какъ оставить?

Евдокія. Такъ. Покинуть. Единственный способъ... остаться чистымъ... предъ собой, предъ ними.

Конст. Ив. Ахъ да, такъ... Понимаю.

(*Молчитъ*).

Евдокія. Это, можетъ быть, ригоризмъ, но — необходимый.

Конст. Ив. (*какъ бы про себя*). Какое совпаденіе... мыслей. (*Улыбается*). Да, маленькій ригоризмъ. Такъ, маленькій.

(*Евдокія сходитъ въ садъ. Настаетъ вечеръ. Онъ прохладный, съ золотой каемкой на закатѣ. Конст. Ив. молча куритъ.*

Конст. Ив. Судъ приближается. О, тоска! (*Встаетъ и ходитъ*). Сколько времени давитъ меня это. Дни идутъ — каждый приноситъ свой грузъ. Но скоро, скоро. (*Пауза*). Тогда, въ лѣсу, я узналъ Далю — ея существо, молодое, чудесное, слилось съ моимъ. Казалось, нѣтъ ничего, кромѣ насъ... минуты. Безгрѣшна любовь, свѣтла, она зальетъ все. Но это невѣрно. Велики связи съ Машей, у нихъ громадная власть, правда громадная. Когда живешь ровно, это временами чувствуешь слабѣе, но стоитъ подойти... такому... Я люблю ее медленной, глубокой любовью. Восемь лѣтъ... Мы выросли другъ въ друга... (*Снова садится*). Ужасно повернулась жизнь. Ужасно. Загнанъ, затравленъ. Неужели и есть... и

осталось одно... что въ безсонныя ночи приходило въ голову... и жутко было — старался отогнать. А сегодня Евдокія... „Остаться чистымъ“... Какъ она угадала? Ахъ, тоска!

(*Сжимаетъ голову руками и покачивается, какъ отъ сильной боли. Изъ дверей сбоку показывается Марья Гавр. Она сильно похудѣла и блѣдна. Молча она проходитъ мимо, легко, безшумно, и сходитъ въ садъ. Въ небѣ тонкій мѣсяцъ. Часть балкона онъ одѣлъ узоромъ*).

Конст. Ив. Мари!

Марья Гавр. (*останавливаясь*). Да?

Конст. Ив. Пойди сюда, Мари, скажи мнѣ.

(*Марья Гавр. приближается*).

Марья Гавр. Что сказать тебѣ, другъ?

Конст. Ив. Мари, дорогая... (*Беретъ ея руку, цѣлуетъ, прижимаетъ къ сердцу*). Мнѣ такъ плохо, тяжко. Я не знаю, что со мной... но это ужасно. Жизнь смѣшалась, спуталась. Навожденіе надъ нами какое то.

Марья Гавр. (*застѣнчиво снимая пушинку съ его костюма*). Я знаю, Константинъ, все... (*Улыбаясь, печально*). Потому что слишкомъ люблю тебя.

Конст. Ив. (*припадаетъ къ ней*). Спаси ты меня, Мари. Спаси. Выведи изъ топи, не дай сгинуть. Ты прекрасная, чистая, вооруженная любовью, жизнь моя свѣтлая, подай руку... Укажи. Или не знаешь? Но твоей бѣлой душѣ видно все. Мари, Мари.

Марья Гавр. Что отвѣчать? Константинъ, какъ сердце тебѣ скажетъ... совѣсть. Я тебя знаю. Не скажетъ душа дурного. Дѣлай по сердцу. Меня... не считай. На твоей дорогѣ я не стану. (*Кладетъ ему руки на плечи и смотритъ прямо въ глаза*). И одинъ тебѣ мой завѣтъ.

Конст. Ив. Ну?

Марья Гавр. Такой завѣтъ тебѣ: выше счастія. Понялъ? Моего... всякаго. Ничего не бойся. Будь свободенъ. Это — все. А теперь... пусти. Я уйду. (*Пауза*). Мнѣ такъ тяжело, что едва я нахожу силы говорить. Минута — начну ревѣть... нѣтъ... прощай.

(*Сбѣгаетъ*).

Конст. Ив. Мари, куда ты, дорогая! (*Марья Гавр. скрывается. Онъ сидитъ въ задумчивости*). Выше счастія. Вотъ ея правда. Какъ ясно! Значитъ, Евдокія права... Но какъ я ее люблю, Богъ мой, а Даля? Ахъ, все темно, темно, ничего нельзя понять. Я съ ума сойду.

(*Царевна наигрываетъ на роялѣ и поетъ: „Есть островъ на далекомъ океанѣ“... Потомъ, вставъ изъ-за инструмента, приближается, напѣвая*).

Царевна. Кто-о ту пѣ-сню слышитъ, все позабываетъ... А, Константинъ, загрустилъ. Попался, Константинъ Иванычъ.

Конст. Ив. (*подымая голову*). Что? Попался? Что ты говоришь тутъ?

Царевна. Говорю, что попался. Ну, ничего, Костя.

Конст. Ив. Ты понимаешь, Царевна: выше счастія? Понятно?

Царевна (*покачиваясь, посмѣиваясь*). Нѣтъ, не понимаю. Просто взяли Константина, окрутили, оплели, и лежитъ онъ плѣнничкомъ. Хочешь, расколдую?

Конст. Ив. Вздоръ, Царевна, никто меня не окручивалъ. И ты сама... кто ты? Ты дурочка, Царевна, тебѣ нѣтъ до меня дѣла.

Царевна. Можетъ и дурочка. Я русалка, мнѣ ни до кого нѣтъ дѣла. Водная нечисть. Мнѣ нравится взять тебя и утащить.

Конст. Ив. А дальше?

Царевна. Защекотать, утопить, надъ утоплымъ спѣть пѣсенку. Танецъ протанцовать.

Конст. Ив. Нѣтъ; ты глупая. Утѣшь меня лучше. Уйми.

Царевна (*опять какъ завороженная тихо вращается около, напѣвая: „Кто ту пѣсню слышитъ, все позабываетъ“*). Полюби меня, Костя.

(*Конст. Ив. отмахивается. Уходитъ*).

(*На террасу, разговаривая, входятъ изъ сада Діалектовъ и Лялинъ*).

Лялинъ. Ахъ, литература. Сколько яду, роскоши, великаго, глупаго. Единственно изъ-за чего можно еще хлопотать — литература. Искусство — вообще. Когда вспомнишь, что Италія есть на свѣтѣ, Данте, Римъ... легче дѣлается... Есть куда преклонить голову. Вы не были никогда въ Италіи, Александръ Григорьичъ?

Діалектовъ. Нѣтъ. Мнѣ, знаете ли, не до Италіи. Двадцать пять рублей надо матери посылать, самому жить, брата готовить. Вы мнѣ про это не говорите. Я началъ съ того, что мнѣ не нравятся всѣ эти усталости, утонченности, меланхоліи... Да. Очень вамъ жизнь легко далась; бѣлоручка вы.

Лялинъ. Можетъ быть. Только слушайте, мнѣ не хочется сейчасъ объ этомъ. (*Садится*). Я лучше вамъ разскажу про Римъ. Хотите?

Діалектовъ (*покорно*). Извольте.

Лялинъ. Вотъ видите, туманный мѣсячный свѣтъ — какъ это идетъ къ Риму! Когда сидишь на Форумѣ, у колодца Ютурны, дышишь свѣтлымъ сномъ мрамора. Наступятъ сумерки. Вы сидите и слушаете, какъ журчитъ вода по зеленой плѣсени — та вода, что поила таинственныхъ Діоскуровъ. По храму Кастора и Поллукса пробился клеверъ. Надъ аркой Тита сумракъ — сизо-фіолето-

вый. Въ немъ чернѣютъ пиніи. И ужъ зажгли золотые фонарики. Надъ Капитоліемъ розоватыя облака, огненныя побѣды. Главное не забудьте: сонъ свѣтлаго мрамора, прозрачнаго мрамора! Еще — могучіе лавры надъ храмомъ Цезаря. Глубокая, темная купа.

Діалектовъ. Да, роскошно. (*Вздыхаетъ*).

Лялинъ. Ахъ, когда разожжешь душу — встанутъ смутныя стремленья, покажется — вотъ взойдетъ къ тебѣ невѣдомое. Та мечта, что всю жизнь томитъ. Всю жизнь ждетъ человѣкъ божества . . . и всегда въ видѣ женщины. Но его нѣтъ, нѣтъ. Пусто внутри, сухо. Хочется отдаться человѣку, чтобы сразу сгорѣть, но великій Сфинксъ — поперекъ дороги: „Море колышется въ своемъ лонѣ, хлѣба колеблются подъ вѣтромъ, караваны проходятъ, пыль улетаетъ, города рушатся: а мой взглядъ, котораго ничто не можетъ отклонить, вѣчно направленъ сквозь видимое къ недостижимымъ горизонтамъ.“ Какъ встосковалъ человѣкъ!

Конст. Ив. (*входя изъ сада*). Почему это встосковалъ? Кто здѣсь встосковалъ?

Лялинъ. Человѣкъ.

Конст. Ив. Почему такъ?

Лялинъ. Значитъ, плохо ему пришлось.

Конст. Ив. А, понимаю. Если кому плохо . . . я могу это понять.

(*Садится и третъ себѣ виски*).

Лялинъ. Ты чего такой блѣдный? Простудишься еще, ходишь въ сырость Богъ знаетъ гдѣ.

Конст. Ив. Я недалеко былъ.

Лялинъ. Да что ты странный какой? Что съ тобой? Не собираешься ли кого зарѣзать?

Конст. Ив. Нѣтъ, просто ходилъ, думалъ . . .

Лялинъ. Что ты можешь надумать? Это, если я хожу, значитъ, скоро буду писать. Любители высчитываютъ, на сколько надумаетъ беллетристъ въ минуту ... изъ дорого стоящихъ.

Конст. Ив. Вотъ, я тоже ... надумалъ ... Ничего себѣ. (*Заходитъ въ дальній уголъ террасы, прислоняется къ стѣнѣ. Глаза закрыты*). Бывало ли съ тобой, Лялинъ, что ты стоишь на распутьи ... нѣтъ, на разстанѣ — мужики называютъ такъ мѣсто, гдѣ расходятся дороги. Направо написано — убитому быть, прямо — убитому быть, налѣво — убитому быть.

Лялинъ. Нѣтъ, не приходилось. (*Грустно*). Константинъ, ты на меня тоску наводишь. Что ты говоришь... и самъ такой странный.

Конст. Ив. Ничего, не обращай вниманія. Все къ лучшему.

(*Входитъ Даля. Въ первую минуту не замѣчаетъ Конст. Иваныча*).

Конст. Ив. (*вполголоса*). Ave Caesar ...

Даля (*Лялину*). Петръ Ильичъ, вы не знаете, гдѣ Константинъ Иванычъ?

Лялинъ (*вздыхаетъ, встаетъ*). Какъ не знать. Вонъ онъ забился въ уголъ ... какъ раненый вальдшнепъ.

(*Беретъ подъ руку Діалектова*).

Лялинъ. Идемъ, Александръ Григорьичъ, я вамъ доскажу про мечту человѣка.

(*Уходятъ. Конст. Ив. стоитъ молча. Потомъ онъ выходитъ на средину комнаты*).

Даля. Константинъ!

Конст. Ив. Я.

Даля. Костя, я къ вамъ. Послушайте, намъ надо говорить, надо рѣшить, выяснить.

Конст. Ив. Да. Конечно, надо выяснить.

Даля. Почти два мѣсяца мы близки, и все такъ ужасно. Я ничего не понимаю. Такъ не можетъ продолжаться. Кто я? Что мнѣ нужно? Неужели тайно отъ Марьи Гавриловны я должна укрывать твои ласки, любовь... Я не могу придти къ тебѣ, мнѣ все кажется, что я не имѣю права сидѣть здѣсь, потому что сейчасъ войдетъ она, — это ея домъ, и ты — ты то чей, наконецъ? Мой или ея? (*Подходитъ близко и беретъ за руку*). Костя, помнишь тотъ вечеръ? Ты унесъ меня въ лѣсъ. Ты говорилъ тогда, что весь ты, вся твоя жизнь въ нашей любви. Неужели ты забылъ? Боже мой, какой ты былъ тогда! Костя, неужели все то неправда, сонъ, отъ котораго ничего не осталось? Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть. (*Падаетъ на колѣна и прижимается къ его ногамъ*). Костя, если ты меня не любишь, скажи. Я уйду, и клянусь... не буду смущать твоей жизни. Но если... если (*встаетъ, выпрямляясь*), ты, дѣйствительно, вѣренъ мнѣ, то я тебя не отдамъ... Никому не отдамъ... и тогда, какъ бы ни было тяжело тебѣ, ты долженъ, слышишь, Константинъ, долженъ во имя себя, своей чести, достоинства — бросить старую жизнь... для любви... безконечной.

Конст. Ив. (*тихо, съ нѣжностью*). Солнце мое... Утреннее солнце, росное. Почему надъ вечеромъ взошло? (*Усмѣхается*). Зачѣмъ тебѣ я, старый, скучный песъ? Почему не полюбила молодого? Чистаго, съ яснымъ сердцемъ...

Даля. Что ты мнѣ говоришь? Константинъ, говори понятнѣй, мнѣ страшно... сердце захватываетъ. (*Конст. Ив. еще непонятнѣе улыбается. Вздрагиваютъ его губы*). Что съ тобой? Чего ты смѣешься?

Конст. Ив. Я смѣюсь... не надъ тобой.

Даля. Костя, милый, брось этотъ тонъ. Костя, я же люблю тебя. Всего тебя, всѣ складки твоей одежды, твой пиджакъ, руки твои тонкія. Но рѣшай, ради Бога... гони меня, или бери.

(*Конст. Ив. пошатывается, сразу перестаетъ улыбаться*).

Конст. Ив. Гони или бери? (*Тихо*). Да знаешь ты, что тебя я люблю до обморока. (*Замолкаетъ, пристально смотритъ на нее довольно долго*). До обморока. (*Пауза*). Помнишь, что сказала тебѣ Маша у камня?

Даля (*мертво*). Помню.

Конст. Ив. Счастью нашему не бывать! Слышишь? Слышишь ты, Даля, которую я люблю безъ памяти, что нѣтъ надежды, я съ ума схожу, но все гибнетъ, и моя жизнь, и Маша, и ты — ничего, ничего.

Даля. Константинъ!

Конст. Ив. Уходи, не могу. Уходи, уходи. „Выше счастія". А? Кто это сказалъ? Какой безумный? А-а, Богъ мой.

(*Даля выбѣгаетъ*).

Марья Гавр. (*входя, взволнованно*). Костя, что съ тобой? Я слышала сейчасъ крикъ, ты сидишь такъ странно . . . Кто тутъ былъ?

Конст. Ив. А? Это я кричалъ, Мари. Здѣсь была Даля. (*Безлично*). Но теперь ея нѣтъ. Она ушла.

Марья Гавр. Даля?

Конст. Ив. Да, мы разговаривали.

Марья Гавр. У тебя дрожатъ колѣни.

Конст. Ив. Дрожатъ? Это удивительно. Отчего бы имъ дрожать? Это странно.

Марья Гавр. Ты волновался?

(*Конст. Ив. молчитъ*).

Конст. Ив. Ты хорошо сдѣлала, что зашла . . . вотъ теперь . . . ко мнѣ. Сядь здѣсь. Мнѣ надо говорить съ тобой.

Марья Гавр. (*садится, блѣднѣя*). Я слушаю.

Конст. Ив. Да. Пора мнѣ сказать все. Ну вотъ, Мари, ты знаешь, какъ тяжко намъ было послѣднее время.

Марья Гавр. Да. Съ марта.

Конст. Ив. Съ марта. Въ этомъ мѣсяцѣ — будь онъ благословенъ, или проклятъ, въ этомъ мѣсяцѣ я полюбилъ, Мари. Кого — ты знаешь. И началась эта... мука. Счастье — мука. (*Марья Гавр. тихо дрожитъ, стараясь сдерживаться*). До тѣхъ поръ ты одна была въ моемъ сердцѣ. Какъ нѣжно, свѣтло любилъ я тебя! Но значитъ, такъ назначено. Мнѣ, тебѣ, ей... Должны мы понести печаль. Самую горькую, Мари, самую горькую. Долго я страдалъ. Меня влекло къ тебѣ, къ ней. Наконецъ... (*закрывъ лицо руками*) не стало силъ терпѣть. Сегодняшній разговоръ съ тобой — все о томъ же. Я вышелъ въ лѣсъ. Мѣсяцъ свѣтилъ. Озеро лежало въ его свѣтѣ, — туманное, мерцающее. То озеро, у котораго мы съ ней любили. Мѣсяцъ, сіявшій надъ нашей съ тобой любовью. Я вспомнилъ твои слова: „спроси у своего сердца.“ Я услышалъ его въ ту трудную минуту. Все стало ясно, твердо во мнѣ. И сейчасъ я какъ каменный. То же, то же рѣшеніе...

Марья Гавр. (*встрепенувшись*). Рѣшеніе? (*Чуть слышно*). Каково же оно?

Конст. Ив. Я вернулся. Даля ждала меня. Какъ почувствовалъ я ея любовь!

Марья Гавр. Что же... дальше?

Конст. Ив. Я сказалъ ей, что люблю ее (*Марья Гавр. опирается рукой о столъ*). И потомъ я сказалъ, что все у насъ кончено... Слышишь?

Марья Гавр. Да.

Конст. Ив. И теперь я долженъ говорить съ тобой.

Марья Гавр. Такъ... понимаю. (*Дѣлая надъ собой усиліе*). Говори.

Конст. Ив. О томъ, что и съ тобой — конецъ. Я разстаюсь съ тобою... навсегда.

Марья Гавр. Со мной? (*Пересиливая себя*). Да, конечно, ты правъ . . . (*Молчаніе*). Ты совершенно правъ. (*Быстро ходитъ взадъ-впередъ, сжавъ руки*). Очень хорошо, отлично. (*Какъ бы про себя, вполголоса, быстро. Кусаетъ губы*). Онъ не могъ иначе. Онъ мучится. Любитъ обѣихъ. Рветъ съ обѣими. Да. Такъ сказало сердце. Конечно, иначе нельзя.

Конст. Ив. Я ѣду въ Петербургъ. Дня на два. Потомъ вернусь. Договоримъ.

Марья Гавр. Уже уѣдешь? Ага. (*Вдругъ лицо ея дѣлается безсмысленнымъ, какъ въ бреду*). Поѣзжай, да . . . Константинъ, что со мной? Гдѣ ты? (*Протирая глаза*). Я ничего не вижу.

Конст. Ив. Я здѣсь.

Марья Гавр. Константинъ, ты еще не ушелъ? (*Бросается къ нему, хватаетъ за руки*). Константинъ, это ты? Что случилось? Я ничего не понимаю. Ну да, тамъ честь... душа — но вѣдь ты мой. Почему ты вдругъ сталъ говорить со мной, какъ съ чужой, какія то фразы, куда то уйдешь, кого то любишь . . . Это неправда, этого быть не можетъ, я не вѣрю. Костя, ты мой, это же невѣроятно, ты вѣдь любишь меня? ты самъ сказалъ. Ты полживни любилъ меня. Гдѣ ты? Это сонъ, проснись. Костя, спаси меня, я не знаю, что со мной дѣлается, я терпѣла, терпѣла всѣ эти проклятые мѣсяцы, я рыдала по ночамъ, я сегодня говорила черезъ силу, а сейчасъ не могу же больше . . . Не могу. Умру. Спаси, Костя. Ты одинъ. (*Конст. Ив. наливаетъ воды. Проходитъ минута, двѣ. Марья Гавр. пьетъ, слабѣетъ. Осѣдаетъ на столъ*). Теперь лучше. Ахъ, я устраиваютаки истерики. Бабья порода. Бабья порода! Константинъ, не брани меня.

Конст. Ив. Что ты говоришь, Мари!

Марья Гавр. Ничего. Такъ. Я теперь лучше соображаю, опять. Ты меня бросилъ. Ты правъ. Ну хорошо. Но ты и ее бросилъ. (*Стараясь улыбнуться*). Что жъ

удивительнаго, что ты меня бросилъ? Я же это знала. Давно знала, еще съ весны. Еще съ того дня. Что жъ это я? (*Молчитъ, дышитъ тяжело*). Ахъ, Константинъ, жжетъ . . . Милый, Костя . . . горитъ . . . горитъ все внутри, какъ желѣзомъ жжетъ . . . Прости меня, я ничтожная, я тебя мучаю напрасно, все равно ничего нельзя подѣлать, но вѣдь ты одинъ былъ у меня . . . Костя, пойми. Вся жизнь на тебѣ, все . . . и сразу. (*Дѣлаетъ рукой жестъ, будто обрубая что то*).

Конст. Ив. Мари, прощай! (*Сбѣгаетъ въ садъ*). Черезъ два дня.

Марья Гавр. Черезъ два дня. Черезъ два дня. Ушелъ. (*Стоитъ неподвижно*). Константинъ! Костя!

IV

Городъ. Зимній тихій день. Сквозь огромное окно комнаты виденъ садъ. За вѣтвями куполъ.

(*Конст. Ив. худой, угловатый, ходитъ взадъ-впередъ. Глаза воспалены, точно въ жару; горло завязано. Съ грудой книгъ сидитъ Діалектовъ*).

Діалектовъ. Вотъ . . . принесъ вамъ Соловьева.

Конст. Ив. Благодарю. (*Хмуро, почти недружелюбно*). Аккуратность ваша велика.

Діалектовъ. Нѣтъ, я очень запоздалъ. Можетъ быть, Соловьевъ былъ вамъ нуженъ? Это страшно нехорошо, что я задержалъ его. (*Качаетъ головой неодобрительно*). Ужасно.

Конст. Ив. Какъ живете?

Діалектовъ (*кашляетъ*). Плохо. Безсонницы, головныя боли.

Конст. Ив. Что же вы, лѣчитесь? Вы совсѣмъ молоды, нельзя такъ себя запускать.

Діалектовъ. Все равно. Если умирать, значитъ, надо. Не вѣрю я ни въ какія помощи.

Конст. Ив. Вы такъ молоды. Какъ не стыдно. Вамъ надо жить, трудиться . . . Вы же сами . . . знаете.

Діалектовъ. Я все знаю. Тутъ нечего мудрить. Пока двигаюсь, буду надъ книгами торчать, а умру, свезутъ на кладбище.

(***Молчатъ. Конст. Ив. все съ тѣмъ же напряженіемъ ходитъ изъ угла въ уголъ***).

Конст. Ив. Жизнь идетъ — мимо васъ. Въ ней чувства, радости, тягости, но все мимо, все мимо и ваши годы проходятъ, а вы и не знаете даже объ этомъ.

Діалектовъ. Пусть проходятъ. Я знаю, для чего живу. Нуженъ мой мозгъ — я его и отдамъ. А, знаете, любви и прочее . . . этого мнѣ не надо. Презираю я папильоновъ. Къ чему это? Вотъ хоть бы Лялинъ. Писатель онъ, даже съ талантомъ . . . а у него нѣтъ этого . . . Я не знаю, какъ выразить. Навѣрно, онъ фракъ надѣваетъ, когда ѣдетъ на обѣдъ.

Конст. Ив. Такъ можно и Пушкина закатать.

Діалектовъ (*блаженно улыбаясь*). А-а, нѣтъ, Пушкинъ не то. Пушкинъ дивный!

(*За дверью шумъ. Спрашиваютъ: „можно“? Входятъ Лялинъ и Царевна*).

Царевна. Насилу нашли. Заберется же человѣкъ въ такую глушь.

Лялинъ. Онъ теперь анахоретъ, ему такъ полагается. Да никакъ ты боленъ?

Конст. Ив. Пустяки. — А здѣсь тихо . . . нѣтъ гостей...

Царевна (*Лялину*). Слышишь? Это онъ про насъ.

Лялинъ. Но вѣдь насъ трудно смутить. Мы и въ усъ не дуемъ.

Конст. Ив. Мы только что бранили тебя, Лялинъ.

Лялинъ. Привычно.

Діалектовъ. Прощайте, Константинъ Иванычъ.

Конст. Ив. Спасается!

(*Діалектовъ уходитъ*).

Лялинъ. Постой, Константинъ, ты на самомъ дѣлѣ теперь одинъ? Это правда?

Конст. Ив. Правда.

Лялинъ. Не вѣрится. Вотъ исторія!

Конст. Ив. А вы... слышали и не повѣрили?

Лялинъ (*разводя руками*). Ужъ очень необычно, право. Я привыкъ и тебя и Марью Гавриловну какъ то вмѣстѣ считать, называть однимъ именемъ.

Конст. Ив. Теперь отвыкнешь.

Царевна. Гдѣ же Далька?

Конст. Ив. Ея нѣтъ здѣсь.

Лялинъ. Гдѣ же она?

Конст. Ив. Уѣхала.

Лялинъ. Надолго?

Конст. Ив. Не знаю. Кажется, совсѣмъ.

Лялинъ (*Царевнѣ*). Видишь? (*Качаетъ головой*). Пойми ихъ тутъ.

Конст. Ив. Ничего непонятнаго. Ни Марьи Гавриловны, ни Дали въ жизни моей нѣтъ. И не о чемъ говорить.

Царевна. Я понимаю его. Онъ одинъ. Даже завидую. Все бросить, остаться вольнымъ...

Конст. Ив. (*угрюмо*). Эхъ ты, Царевна!

Царевна. По-моему бросить — просто. Мнѣ не было бы трудно.

Конст. Ив. Тебѣ!

Лялинъ. Ахъ, Константинъ! (*Садится на диванъ*). Ты меня разстроилъ.

Конст. Ив. Извини.

Лялинъ. Ты, Даля, Марья Гавриловна... Три жизни...

Конст. Ив. Будетъ, Петръ Ильичъ. (*Садится, подпираетъ голову руками*). Будетъ объ этомъ.

Лялинъ. Загрустилъ, Константинъ. (*Вздыхаетъ*). Ну прости, больше не буду.

(*Конст. Ив. неподвиженъ, мраченъ*).

Царевна. Константинъ правъ. Въ одномъ только ошибся.

Конст. Ив. Въ чемъ же?

Царевна (*вдругъ мягко припадаетъ къ Конст. Ив.*). Костя, полюби меня. Милый, полюби! Мы поѣдемъ въ Италію съ Лялей. Ты будешь влюбленъ, будешь млѣть, позабудешь горести. Ты рыцарь, а я дама. Я хочу, чтобы ты былъ съ нами. Это чудесно. Милый, полюби!

Лялинъ. Ты полоумная женщина, Царевна.

Конст. Ив. Да. Въ этомъ родѣ.

(*Отворяется дверь, входитъ Евдокія*).

Евдокія. Здравствуйте. Можно васъ видѣть, Константинъ Иванычъ?

(*Всѣ удивлены*).

Конст. Ив. Да, конечно. Какъ вы сюда попали?

Евдокія. Мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ. Наединѣ.

Лялинъ (*Царевнѣ*). Мы подождемъ здѣсь . . . рядомъ... (*Выходятъ въ сосѣднюю комнату*).

Евдокія. Удивлены?

Конст. Ив. Да.

Евдокія. Не ждали. Такихъ, какъ я, рѣдко ждутъ. А я взяла и явилась.

Конст. Ив. Вы пришли, Евдокія . . . мстить? Терзать меня, снова?

Евдокія. Это вы откуда знаете?

Конст. Ив. Такъ мнѣ кажется. Впрочемъ — поздно. Не достанете вы меня.

Евдокія. Достать все можно.

Конст. Ив. Слишкомъ много . . . (*Раздраженно*). А-а, да вы не поймете.

Евдокія. Счастливо устроились?

Конст. Ив. Чего вы язвите? Что вамъ надо? Я именно то сдѣлалъ, что вы подсказали. И вообще . . . я поступилъ правильно. (*Сдерживаясь*). Не вы мнѣ судья.

Евдокія. Съ чего вы взяли, что я пришла язвить васъ? Неужели пошла бы за этимъ? Ахъ вы — мужчины! Только вами міръ держится.

Конст. Ив. Я радъ, если цѣль иная.

Евдокія. Да-съ, иная. Я за дѣломъ пришла. Отъ Маши.

Конст. Ив. Отъ Мари?

Евдокія. Не бойтесь, ничего. Просто такъ (*указываетъ по направленію улицы*), въ кофейной дожидается Маша. Она послала меня. Проситъ разрѣшить придти къ вамъ. (*Волнуясь*) . . . Говоритъ, что если это непріятно, то не надо, но ей въ послѣдній разъ — понимаете? хотѣлось бы сказать вамъ немного . . . Нѣсколько словъ. Не безпокойтесь, для васъ не непріятныхъ. Вамъ не взволнуетъ это нервовъ? Я прошу также, за нее.

Конст. Ив. Маша! Дожидается. Послала васъ. Какъ удивительно! Почему она не пришла сама!

Евдокія. Ну стѣснялась, что ли, нарушить покой . . .

Конст. Ив. (*горячась*). Конечно, конечно . . . Жду. (*Въ волненіи мнетъ бахрому дивана*).

Евдокія. Благодарю-съ. Извѣщу ее — черезъ десять минутъ будетъ здѣсь. (*Идетъ по направленію къ двери. Останавливается, обертываясь*). Можно сказать вамъ еще два слова? Какъ это: pro domo sua.

Конст. Ив. Можно.

Евдокія. Я хочу вамъ еще сказать, что я васъ все-таки ненавижу. Слышите? Правильно вы поступали, неправильно — мнѣ дѣла нѣтъ. Пусть вы сдѣлали то, что я сказала — все равно я не прощу вамъ Маши никогда.

Никогда. Ночей безсонныхъ, слезъ, горя, погибшей жизни... Никогда. Такъ вы и знайте. (*Выбѣгаетъ*).

(*Входитъ Лялинъ*).

Лялинъ. Что тутъ такое? Царевна уѣхала, ее смутила эта... Евдокія. Зачѣмъ она была? Ужъ не покушаться ли на твою жизнь?

Конст. Ив. Все вокругъ, и внутри жжетъ меня, мучитъ, Лялинъ. Я крѣплюсь, терплю... молчу. Если бъ ты зналъ... Иногда хочется, чтобы обрушилась на тебя гора — раздавила бы грудь, сердце... (*Встаетъ и ходитъ*). Такое замученное сердце. Но, сидя здѣсь одинъ, я могу только выть по-волчьи. Я скоро начну выть, Петръ Ильичъ, не удивляйся. Сейчасъ придетъ Мари. Что я ей скажу? Я знаю, я поступилъ правильно. Если бы снова пришлось — снова сдѣлалъ бы такъ. (*Лялинъ вздыхаетъ*). Нѣтъ, уѣду и отсюда... Въ прежнія времена ѣздили на войну...

Лялинъ (*подходитъ и обнимаетъ его*). Замучился, Костя. Уѣзжай. Ѣдемъ съ нами.

Конст. Ив. А? Съ вами? Нѣтъ. Вы... куда вы собственно.

Лялинъ. Еще не знаемъ. Но въ хорошія мѣста, конечно.

Конст. Ив. Разумѣется. Нѣтъ, я вамъ не товарищъ.

Лялинъ. Пойдемъ съ тобой на форумъ, сядемъ вечеромъ на „бѣлый камень", сны вокругъ насъ будутъ, мраморы. Птицы промчатся стайкой, заря запылаетъ... Тамъ, за Капитоліемъ. Цезаревы лавры прошумятъ.

Конст. Ив. (*улыбается*). Все это... для счастливыхъ. (*Лялинъ молчитъ. Какъ бы смущенъ*). Я ужъ одинъ... Какъ-нибудь. (*Стукъ въ дверь. Оба вздрагиваютъ. Конст. Ив.* „*войдите*".

Лялинъ (*торопливо*). Ну, я иду... Прощай, К[illegible]: пожалуй, не увидимся. (*Быстро цѣлуетъ, въ две[illegible] кланяется Марьѣ Гавриловнѣ и уходитъ*).

Конст. Ив. Мари... ты.

Марья Гавр. Прости, Костя. Мнѣ... такъ хот[illegible]лось... Евдокія сказала, что ты позволилъ. Я на нѣсколько минутъ.

Конст. Ив. Да что, что ты... Ахъ, Мари. (*Машетъ рукой*). Врагъ ты мнѣ, что ли?

Марья Гавр. Я не буду надоѣдать. Хотѣла еще взглянуть и сказать... (*Заминается*).

Конст. Ив. Говори.

Марья Гавр. Я не знаю, умѣстно ли... Можетъ быть, ты поймешь такъ, что я залѣзаю въ душу... Касаюсь больного (*переводя духъ*), важнаго. Но такъ какъ я тебя любила... и люблю сейчасъ, еще нѣжнѣй, но болѣе по-матерински, то, можетъ быть, и имѣю право...

Конст. Ив. Ты... все — можешь.

Марья Гавр. Такъ вотъ. (*Пауза*). Мнѣ теперь виднѣе. Я такъ... ясна сейчасъ, такъ ясна. Всѣ мысли о тебѣ: твоей жизни, счастьѣ.

Конст. Ив. (*глухо, сдерживаясь*). Моего счастья нѣтъ. Оно... было. А потомъ, помнишь, ты сказала мнѣ: выше счастія? Зачѣмъ поминать о немъ теперь?

Марья Гавр. Я теперь сомнѣваюсь. Вдругъ ты живешь такъ потому, что я... тѣнь моя тебя связываетъ? Можетъ быть, съ Далей нужно тебѣ жить, дать ей, себѣ, большое счастье... глубокое счастье... любви. Если такъ, Константинъ, то... ты не долженъ обо мнѣ думать. Ты обязанъ тогда — понимаешь? жизнь свою не портить. Свою — ее. Это жъ ужасъ, если насиліе. Если ты душишь себя (*съ жаромъ*) — этому нѣтъ прощенья...

Конст. Ив. Я? Душу? (*Кусаетъ губы, точно удерживаясь отъ крика*). Я, Мари, ничего. Я ни душу, ни не душу. Я живу... вотъ... Какъ могу. И... иначе

нельзя . . . существую въ этой комнатѣ, ну . . . и не знаю, сколько еще просуществую, но я, т.-е. меня . . . (*Вдругъ пронзительно*). Но меня душатъ, Мари, пойми, я задыхаюсь, я истекаю кровью въ этой берлогѣ и ни туда, ни сюда. А-а, Мари, вотъ ты пришла, это хорошо и ужасно, но крикну хоть тебѣ, Мари, которая была всѣхъ мнѣ дороже — какъ ужасно — умирать! Гибнуть, хотя живешь, жить, пойманнымъ въ капканъ. Вѣдь вы обѣ . . . обѣ женщины мои дорогія. И никогда . . . (*Марья Гавр. дѣлаетъ шагъ впередъ*)

Марья Гавр. Константинъ!

Конст. Ив. Да, да, ничего нельзя сдѣлать, все безнадежно. Вы двѣ. Примиренія нѣтъ. Въ васъ я, въ обѣихъ, — когда нѣтъ васъ, я гибну. (*Садится на диванъ, закрываетъ глаза*). Иди, Мари. (*Тихо*). Ты прекрасна, благородна . . . какъ всегда. Но сдѣлать нельзя — ничего. Иди. Забудь и . . . прости. Виноватъ во всемъ я. (*Марья Гавр. быстро и безшумно выбѣгаетъ. Въ дверяхъ пріостанавливается и взглядываетъ на него*).

Марья Гавр. Я люблю тебя страшно, страшно! (*Исчезаетъ*).

(*Конст. Ив. долго лежитъ, потомъ медленно и устало встаетъ, какъ бы разбитый*).

Конст. Ив. Тихо. Всѣ ушли. Явились мнѣ, какъ горькія видѣнія . . . былого міра. Безразличныя, страшныя, свѣтлыя. Но всѣ . . . призраки. Время поглотитъ васъ. (*Пауза*). Больше вы не вернетесь. Тутъ, (*берется за грудь*) — похоронены всѣ. Лишь тебя недостаетъ еще, черноглазый ребенокъ, пришедшій тамъ — на весенней зарѣ . . . (*Ходитъ молча*). Даля! Слышишь ли?

(*Наступаютъ сумерки. Блѣдно-синѣющій тонъ одѣлъ все. Тихо. Конст. Ив. садится и закрываетъ глаза*).

Значитъ, такъ надо было. Надо мнѣ было отнять счастье у васъ, двухъ дорогихъ женщинъ — чтобы погубить и себя. Значитъ, нужно. (*Пауза. Дальше, какъ бы сквозь сонъ*). Всю тебя вижу. До послѣдняго изгиба. Озеро, лѣсъ. Заря. Крикъ твой послѣдній. (*Встаетъ, рѣзко*). Чѣмъ искупить мнѣ, какъ? Слезы твои чѣмъ залить?.. И... Машино горе. (*Снова ходитъ изъ угла въ уголъ*). Жизнь моя, любовь — прощай!

ЗАРЯ

I

Памяти милыхъ сердцу

Женя не могъ сказать, съ какого времени началъ себя помнить. Были ничтожныя или непонятно-прелестныя воспоминанія, — игра, ласка, запахъ лѣтняго сада; но это тонуло въ туманѣ дѣтства, легендарнаго существованія, бросающаго на цѣлую жизнь свой свѣтъ.

И лишь много позже выяснилось для него, что начало жизни проходило въ деревнѣ. Навсегда врѣзался двухъ-этажный бѣлый домъ на взгорьѣ, почти среди села; дорога къ церкви, усаженная ракитами; бѣлорозовая церковь съ раздольнымъ погостомъ, откуда видны луга, съ разметавшейся „поповкой", — тамъ жилъ причтъ. Наискось черезъ улицу большой садъ. Здѣсь уже слегка таинственно, и нѣкое очарованье представляли его дальнія липовыя аллеи, выходившія за село, въ поле; глухія мѣста, заросшія бурьяномъ и крапивой; маленькій овражекъ, гдѣ валялись лошадиныя кости, и росли особенные, бѣлые цвѣты.

А далеко вокругъ дома, церкви, сада, села, расположеннаго на полухолмѣ — синѣли кольцомъ лѣса. Что было въ нихъ, какіе жили звѣри или разбойники, этого дѣтскій умъ не зналъ. Но ихъ названія были внушительны, иногда жутки: Брынскій лѣсъ, Козій боръ, Чертоломъ. Эти лѣса и поля, шедшія къ нимъ, и рѣчка среди ровныхъ луговъ, присылали съ вѣтрами свои благоуханья — дѣв-

ственную крѣпость, чистоту, силу. Жизнь маленькихъ людей была овѣяна ими. Не оттого ли все въ тѣ дни — во время Эдема — казалось острымъ и дивнымъ, какъ божественный напитокъ?

II

Изъ оконъ Жениной дѣтской, во второмъ этажѣ, виднѣлся склонъ къ рѣчкѣ, луга и далекій закатъ на горизонтѣ. Много свѣту было въ этомъ видѣ. Какъ будто окна выходили вообще на Божій міръ, лежавшій въ такомъ просторѣ и ясности.

Въ девять, къ концу ужина, дѣти уставали. И Женя, и сестра Сонечка клевали носомъ, и тутъ нужно было умѣнье, чтобы отправить ихъ спать. Былъ и способъ для этого. Приходилъ Гришка, кривоногій человѣкъ невзрачнаго вида, и тихая женщина Дашенька; только имъ можно было уносить дѣтей.. Часто — садились верхомъ, и полусонные, со сплетающимися дѣтскими мыслями, брели на отдыхъ.

Раздѣваясь, видѣли красную зарю, гасшую за закатомъ, туманъ надъ лугами. Далекимъ, милымъ дерганьемъ кричали коростели. Эти коростели и закаты незабываемы; чистымъ видѣніемъ сохранились они навсегда.

Засыпали покойно. Только Женя требовалъ, чтобы рядомъ въ комнатѣ сидѣла Дашенька. Было ли жутко наступленіе ночи, съ іюньскими звѣздами, или казалось страшнымъ не заснуть къ извѣстному часу?

Но Дашенька сидѣла, а вдали, въ столовой, была и мама. И можетъ быть, эта мама, которая прелестнѣй всѣхъ закатовъ, можетъ быть, она подойдетъ и заглянетъ. А какое счастье, если поцѣлуетъ. Тогда навѣрно будетъ осилено безпокойство ночи, и свѣтлый сонъ, гдѣ видишь, что летишь, возьметъ незамѣтно.

III

Въ словѣ „отецъ“ для Жени заключалось все могущественное и интересное, что возможно представить о человѣкѣ. Онъ могъ одолѣть что угодно, устроить всякое дѣло; онъ былъ охотникъ. Стрѣлялъ волковъ и медвѣдей гдѣ то въ дебряхъ, въ Чертоломѣ, и ничего не боялся. Лѣтомъ онъ ѣздилъ за тетеревами.

Рано утромъ, проснувшись, Женя подбѣгалъ къ окошку — и снова тѣ же зеленые, покойные луга, за ними ржи, и на горизонтѣ Высоцкій заказъ, гдѣ охотится отецъ. Въ блескѣ солнца, въ напряженномъ зноѣ, колышащемся надъ полями, въ легкомъ миражѣ надъ горизонтомъ эти утра такъ безсмертны!

— Женя! Klavier spielen!

И, конечно, онъ шелъ. Лина сидѣла надъ нимъ, онъ бездарно разыгрывалъ этюды, за окнами липы цвѣли, золотѣли, сладко благоухали, и все думалось: сколько же тетеревовъ привезетъ отецъ?

Катятся дрожки. Черная Норма бѣжитъ съ высунутымъ языкомъ. Тутъ ужъ нѣтъ силъ удержать гаммами.

— Много убилъ? Нѣтъ, разскажи?

Снимая сапоги, отецъ долженъ былъ подробно разсказывать, а Женя слушалъ, въ волненіи, съ неотступнымъ интересомъ, точно дѣло шло о битвѣ, геройскихъ подвигахъ.

Когда то ему купятъ ружье!

Послѣ обѣда отецъ спалъ, накрывшись пиджакомъ. Въ четыре его можно было будить. Въ это время въ его комнатѣ было душно, и стоялъ мужественный, знакомый запахъ, который Женя такъ любилъ. Подкравшись, онъ цѣловалъ отца въ щеку. Тотъ вскакивалъ, но, увидѣвъ Женю, смѣялся и ласкалъ его.

Потомъ шли на рѣчку купаться; тамъ снова дивно пахнулъ лознякъ, прибрежный песокъ блестѣлъ, летали

стрижи; отецъ училъ Женю плавать, и онъ благоговѣлъ, держался за его загорѣлую шею, задыхался отъ гордости, если выказывалъ ловкость. Такъ летѣло время, пока солнце не сходило къ низу, краснѣя. Значитъ, ушелъ день. Кто считаетъ ихъ? Закутавъ головы полотенцами, они шли домой.

IV

Въ разгарѣ іюля, знойнаго, радостнаго мѣсяца, загнать дѣтей въ комнаты трудно. Бѣдная Лина могла охать сколько угодно, — Женя, Сонечка, кузина Лиза Толстая или Лиза Собачка цѣлыми днями пропадали въ большомъ саду, гдѣ то на гумнахъ, въ конопляхъ, въ крыжовникѣ. Замѣтивъ Лину, хохотали, кричали таинственное дѣтское слово „чибисъ“, — оно значило все что угодно — и вихремъ неслись въ свои тайныя мѣста, извѣстныя только посвященнымъ.

— Соня, Соня, давай бѣгать! — кричала Лиза Собачка, и въ упоеньи отъ здоровья, счастья неслась какъ дикій кобыленокъ по аллеямъ. За ней Соня, Женя. Но Женя не могъ угнаться. Онѣ старше и ловчѣй. Онъ злился.

— Дуры! Конечно, дуры! Выдумаютъ еще!

— Не догналъ, не догналъ! Самъ дуракъ.

Лиза Толстенькая останавливалась и показывала языкъ.

— Бимъ-бомъ!

— Не понимаю я вашихъ глупостей!

Это слово приводило Женю въ ярость. Дѣвчонки хохотали, а онъ ничего не понималъ. Здѣсь была уже маленькая женская тайна; онѣ заливались, кувыркались отъ восторга, шептались и какъ заговорщицы спрашивали другъ друга: „это бимъ-бомъ?“ „Нѣтъ.“ Бимъ-бомъ было что то другое, снова неуловимое и раздражающее.

Къ вечеру жара спадала. Тогда играли въ лапту. Со слободы собирались дружественные мальчишки, разные

Савоськи, Масетки, Романы — и раздѣлялись на партіи. Битвы получались жестокія. На широчайшей улицѣ, по гусиной травкѣ, затянувшей середину, въ огненномъ азартѣ носились дѣти, барскія и мужицкія вперемежку, и только одна мысль: не смазать бы мячомъ, срѣзать бы врага, хоть у черты. Или запустить мячъ Богъ знаетъ куда къ небу, гдѣ ласточки шмыгаютъ въ золотомъ свѣтѣ, чтобы онъ на мгновенье повисъ въ синевѣ — и камнемъ къ низу.

Хорошо, если играетъ пастушенокъ Вальтонъ. Почему онъ Вальтонъ, этого не знаютъ. Онъ даже не изъ этой деревни, но въ него влюблены всѣ дѣти. Что то есть въ немъ острое, покоряющее. Когда онъ подъѣзжаетъ со стадомъ, сидя бокомъ на кобылкѣ, дѣти кричатъ: „Вальтонъ, къ намъ!“ Вальтонъ равнодушенъ, какъ знаменитость, и въ этомъ тоже его обаянье. Сдавъ скотъ, онъ можетъ, между прочимъ, и сразиться. Но это такъ, отъ нечего дѣлать.

Побѣждаютъ тѣ, на чьей сторонѣ Вальтонъ.

V

Товарищъ отца по службѣ Дѣдъ (его звали такъ за громадную бороду) — подарилъ Женѣ ружье. Это было событіемъ.

Съ утра передъ его пріѣздомъ Женя волновался. Онъ догадывался смутнымъ чувствомъ — и скрывалъ, стараясь имѣть независимый, равнодушный видъ.

Но когда Дѣдъ ввалился, втащили его вещи и остался только странный продолговатый ящикъ, Женя не вытерпѣлъ:

— А тутъ... что? — задыхаясь, поцѣловалъ онъ Дѣда.

Дѣдъ улыбался и гладилъ черную бороду.

— А посмотримъ, посмотримъ.

И тамъ было ружье. Настоящее ружье, одноствольное, шомпольное, тульской работы. Соня съ Собачкой визжали; Женя сіялъ молча. Онъ считалъ неудобнымъ выказывать радость открыто. Отецъ съ Дѣдомъ осматривали ружье, совѣтовались, улыбались.

Послѣ обѣда Дѣдъ объявилъ:

— Надо идти пробовать.

Женя похолодѣлъ. Стрѣлять! Первый разъ въ жизни выпалить, произвести этотъ страшный громъ, который пугалъ его, даже когда стрѣлялъ отецъ — и не струсить!

Былъ прохладный день, сѣроватый. Липы въ большомъ саду облетали, пахло милой и печальной осенью. На гумнѣ Ивана Гусарова молотили цѣпами.

Впереди шелъ Дѣдъ съ отцомъ, потомъ Женя, дѣвочки, садовникъ, сзади гомозились мальчишки. Въ саду выбрали заброшенную сторожку караульщика; прикрѣпили бумагу на двери, обвели кругъ.

— Ну, готово, — сказалъ Дѣдъ. — Николай Петровичъ, заряжайте.

Отецъ заколачивалъ шомполомъ пыжъ, а Женя стоялъ, смотрѣлъ невидящими глазами и вздыхалъ, — какъ будто стрѣлять должны были въ него. Наконецъ, отецъ надѣлъ пистонъ. Дѣвочки заткнули уши и замерли.

— Теперь бери... вотъ такъ, лѣвую впередъ, чтобъ мушка на серединѣ листа.

Женя видѣлъ только блиставшій пистонъ. Въ немъ отражался какой то лучъ, и этотъ пистонъ дѣйствовалъ на него магически. Руки не двигались.

— Ну, валяй! — крикнулъ Дѣдъ.

Женя что то дернулъ, передъ нимъ блеснуло, бухнуло, онъ отшатнулся и опустилъ ружье.

Отецъ съ Дѣдомъ смѣялись.

— Страшно палить, а?

Дѣдъ трепалъ его по щекѣ.

— Ну ничего, молодецъ.

— Нѣтъ, — Женя едва выговаривалъ слова: — не страшно.

Отецъ подошелъ къ сторожкѣ.

— Десять дробинъ, ай да ты!

Женя улыбнулся. Чѣмъ то смутнымъ, блаженнымъ былъ онъ полонъ, и весь этотъ день, когда ружье висѣло въ кабинетѣ съ „настоящими“ ружьями, былъ такъ значителенъ, радостенъ; онъ уже не просто Женя, а владѣтель ружья, изъ котораго можетъ стрѣлять воробьевъ, сорокъ — какое громадное преимущество передъ дѣвчонками!

Онъ былъ счастливъ.

VI

Слобода, гдѣ играли въ лапту, дорога къ церкви, все съ наступленіемъ осени обращалось въ топь. Приходилось сидѣть дома. Только отецъ могъ ѣздить въ это время съ гончими, дѣти учились, и бѣдная Лиза Толстенькая часами разыгрывала экзерсисы; отъ скуки, неудовольствія, по ея пухлымъ щекамъ текли слезы, но въ это время года ничего уже нельзя было подѣлать съ Линой: она брала верхъ. Соня и Женя учились по-нѣмецки. О ружьѣ нечего было и думать.

Черезъ часъ, два послѣ обѣда смеркалось. За окнами было темно, на деревнѣ зажигали кой-гдѣ огни.

— Соня, Соня, — говорила Собачка, — за сколько бъ ты пошла сейчасъ на кладбище?

— Я бы за тысячу.

— А я бы за десять не пошла...

Въ столовой шила что-нибудь мама, въ комнатѣ рядомъ съ кухней Дашенька штопала чулки. Дѣти посылали за Настасьей.

Старая баба Настасья, птичница, хромая, подслѣповатая, вносила съ собой нѣчто сказочно-таинственное. Ее заставляли разсказывать, давали за это орѣшковъ, пряника.

Усаживались вокругъ въ темной комнатѣ, запирали двери — начинались разсказы.

— И было, значитъ, три сестрицы: одна двуглазка, другая одноглазка, третья трехглазка. И такъ это вѣдьма и говоритъ: закрой глазокъ, закрой другой, а про третій забыла.

Послѣ сказокъ прятались. Въ темнотѣ залѣзали въ шкафы, подъ туалетъ, подъ кровати. Искала всегда Настасья. Какъ тихій звѣрь лазила и ковыляла она по полу, а дѣти хихикали, перескакивали изъ одной похоронки въ другую, визжали, шмыгали подъ самыми ея руками и торжествовали.

— Будетъ вамъ, будетъ! — мама внезапно растворяла дверь: — ужинать пора.

Съ ней врывался свѣтъ; жуткое и азартъ, въ которомъ жили эти часы — пропадалъ, дѣти были недовольны.

— Мамочка, позволь еще. Милая!

Но мать настаивала; приходилось подчиняться.

— Послѣ этой Настасьи всегда такой запахъ, — мама улыбалась и отворяла форточку. Дѣти расходились красные, съ блестящими глазами.

Разъ осенью, въ такой же дождливый вечеръ, Женя стоялъ съ Настасьей у окошка. У него на губѣ былъ лишай, огникъ, какъ говорила Настасья. Онъ смотрѣлъ на огонекъ въ избушкѣ караульщика у погоста и повторялъ за Настасьей машинально: „Огонь, огонь, возьми огникъ, огонь, огонь, возьми огникъ.“ Ему было скучно. Непонятная тоска сжимала сердце.

— Теперь отплюнься: разъ плюнь, два, и соскочитъ.

— Почему же соскочитъ?

— А ужъ потому. Увидишь.

Женѣ было все равно. Можетъ быть, и соскочитъ. Онъ водилъ пальцемъ по стеклу и всматривался.

— Слушай, а что сторожъ тамъ дѣлаетъ?...

— Сторожъ-то?

— На погостѣ.

— Значитъ, караулитъ.

Женя молчалъ.

— Кого жъ караулитъ? Все покойники.

— Такъ ужъ значитъ караулитъ.

— А что, — вдругъ спросилъ онъ, — когда мы умремъ, насъ туда же положатъ?

— Тебѣ то еще долго жить, — Настасья вздохнула.

Больше Женя не спрашивалъ. Онъ стоялъ упершись лбомъ въ стекло, и думалъ. Что тамъ такое будетъ? Пройдетъ десять, двадцать, пятьдесятъ лѣтъ — онъ станетъ такой же старенькій, какъ эта Настасья, а гдѣ будетъ тогда Настасья? Гдѣ мама будетъ? „Мама!“ чуть не закричалъ онъ. Ледяная мысль пронзила его: что будетъ съ мамой? Вдругъ умретъ мама теперь же, черезъ мѣсяцъ, годъ? Этого онъ не могъ вынести; какъ стоялъ у окна — залился долгимъ плачемъ, долгимъ, неутѣшнымъ.

Прибѣжала мама, его ласкали, утѣшали; онъ ничего не говорилъ. Въ ужасѣ держался за мать, плакалъ, не переставая твердилъ: „Мама, мама!“

Много разъ съ тѣхъ поръ, въ зрѣлые годы, думалъ онъ объ этомъ, но тотъ вечеръ, когда впервые былъ поставленъ вопросъ, — тотъ осенній мрачный вечеръ съ огонькомъ на кладбищѣ нельзя было вычеркнуть ничѣмъ.

VII

Для человѣка въ десять лѣтъ „мама“ обнимаетъ три четверти жизни. Встаетъ ли онъ утромъ, учитъ ли нѣмецкія слова, ѣстъ ли за завтракомъ котлетку съ огурцомъ, сражается ли съ сестрой въ свои козыри, охотится

ли, слушаетъ ли сказку, ложится ли спать, страдаетъ, здоровъ или боленъ — всегда, на всѣхъ путяхъ его маленькой жизни за нимъ слѣдитъ свѣтлый духъ — мама. Быть можетъ, ея нѣтъ въ тотъ, иной моментъ. Она можетъ уѣхать въ гости, уйти въ амбаръ, на птичникъ — но это ничего не значитъ. Ее можно найти, прибѣжать къ ней, разрыдаться въ ея объятіяхъ, если случилось что-нибудь ужасное — напримѣръ, убили любимую собаку, или кучеръ обидѣлъ друга Романа. Но у ней будетъ найдено утѣшеніе и защита. Мама не можетъ быть несправедливой. Если другъ Романъ дѣйствительно неповиненъ, — кучеръ понесетъ свою кару.

Когда маленькій человѣкъ заболѣлъ, на ея лицо ложится тѣнь. Мама спокойна, сдержана, но волнуется. Посовѣтовавшись съ фельдшеромъ Астахомъ, она дастъ хины, положитъ компрессъ chauffant, смѣряетъ температуру черненькимъ термометромъ — подъ ея умѣлыми руками не можетъ болѣзнь не податься. А глухой ночью, когда отъ жары начнется кошмаръ, она наклонится, въ бѣлой кофточкѣ, возьметъ къ себѣ на постель, и при ней духи тьмы не осмѣлятся приблизиться.

И первая, кому радуется и кого любитъ выздоравливающій ребенокъ, это та же мама. По ея лицу онъ видитъ, что прошло тяжелое, и вновь пойдутъ утра и игры, ясные зимніе дни, коньки, лыжи, бѣлые морозы и иней.

Въ большомъ домѣ, гдѣ копошатся дѣти, снова и постоянно проходитъ свѣтлымъ видѣніемъ она, далекая отъ радостей, ясная, и вся въ любви мама.

VIII

Зима! Это значитъ, что все завѣяно ровнымъ бѣлымъ снѣгомъ, остро вкусенъ воздухъ, небо пріятно-свинцоваго тона и летаютъ вороны. Это значитъ, что для дѣтей насталъ новый рядъ радостей — зимняя жизнь и зимнія удоволь-

ствія — лыжи, коньки, салазки, а вдали, гдѣ то на границѣ двухъ годовъ, Рождество.

Съ новымъ сезономъ столяръ Семіошка получаетъ новую работу: долженъ подмораживать скамьи для катанья.

Дѣти забирались въ мастерскую — тамъ пахло клеемъ, древесными стружками, было жарко и работалъ старикъ Семенъ съ веревочкой вокругъ головы.

— Дядя Семіоша, а дядя, пора!

— Сдѣлалъ бы скамеечку!

— Значитъ, не могимъ. Значитъ, барину полозья выгнемъ, и значитъ, тогда изготовимъ.

Но, конечно, онъ уступалъ, и намазавъ низъ скамьи навозомъ, подливалъ водой. Получалась ледяшка. Дѣти бѣжали къ друзьямъ, на деревню; друзья тащили самодѣльныя скамейки, — начиналось игрище.

Садились всѣ вмѣстѣ у околицы, между домомъ и церковью. Къ рѣчкѣ шелъ далекій, ровный спускъ.

Сначала подталкивали скамьи ногами, но чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣй, плавнѣй ея ходъ. Осталась налѣво сажалка съ незамерзавшимъ ручьемъ, гдѣ бродятъ гуси, вытягиваютъ шеи и кричатъ. Скамья бочитъ, — ударъ ногой, и она снова на пути; вотъ все быстрѣй, быстрѣе въ надвигающихся сумеркахъ летятъ ребята, вотъ не удержались, — всѣ вверхъ ногами кувыркаются въ снѣгъ. Визгъ, хохотъ. Надо вылѣзать, тащить въ гору свои экипажи, снова мчаться.

Дѣти разсыпались, глаза горятъ, въ валенки набился снѣгъ; пахнетъ зимой, радостью, дубленымъ тулупчикомъ Жени. Издали свѣтитъ домъ; вѣрно, скоро тамъ будетъ чай, къ околицѣ выйдетъ Лина въ короткой кофточкѣ, и придется возвращаться.

При сіяющей лампѣ, въ столовой, дѣти будутъ наперебой болтать о восторгахъ катанья, запихивая за обѣ щеки бѣлый хлѣбъ съ масломъ. Отецъ выйдетъ послѣ дневного сна и выпьетъ свою порцію — чай съ молокомъ

и въ прикуску маленькіе кусочки сахару. Потомъ онъ пойдетъ набивать патроны къ завтрашнему дню. Переводя духъ, глядя, какъ сильныя руки отца забиваютъ пыжъ въ гильзу, стоитъ сзади Женя. Или, быть можетъ, они станутъ топить въ каминѣ свинецъ для пуль, и эту жидкость, какъ ртуть, лить въ пулелейку. А выше, на полкѣ мастерской, полусработанный стоитъ маленькій бригъ. Слѣдить за работой отца такое наслажденье!

Лягутъ спать во-время; передъ сномъ Лиза Толстенькая съ Соней проскачутъ въ рубашонкахъ у себя въ комнатѣ, будутъ хохотать, шептаться, опять ненавистный „бимъ-бомъ“ долетитъ до слуха Жени. Но быстрый, здоровый сонъ возьметъ всѣхъ.

Мама проработаетъ до двѣнадцати. Въ часъ, обойдя домъ и заперевъ двери, ляжетъ отецъ. Онъ выйдетъ на крыльцо, послушаетъ. Если утки кричатъ на сажалкѣ, вернется, возьметъ револьверъ и пойдетъ взглянуть: не волки ли — отецъ ничего не боится.

И возможно, что когда уснетъ и онъ, въ своемъ кабинетѣ, гдѣ висятъ ружья на рогахъ надъ медвѣжьей шкурой, завѣсившей стѣну — можетъ быть, тогда волки и придутъ. Былъ уже случай, что одинъ подошелъ къ самому кабинету. Слѣдъ указывалъ на это съ точностью. Но боги хранители дома, русскіе лары не дадутъ въ ночной часъ неблагополучія.

IX

Рождества дѣти всегда ждали. Рождество, Святки для этого народа полны счастья, сказочности, необычнаго.

Съ самаго утра казалось, что наступилъ день даже другого цвѣта, чѣмъ обыкновенные. Тѣ дни сѣрые или бѣлые, а этотъ — острый, жуткій, ему не найдешь краски.

Волненія начинались съ постели. Во-первыхъ, были они о попахъ, во-вторыхъ, о подаркахъ и елкѣ. Попы

волновали тягостно, съ оттѣнкомъ подчиненности. Дѣти смирѣли, крестились, а Женю видъ ризъ, камилавки, кадила ошеломлялъ. Батюшка бывалъ любезенъ; пилъ послѣ молебна водку, закусывалъ пирогомъ, но все же это былъ тотъ странный человѣкъ, который облачается въ золото, при пѣніи произноситъ малопонятныя слова и присутствуетъ на крестинахъ, свадьбахъ, похоронахъ. Замѣститель кого то еще болѣе страшнаго и неизвѣстно гдѣ находящагося.

Подарки и елка — другое дѣло. Всякому лестно получить Донъ-Кихота, или, можетъ быть, пушку, новыхъ солдатъ.

А когда наступятъ сумерки, ждать съ Соней и Лизой Собачкой у дверей залы! Рано или поздно ихъ откроютъ; тогда свѣтъ ударитъ по глазамъ, мама, смѣясь, будетъ цѣловать, а въ дверяхъ напротивъ друзья — Романы, Ѳедоты, и знаменитый бѣгунъ Ваня-Ахиллесъ, котораго привозятъ иногда въ гости изъ сосѣдняго села.

Этотъ вечеръ принадлежитъ дѣтямъ. Если бы взрослые захотѣли читать, работать, разговаривать, — изъ этого ничего бы не вышло. Какъ угорѣлыя носятся дѣти по всему дому, состязаясь съ бѣгуномъ Ваней. Какъ они пылаютъ! Сколько азарта, нерва въ этихъ взвизгивающихъ рожицахъ, какъ страшно притаиться за угломъ и ждать, пролетитъ ли Ахиллесъ мимо, или цапнетъ. А потомъ травятъ Ахиллеса, подстерегаютъ, вступаютъ въ союзъ, чтобы поймать его.

Такъ проходитъ первый день. Но за нимъ есть еще второй, третій. Новый годъ, Святки. Придутъ еще ряженые, всегда одни и тѣ же козы, медвѣди и лошади. Въ свободные дни, надъ которыми Лина пока невластна, можно будетъ почитать Донъ-Кихота, сидя съ ногами на диванѣ, мечтая о неизвѣстныхъ странахъ и людяхъ. Въ тишинѣ этихъ грезъ, впервые и едва видимо проступятъ какіе то виды — дальше игръ и бѣготни. И не разъ

дѣтское сердце, очарованное книгой, заглянетъ въ трепетѣ въ область взрослыхъ, — туда, куда путь ему еще заказанъ.

X

Съ вечера всѣ были веселы; разсматривали старую „Ниву“, спорили о рыцаряхъ, изображенныхъ верхами. Лиза Толстенькая была за бѣлую лошадь.

— Мой конь, мой конь! — твердила она, мусоля пальцемъ бѣлаго рыцарскаго коня.

Сонѣ тоже больше нравился бѣлый, и, какъ часто бывало, Женя остался въ меньшинствѣ.

На утро передъ уроками Лиза вдругъ заплакала. Легла ничкомъ на диванъ, развела цѣлое озеро слезъ.

Трудно было добиться толку; наконецъ, поняли — она больна. Вспухло горло и температура поднялась до сорока.

Такъ началась скарлатина, обратившая домъ на полтора мѣсяца въ больницу.

Лизу Толстенькую быстро увезли. Ее закутали въ шубы, закрыли съ головой, положили въ возокъ и съ фельдшеромъ Астахомъ отправили на Шахту, рудную контору, куда ѣздилъ отецъ. Жаль было Лизу. Дѣти смотрѣли, какъ возокъ катилъ внизъ къ рѣчкѣ, какъ взбирался на той сторонѣ, мелькая черной точкой. Но скоро пришелъ и ихъ чередъ. Первой слегла старшая, Маня, гостившая послѣ Рождества, уже гимназистка. Черезъ недѣлю захворала Соня, потомъ Женя. Скоро всюду въ домѣ были спущены шторы, дѣти стонали въ жару, ихъ поили микстурами. Мучила рвота. Въ эти дни часто и надолго уходило отъ нихъ окружающее, и шла странная, темная, своя жизнь. Но въ нелѣпомъ хаосѣ безошибочно узнавали они маму въ бѣлой кофточкѣ.

Наконецъ, Маня начала выздоравливать. Ей читали вслухъ, и разъ какъ то отецъ привезъ вѣсти о скучавшей

Собачкѣ. Это были стихи, сочиненные для нея Астахомъ. Начинались они такъ:

Вотъ вамъ, Лиза, „Вокругъ свѣта“,
Почитайте пока это.

А Женю въ это время еще отпаивали бульонцемъ. Онъ сталъ худъ, желтъ, печально сдиралъ чешуйки съ рукъ и складывалъ въ кучки. Глядѣть на свѣтъ было больно — и въ полутемной комнатѣ онъ вспоминалъ о снѣгѣ, Лизѣ Собачкѣ, конькахъ, ружьѣ. Его очередь наступила не скоро.

Но выздоровленіе пришло, и ему надолго запомнилось то утро, когда въ первый разъ ему надѣли валенки, халатикъ, и стриженый, едва держась на ногахъ и хватаясь за печку, стулья, чтобъ не упасть, онъ вышелъ въ сосѣднюю комнату. Отсвѣтъ снѣга лежалъ на всемъ. Февральское солнце сіяло туманно. Съ крышъ капало. Онъ увидѣлъ подъ рядъ три комнаты, и въ послѣдней столъ, накрытый къ обѣду. Все было бѣлоснѣжно и прекрасно, точно, какъ и онъ, сняло сѣрыя чешуйки, показывая свою настоящую прелесть.

Рядъ знакомыхъ комнатъ показался Женѣ анфиладой, съ сіяющимъ, какъ для пира, столомъ. Отъ восторга онъ слегка задохнулся. Что то въ его сердце трепетало; снова жизнь, еще милѣй и ослѣпительнѣе прежней, а тяжелое отошло.

Онъ пошатнулся. Прибѣжала мама, Дашенька.

— Мама, милая! — Я здоровъ.

И онъ повисъ на ней. Мама его цѣловала.

XI

Взрослые не понимаютъ природы. Они не знаютъ весны, лѣта, осенняго очарованья. Все это для нихъ было, и жизнь ихъ охвачена равнодушіемъ.

Для ребенка природа есть просто часть собственнаго существованья. Съ весной онъ борется противъ зимы. Каждый удачный день для него радость, и онъ огорченъ, если въ началѣ апрѣля, при хорошей погодѣ, выпадетъ снѣгъ.

Въ мартѣ улица передъ домомъ мутнѣла. Ноздреватый снѣгъ шуршалъ, тая. Протыкались лошади, навозъ рыжѣлъ. По особенному кричали галки; девятаго марта пекли жаворонковъ.

И тогда опять трудно становилось учиться. Звало на улицу неяркое солнце, туманно млѣвшее въ испареніяхъ. Тронулись ручьи; надо было ихъ расчищать.

Женя дѣлалъ это съ серьезностью и добросовѣстностью. Ему казалось, что онъ тоже помогаетъ веснѣ, милому и свѣтлому духу, вѣявшему кругомъ.

Когда въ полезность его труда не вѣрили, онъ сердился.

— Вѣдь вода скорѣй сойдетъ!

— И безъ тебя сошла бы.

— А если я буду помогать, все-таки скорѣй.

Отецъ улыбался.

— Да кому это нужно?

— Ахъ, ты ничего не понимаешь.

Странный человѣкъ отецъ; ему все равно, наступитъ весна сейчасъ, или на два дня позже.

Ракиты у прясла выпускали пушки и краснѣли. Вдали, на рѣкѣ, проступала вода. Женя засматривался. Черезъ недѣлю, при такомъ ровномъ, блѣдномъ теплѣ, взломаетъ ледъ, вода выйдетъ изъ береговъ, и ночью будетъ слышенъ веселый шумъ — половодье. Онъ спускался къ сажалкѣ, смотрѣлъ, какъ взбухаетъ ледъ, какъ обтаяли откосы и подъ солнышкомъ на нихъ пробивается крапива. Возвращался съ Шахты домой отецъ, — въ санкахъ, обвѣтренный и здоровый. Женя кидался къ нему, цѣловалъ въ свѣжіе усы и вмѣстѣ они въѣзжали домой.

— Скоро рѣчка? — Скоро тронется? Черезъ два дня?

Взрослые всегда на вѣрятъ.

— Куда тамъ, — отецъ пускалъ синеватый дымъ, — недѣлю продержится.

— Ты вотъ говорилъ, что нынче мой ручей замерзнетъ, а онъ и не замерзъ.

— Какой ручей?

— Главный.

Отецъ усмѣхался.

Но скоро снѣгъ сошелъ, рѣчка вскрылась, мощный потокъ гудѣлъ подъ мостами, заливая по лугамъ шоссе, топя овнякъ. Отецъ доходилъ до разлива, переѣзжалъ на лодкѣ съ рыжимъ Степаномъ и на той сторонѣ ѣхалъ верхомъ.

Что за роскошь — плыть за отцомъ въ баркасѣ!

Здѣсь съ Женей былъ случай, взволновавшій всѣхъ. Баркасъ отчаливалъ. Было видно за рѣкой, какъ отецъ съ малымъ подъѣзжаютъ верхами къ водѣ. Женя прыгнулъ въ лодку; Степанъ съ мужикомъ двинулись на шестахъ. Весело было проплывать надъ кустами, которые гнуло напоромъ, видѣть, какъ несутся льдинки; слушать шумъ могучей воды.

Такъ добрались до середины. Справа мостъ на сваяхъ, подъ него бьетъ, ревя, стремя. Видно, какъ отецъ слѣзъ съ лошади, отдалъ ее работнику. Вдругъ берегъ, отецъ, деревья за нимъ начинаютъ нестись влѣво, по горизонту. Степанъ налегъ на шестъ, мужикъ возится, но берегъ летитъ все быстрѣе. Женя оглядывается. Степанъ блѣденъ. Мужикъ тоже растерялся. Впереди въ двадцати шагахъ мостъ, гулъ воды въ сваяхъ. Хочется крикнуть, позвать маму. Но поздно. Съ размаху лодка бьетъ о первую сваю, о вторую, мужики безпомощно хватаются за нихъ. Еще ударъ. Дощаникъ скрипитъ, медленно клонится. Женя сидитъ на днѣ, надъ нимъ связи, перекладины моста, темнота... перевернется ли? Мужики отпихиваются изо всѣхъ силъ. Гдѣ отецъ съ лошадьми, гдѣ дымъ его папироски? И вдругъ сейчасъ ничего не будетъ? Гдѣ мама?

Мама изъ далекаго дома видитъ все, и уже она бѣжитъ, задыхаясь, внѣ себя, къ разливу. Не успѣть!

Счастливый поворотъ, — лодку стрѣлой выноситъ изъ-подъ моста, и снова шесты дѣйствуютъ, опять виденъ отецъ, и черезъ пять минутъ по заводи они плывутъ къ берегу. Женя все еще не можетъ сѣсть на лавочку: передъ глазами зеленые круги.

Черезъ часъ дома слезы, ласковые упреки, тишина, отдыхъ.

Больше встрѣчать отца не придется!

XII

Весна, лѣто. Время молодой жизни, когда для дѣтей все сливается въ ласковый привѣтъ неба, воздуха, солнца. Когда дни кончаются такъ же легко, какъ встаетъ утромъ солнце, — оставляютъ въ душѣ длинный, свѣтящійся слѣдъ.

Этихъ дней уже нѣтъ. Не пахнетъ уже такъ рѣка съ ивнякомъ. Нѣтъ тѣхъ игръ, нѣтъ вечернихъ коростелей, закатовъ за Высоцкимъ заказомъ, нѣтъ отца на дрожкахъ, Вальтона, Масетки; нѣтъ стада, входящаго вечеромъ въ деревню, золотистой пыли подъ вербами, Дашеньки, Гришки.

И не будетъ никогда ружья, стрѣльбы въ воробьевъ, верхового конька Червончика, на которомъ можно ѣздить въ обраткѣ, а онъ нейдетъ изъ дому — домой же мчится вскачь и его нельзя удержать. Не будетъ охоты съ Гришкой въ Сопѣлкахъ, когда удрала Коза съ дрожками, и пришлось идти домой пѣшкомъ, за пять верстъ, лѣсомъ, въ темнотѣ; было страшно, и къ концу Женя такъ усталъ, что Гришка взялъ его на закорки; съ ружьями, парой убитыхъ утокъ, въ одиннадцатомъ часу они плелись по деревнѣ — маленькій на большомъ, дремля, измученные и несчастные.

Все это было такъ давно, что легендой вѣетъ отъ воспоминаній; и кажется, что уже нѣтъ и самаго села, и

дома, и другія поля, другіе лѣса вокругъ, другіе люди живутъ на томъ мѣстѣ. Но изъ сѣдой были человѣческое сердце слышитъ все тотъ же привѣтъ — чистый и прозрачный. И жизнь идетъ далѣе.

XIII

Въ серединѣ зимы отца перевели на сосѣдній заводъ, верстъ за сорокъ. Сперва уѣхалъ онъ самъ, потомъ начались сборы и укладыванья семьи. Въ комнаты натащили ящиковъ, и началось разрушеніе. Горько было видѣть, какъ со стѣнъ снимали фотографіи, зашивали въ рогожу диваны, сдирали портьеры. Милый, старый домъ, съ которымъ многое уже было связано, разоряли. И вмѣстѣ со спрятанными солдатиками, съ рисунками лошадей, козъ, удалялась часть жизни, еще такая малая и юная, но уже дававшая о себѣ знать.

За день до отъѣзда Женя прощался съ друзьями, съ играми, съ любимыми мѣстами. Онъ обошелъ на лыжахъ большой садъ, сошелъ къ сажалкѣ; какъ всегда, незамерзающимъ ручьемъ бѣжала оттуда вода. Вотъ развалины сахарнаго завода, откуда съ Собачкой и Соней они носились по отвѣсному скату на лыжахъ; налѣво церковь, погостъ, и внизу луга — такіе безбрежные и ясные лѣтомъ, а сейчасъ это бѣлая равнина. Онъ хотѣлъ-было съѣхать на лыжахъ съ горки, въ послѣдній разъ, но что то защемило въ сердцѣ, и, вздохнувъ, онъ вернулся домой.

Ужинали при свѣчахъ — лампъ уже не было. Голыя стѣны, натоптанные полы, черныя окна. Женя поскорѣй легъ спать. Но и заснуть долго не могъ. Всталъ онъ на другой день блѣдный и печальный.

Было уже подано двое саней. Мужики собрались провожать. Изъ дому тащили послѣднія вещи и грузили на подводы. Въ кухнѣ Дашенька плакала, цѣлуясь со своими пріятельницами съ Поповки, „женами мyроносицами“.

Соню и Женю одѣли въ полушубки, завернули въ тулупы, — какъ безмолвныя туши были они втиснуты въ сани. Скрипѣлъ снѣгъ, солнце блестѣло. Больно было глядѣть отъ свѣта. На поворотѣ, въ околицѣ стояли группой мальчишки и кланялись. Женя вспомнилъ, что онъ ничего не подарилъ на память Настасьѣ, игравшей съ нимъ преданно, и вздохнулъ.

Но было поздно. Лошади, хорошо кормленныя передъ дорогой, шли бойко; сіяла снѣжная равнина, въ лицо изъ-подъ копытъ летѣли комья — тройка дружно взнеслась на мостъ, гдѣ прошлой весной Женя терпѣлъ аварію. Высунувшись, насколько могъ, онъ обернулся: вдали на горѣ бѣлѣлъ двухъэтажный домъ, у околицы какъ будто копошились фигурки. Горло Жени сжалось. Чтобы не выдать себя и разсѣяться, въ меланхолическомъ изліяніи, онъ замурлыкалъ:

Дорогія мнѣ мѣста, гдѣ я про-жилъ годы дѣтства.
Васъ увижу ли когда, иль поки-ину на-авсегда?

слова стараго романса, который онъ недавно слышалъ.

— Не пой, — мама улыбнулась: — простудишь горло.

Онъ напѣвалъ про себя, и все время ему хотѣлось плакать.

XIV

Жизнь на новомъ мѣстѣ оказалась не хуже, если не лучше прежней. Правда, не было старыхъ друзей—Вальтона, Настасьи. Лизу Собачку увезли къ родителямъ. Но явилось и то, чего раньше не было.

Здѣсь отецъ управлялъ заводомъ. Ему отвели огромный домъ, куда можно было вмѣстить два прежнихъ, на берегу озера. На полторы версты шла ровная снѣжная скатерть; на горизонтѣ лѣсъ синѣлъ. За гигантской плотиной лежалъ заводъ, чернѣли крыши, двумя огромными

столбами возвышались доменныя печи. Все это было необыкновенно и привлекательно. Нѣсколько разъ отецъ бралъ съ собою Женю на заводъ. Они выѣзжали въ „дежуркѣ“, у воротъ завода сторожа подобострастно кланялись отцу — и дальше они попадали въ казавшееся Женѣ ужаснымъ царство печей, огня и желѣза. Въ одномъ мѣстѣ билъ молотъ по раскаленной мягкой глыбѣ; вздыхая, она осѣдала, стрѣляя золотыми звѣздочками. Въ прокатныхъ вальцахъ вытягивались огненно-красныя ленты; это будущіе рельсы. Литейщики ждали выпуска чугуна, и когда отворялась утроба домны, оттуда лился ослѣпительный металлъ, отъ одного прикосновенія къ которому загорались щепки. Рабочіе подбѣгали къ струѣ, подставляли черпаки, и рысью, покачиваясь, чуть не расплескивая жидкость, бѣжали къ опокамъ, выливая туда чугунъ.

— Въ прошломъ году былъ случай, — говоритъ отецъ: — одинъ залилъ себѣ за сапогъ. Теперь мы не позволяемъ въ сапогахъ ходить.

Женя блѣднѣлъ, представляя себѣ сожженную ногу, крѣпче держался за отца. Послѣ всѣхъ этихъ литейныхъ, механическихъ, ремонтныхъ — радостно было опять сѣсть въ санки и по чистому снѣгу катить мимо базарной площади, церкви, по набережной озера — домой. Вотъ на углу „господскій домъ“ — отель для одинокихъ инженеровъ, гдѣ всѣмъ управляетъ толстенькая Евдокія Ильинична. Красный домъ доктора, и, наконецъ, они у своего подъѣзда. Выбѣгаетъ старый Тимофеичъ, отстегиваетъ полость. И уже ждетъ обѣдъ, въ огромной столовой, передѣланной изъ зимняго сада, со стеклянной стѣной на озеро. Послѣ обѣда можно уйти наверхъ; верхній этажъ меньше нижняго — нѣчто въ родѣ мезонина; но тамъ двѣ огромныя комнаты — Жени и Сони, и большая средняя, гдѣ трапеціи. Изъ Жениной снова видно озеро. Оно тянетъ къ себѣ взглядъ ровной бѣлизной, великимъ спо-

койствіемъ снѣга, умиряющаго заводскій гомонъ. Въ этой свѣтлой теплой комнатѣ можно мечтать, глядя на дальніе лѣса, рисовать, ожидая, что вотъ нарисуешь что-нибудь замѣчательное — и незамѣтно снѣжное поле засинѣетъ, настанутъ сумерки, чай среди милыхъ сердцу, вечернее чтеніе „Краснаго кедра“, „Дальняго Запада“. Невѣдомые края, приключенія, охоты затолпятся въ мозгу, и станешь просить маму скорѣе послать въ уѣздный городъ мѣнять книжки — къ старому еврейчику, у котораго такой запасъ чудеснаго.

Когда ложатся спать, въ комнатѣ Жени розоватый отсвѣтъ. Это далеко, за плотиной, полыхаютъ надъ домнами языки газа; какъ два громадныхъ факела, будутъ они краснѣть всю ночь, освѣщая заводъ, село, бѣлое озеро.

Можетъ быть, ихъ увидитъ лось, если подойдетъ къ опушкѣ дальняго лѣса — и въ ужасѣ помчится назадъ. И во всякомъ случаѣ, видны они на много верстъ ѣдущему темной ночью.

XV

Вечеромъ въ субботу отецъ сказалъ: „завтра ѣдемъ на буерѣ“. Женя радостно волновался, а утромъ, проснувшись, увидѣлъ на озерѣ трехугольную платформу на конькахъ, съ парусомъ. Толпились любопытные, у мачты возился полковникъ Говардъ, начальникъ мастерскихъ — человѣкъ лысый, веселый и рѣшительный.

Одѣваться и пить чай при такихъ условіяхъ было трудно. Какъ-никакъ, это то же самое, что описано у Жюля Верна въ „Вокругъ свѣта въ 80 дней“.

Отецъ тоже былъ веселъ, смѣялся и говорилъ: „Ну, Говардъ, не завезите насъ въ полынью.

— Перескочимъ.

Однако, Говардъ былъ какъ разъ знаменитъ неблагоразуміемъ; недавно былъ случай, когда онъ на сѣрой кобылѣ чуть не провалился въ воду.

Наконецъ, буеръ готовъ, отецъ съ Женей садятся на платформу, на рулѣ Говардъ. Сначала толкаютъ двое рабочихъ; медленно, и какъ то вяло, подъ напоромъ вѣтра, плыветъ зимній корабль, чертя коньками. Вотъ обширная лысина, съ которой снѣгъ сдутъ. Сразу буеръ подхватываетъ, дышать труднѣй, но какой легкій, волшебный полетъ! И теперь не важно, снѣгъ дальше или ледъ, какъ вырвавшаяся птица летитъ снарядъ въ бѣломъ просторѣ, и лѣсъ на той сторонѣ растетъ, выступаетъ, вотъ видна уже лѣсопилка. Перекинуть парусъ — буеръ выпишетъ дугу, и пойдетъ назадъ, но уже тише, лавируя подъ вѣтромъ зигзагами.

— Замерзъ? — спрашиваетъ отецъ.

Женя храбрится, но въ сущности ногамъ холодно. Черезъ полчаса они возвращаются, Говардъ катаетъ немного дѣвочекъ, а потомъ идутъ завтракать. Отецъ съ Говардомъ пьютъ водку, крякаютъ и разсказываютъ охотничьи исторіи. Маня, пріѣхавшая передъ праздниками изъ гимназіи, слушаетъ ихъ пренебрежительно. Она теперь взрослая, учится въ Ригѣ и на полкахъ у ней стоитъ Гете по-нѣмецки. Сонечка съ Женей забираются къ ней наверхъ. Маня мечтаетъ о курсахъ, черезъ два года ей хочется въ Петербургъ; но родители не знаютъ еще объ этомъ, и на мягкомъ диванѣ, при трескѣ камина идутъ долгіе разсказы о незнакомой жизни въ большомъ городѣ, студентахъ, учителяхъ.

Приходитъ Зина, Манина подруга, дочь завѣдующаго конторой. Разговоръ быстро сходитъ на „умное“. Всѣ республиканцы. Почему должна быть республика?

Потому что нельзя давать власть одному; сто человѣкъ вѣрнѣе не ошибутся. Сонечка тоже настроена радикально, и, входя со своей косицей подростка, говоритъ: „Не понимаю я этихъ консерваторовъ.“

Женѣ хотѣлось бы поспорить; отчасти онъ смущается; а кромѣ того, ничего не знаетъ въ этомъ дѣлѣ. Все-таки

онъ защищаетъ монархію; аргументъ такой: у Эмара онъ вычиталъ, будто въ американскихъ республикахъ избирателей подкупали. Дѣвочки нападаютъ, и онъ разбитъ довольно быстро. Кромѣ того, ничего не возразишь, что одному ошибиться легче, „чѣмъ Конвенту“, какъ говоритъ Маня.

Но разбитіемъ онъ не очень огорченъ. Вечеромъ срисовываетъ „типы домашнихъ животныхъ“ и мечтаетъ о пробѣ своихъ силъ на лицахъ: скопировать бы мамину карточку, или Чичикова изъ альбома Боклевскаго. Вдругъ „выйдетъ замѣчательно“.

XVI

И снова смѣняются днями дни, летитъ невозвратное время среди работъ, игръ, младенческихъ мечтаній.

На Святкахъ здѣсь еще шумнѣе, чѣмъ было раньше. Пріѣзжалъ на заводъ циркъ — Женя съ Сонечкой увлекались имъ до одури. Каждое представленіе были они въ балаганѣ; пахло лошадьми, опилками арены, дымили желѣзныя печурки. Въ полушубкахъ, горя и блестя глазами, сидѣли дѣти въ первомъ ряду. Имъ казалось все это безпредѣльно острымъ, азартнымъ и прекраснымъ; до остервенѣнія хлопали они наѣздницѣ Элѣ, и вернувшись, въ большой залѣ разыгрывали пантомимы, кувыркаясь, визжа.

Лишь одно смущало немного Женю: слухи о гимназіи. Далеко, верстъ за полтораста (если ѣхать на лошадяхъ), былъ губернскій городъ, и насколько онъ понималъ, будущей осенью тронутъ туда всѣхъ дѣтей. Сонечка начала уже готовиться. Къ ней ходила фельдшерица Мяснова, съ круглыми блестящими глазами и запахомъ больницы, и рѣшала безчисленныя задачи. Женѣ нравилась эта плотная, чистая дѣвушка, но и смущала нѣсколько аккуратностью и непреклоннымъ блескомъ глазъ. Женя

думалъ, что она безъ запинки можетъ рѣшить всѣ задачи въ мірѣ. Съ нимъ она проходила именованныя числа.

Онъ не понималъ, къ чему все это. Лучше бы кататься на конькахъ, рисовать, вертѣться на трапеціи, ходить въ циркъ. Но разъ ужъ заведено, что надо рѣшать задачи — онъ рѣшалъ. Проводивъ Мяснову, вздыхалъ съ облегченіемъ, и шелъ спрашивать отца, поѣдутъ ли завтра кавалькадой.

Дѣлать это удобнѣй всего было въ мартѣ, когда теплѣло, чернѣла дорога, и озеро вздувалось. Къ крыльцу подавали лошадей: Гнѣдого Нѣмца Женѣ, — отцу Скромную. Волнуясь, лѣзъ Женя на коня. Тимофеичъ держитъ стремя, гдѣ то кричатъ грачи, новый другъ, мальчишка Громъ, глядитъ изъ кухни, ковыряя въ носу. Образецъ ѣзды въ отцѣ. Главный его завѣтъ — не разставлять врозь носковъ, подыматься въ тактъ. Вотъ къ нимъ присоединились у господскаго дома Говардъ на сѣрой кобылѣ и механикъ Павелъ Аѳанасьичъ. Говардъ сидитъ кряжемъ, сѣрая кобыла его дурачится, и когда пускаютъ полной рысью, она вдругъ начинаетъ вертѣть хвостомъ, какъ крыльями мельницы.

— Говардъ, — кричитъ отецъ: — подбери кобылу!

Но Говардъ хохочетъ, Павелъ Аѳанасьичъ жалобно подпрыгиваетъ, молотя сидѣньемъ по спинѣ своей лошади, — кавалькада идетъ рѣзво, навстрѣчу сырому весеннему вѣтру, вдыхая очаровательный запахъ лужъ, остраго мартовскаго навоза, и радуясь силѣ хода.

Разные случаи бывали въ этихъ поѣздкахъ: скакали по чистому полю, перепрыгивали черезъ канавы; разъ Павелъ Аѳанасьичъ приподнялъ знакомому котелокъ, испугалъ лошадь, и отъ ея курбета легко и вѣжливо — самъ онъ всегда былъ такой — слетѣлъ внизъ головой въ грязь. Женинъ Нѣмецъ споткнулся на мосту, на полномъ ходу, и Женя съѣхалъ ему на голову. Чуть не всѣ падали, или ихъ носили лошади, обрызгивала хвостомъ кобыла

Говарда — но всегда смѣхъ, счастье силы и ловкости владѣло ими, и какъ мартовскій вѣтеръ овѣвало бодростью.

Женя возвращался усталый; у него ныли ноги и руки вздрагивали; но это было ничто въ сравненіи съ азартомъ ѣзды.

XVII

Съ конца марта чуть ни каждый вечеръ ѣздили на тягу. Говардъ, въ черкескѣ, съ газырями и двустволкой черезъ плечо, мчался впередъ на своей кобылѣ. Женя съ отцомъ въ телѣжкѣ, Павелъ Аѳанасьичъ въ дежуркѣ. Ѣхали вдоль плотины; на шлюзахъ гудѣла вода, прудъ синѣлъ, медленно поплескивая у берега; вдали виднѣлись лѣса, и въ ихъ дебряхъ терялось озеро, среди камышей, кувшинокъ, болотъ; что-то гомерическое было въ этомъ озерѣ; казалось возможнымъ, что за его истоками лежатъ лѣса Дальняго Запада, или живутъ гуроны, ирокезы, какъ вокругъ Эри и Онтаріо.

То, что на охоту ѣздили вооруженнымъ отрядомъ, усиливало впечатлѣніе первобытности.

За озеромъ подымались въ гору, сворачивали на дорогу къ Горской мельницѣ и на опушкѣ большого лѣса слѣзали. Тяга будетъ надъ мелочами. Въ прогалинахъ осинника, вдоль ручья, у всѣхъ были свои излюбленныя мѣста. Павелъ Аѳанасьичъ забывалъ пистоны, или у него былъ испорченъ шомполъ. Онъ конфузливо просилъ, охотники поддразнивали.

Сквозь осинникъ краснѣла заря; остатки снѣга таились въ ложкахъ, тихо тая; кажется, можно было разслышать ихъ умиранье; голубѣлъ подснѣжникъ, чернышъ токовалъ вдали. Мирный вечеръ, первая звѣзда на блѣдномъ небѣ, запахъ влаги, бѣгъ робкаго зайчика, огонекъ отцовской папироски! Это весна, дѣтство — это невозвратимо.

Хоркая, съ присвистомъ, тянутъ надъ лѣсомъ вальдшнепы. Бѣдныя птицы, — гонимыя любовью, онѣ въ сладкихъ сумеркахъ встрѣчали любовь рѣдко, а чаще — смерть. Блисталъ огонь сквозь деревья — вальдшнепъ дѣлаетъ боковой вольтъ, какъ безумный мчится въ сторону. Вѣрно онъ раненъ, но тогда не дастся уже въ руки. Гдѣ-нибудь въ тайной лощинкѣ, вздрагивая крыльями, съ каплей крови на длинномъ носу онъ встрѣтитъ послѣдній часъ. Или онъ замеръ въ воздухѣ — значитъ „готовъ", такъ говорятъ охотники — камнемъ валится внизъ.

Все это волновало; съ увлеченіемъ стрѣлялъ Женя, дрожалъ отъ ожиданья, но почти всегда неудача; почти всегда. Онъ запоминалъ число промаховъ, страдалъ, выводилъ процентное отношеніе къ числу удачъ, но всегда выходило, что онъ безнадежно бездарный охотникъ. Такъ, мазило.

Возвращались въ темнотѣ. Звѣздъ было уже полное небо; острѣй пахло весной; ручьи шумѣли, издалека открывались огни завода и торжественныя отраженія ихъ въ пруду. Ужиная дома, ѣли свѣжую редиску изъ парниковъ, отецъ съ Говардомъ пили водку и разсказывали о былыхъ временахъ, еще болѣе блестящихъ и страшныхъ охотахъ, медвѣдяхъ, лосяхъ.

Сестры относились къ охотѣ съ презрѣніемъ. Вальдшнеповъ, однако, ѣли всѣ.

XVIII

Свѣтлый майскій день. Прудъ блѣдно голубѣетъ, заводскій дымъ треплется въ тепломъ вѣтрѣ. Женя смотритъ съ балкона на озеро. Въ залѣ, внизу, играетъ на рояли гувернантка Софья Ивановна. Женя представляетъ себѣ ея милую фигуру — съ большими, музыкальными руками, запахомъ духовъ, и ея музыка еще прекраснѣй. Опершись щекой о перила, глядя въ синеву, можно мечтать разым-

чиво и безбрежно — какъ просторъ этотъ легокъ, какъ благоуханенъ воздухъ! О чемъ мечтаетъ человѣкъ? О томъ, какая будетъ жизнь, кѣмъ онъ будетъ. Вдругъ онъ сдѣлается художникомъ, и сумѣетъ рисовать „съ натуры“ портреты? Или встрѣтитъ... кого то. Ту, которой еще не знаетъ, но которая гдѣ то есть — взглянувъ на нее, можно сгорѣть отъ стыда и радости. Нѣчто въ ней — и отъ Софьи Ивановны.

Съ вѣтромъ донесся звонъ. Колокола мѣшаются съ музыкой, на припекѣ кудахтаютъ куры по-весеннему — нынче воскресенье, оттого всѣ и веселы. Сбѣжавъ внизъ, Женя ждетъ среди струящихся березокъ почтальона. Сегодня принесутъ журналъ, Жюля Верна. Этотъ день очень интересенъ. Прошлый разъ колонисты отправились на сосѣдній островъ; тамъ нашли страннаго одичавшаго европейца. Неужели это Айртонъ?

Въ двѣнадцать почтальонъ является. Къ сожалѣнію, надо обѣдать; зато послѣ, забравшись на диванъ съ ногами, холодѣя отъ волненія, глотаетъ онъ Айртона. Какъ жаль, жаль, что мало! Конечно, это Айртонъ, высаженный въ наказаніе на пустынный островъ, но кто же извѣстилъ колонистовъ? Откуда бутылка, указаніе долготъ?

Отъ возбужденія надо пройтись. Можно бродить въ аллеяхъ, въ паркѣ, среди нестарыхъ зеленыхъ липъ. Еще лучше — уѣхать въ лодкѣ. Для этого надо взять друга Грома, ключи, скользнуть незамѣтно, чтобы кто-нибудь изъ взрослыхъ не помѣшалъ. Къ четыремъ прудъ затихаетъ, становится свѣтлымъ зеркаломъ; чуть двигая веслами, можно гнать долбленку довольно быстро. Минуя село, выѣдешь къ лѣсу, пристанешь у песчаной косы. Тутъ дивный воздухъ; лежа на спинѣ, среди елей, на мягкомъ мху, видишь, какъ летаютъ рыболовы. Громъ, подсучивъ штанишки, ловитъ подъ корягами раковъ. Вдали пыхтитъ лѣсопилка, съ плеса въ камышахъ поднялась пара утокъ. Дятелъ долбитъ ель; пролетитъ сиворонка.

Лежать бы до вечера, любуясь озеромъ, собирая рѣдкіе камешки, да хватятся къ чаю, мама будетъ безпокоиться. Надо ѣхать. И плывутъ снова. Вечерній чай пьютъ на нижней террасѣ. Софья Ивановна съ Сонечкой щелкаютъ шарами на крокетѣ. Громъ отворилъ фонтанъ; въ блескѣ заходящаго солнца играетъ его струя.

— Женя, — Софья Ивановна улыбается и щуритъ глазъ: — а вы знаете слова къ завтрашнему?

Женя слегка смущенъ.

— Я выучу, Софья Ивановна, обязательно.

И, конечно, онъ выучитъ. Софьѣ Ивановнѣ не знать урока непріятно.

XIX

Съ пріѣздомъ Жука веселые дни кончились. Это былъ маленькій черный философъ украинофильскаго вида, приглашенный для латыни. Онъ былъ добраго нрава; жилъ во флигелѣ. Жукомъ звался за размѣръ и черноту, и все было бы хорошо, если бъ не учебники Кюнера, не спряженія и десятки словъ, которыя приходилось учить. Съ грустью глядѣлъ теперь Женя на озеро, лодку, изъ-за Жука вырисовывался вдали неизвѣстный городъ, казавшійся громаднымъ и страшнымъ, гимназія, учителя, жуткій и ненужный трудъ. Отвѣчая урокъ, путаясь въ словахъ и краснѣя, онъ смотрѣлъ изъ прохладнаго флигелька на цесарокъ, копошившихся въ пыли — и хотѣлось удрать куда-нибудь въ паркъ, рѣзать липовые побѣги и выдѣлывать изъ нихъ свистульки.

Но задумаешься, и какъ разъ собьешься въ склоненіи, — третье склоненіе развѣ легко!

Онъ уставалъ, худѣлъ, падалъ духомъ. Первый мѣсяцъ работы былъ особенно труденъ. Лишь одинъ день выдался

необычайный. Съ утра Женя раскисъ, всталъ съ больной головой, и ему позволили не учиться.

Шелъ дождь — сильный, теплый. Онъ стоялъ на своемъ балконѣ, смотрѣлъ на озеро, дымившееся брызгами, вздыхалъ, а потомъ неожиданно пошелъ въ комнату и взялъ Тургенева. Случайно открылась „Первая любовь". Онъ читалъ медленно, неохотно вначалѣ, потомъ забылъ хворость, Жука, гимназію, даже Жюль Верна, и читалъ послушно, не себѣ уже принадлежа, улыбаясь про себя, краснѣя. Было бы очень непріятно, если-бъ кто-нибудь вошелъ. Но въ огромномъ домѣ тихо; черезъ два часа онъ кончилъ, вскочилъ и побѣжалъ внизъ. Все такъ же не хотѣлось ни съ кѣмъ встрѣчаться, — быть одному со своимъ сердцемъ. Дождь пересталъ. Листва казалась нѣжно-вымытою, блѣдно-зеленоватый туманъ стоялъ въ паркѣ; было сыро, тепло, падали капли съ листьевъ. Женѣ казалось, что *онъ* былъ влюбленъ въ Зинаиду, что на оранжереѣ сидѣлъ онъ, и прыгнулъ, и Зинаида его поцѣловала, и съ кадетомъ онъ игралъ, и до боли видѣлъ онъ рубецъ отъ хлыста на ея рукѣ. Этотъ ударъ вызывалъ такое страданіе, что невидимаго, неизвѣстнаго отца онъ готовъ былъ убить. Да, конечно, онъ прыгнулъ бы и съ гораздо болѣе высокой оранжереи, и у ногъ Зинаиды онъ умеръ бы съ гордостью и радостью.

И со свѣтлой тоской въ сердцѣ, съ навертывающейся слезой бродилъ онъ въ зеленомъ саду; весь этотъ день окрасился для него блѣдно-зеленоватымъ. А видѣніе — Зинаида — осталось на всю жизнь. Это была первая великая радость искусства.

XX

Утромъ, въ четыре, Тимофеичъ разбудилъ отца и Женю. Они спали въ кабинетѣ; Женя на диванѣ, отецъ на кровати. Вѣтерокъ съ озера вздувалъ занавѣси, только-что

показалось солнце. Хотя глаза слипаются, но нельзя не быть въ восторгѣ отъ этого утренняго благоуханія, отъ теплаго золота и сознанья, что ѣдутъ на охоту. Наскоро умывшись, пьютъ чай на балконѣ. Здѣсь еще холодокъ, садъ въ матовой росѣ. Бѣлый хлѣбъ съ масломъ, чай со сливками. Съ озера слышенъ свистокъ: это „Капитолина", пароходъ, на которомъ ѣдутъ. Значитъ, пора. Хотя пароходъ свой, заводскій, и уйти безъ нихъ не можетъ, Женѣ кажется, что они опоздаютъ, и волнуясь торопитъ онъ отца.

— А экстракторъ взялъ? — спрашиваетъ отецъ.—Да пистоновъ захватывай, навѣрно пригодятся Павлу Аѳанасьичу.

Смѣясь, они быстро идутъ съ ружьями и патронташами къ пристани. Старая Норма бѣжитъ косой побѣжкой, морща носъ. На борту Павелъ Аѳанасьевичъ, Говардъ и кузнечный мастеръ Дрезе. Это черный добродушный человѣкъ съ волосатыми руками.

— Ну пора же, пора, — онъ здоровается. — Ну надо же ѣхать, а то опоздаемъ и къ уткамъ.

„Капитолина" отваливаетъ. Проплываютъ вдоль берега, мимо купальни и дома, гдѣ сейчасъ спитъ мама, Сонечка, во флигелѣ — Жукъ, — и подъ мѣрное бормотанье колесъ идутъ вглубь озера, въ безлюдные притоны утокъ, бекасовъ и дупелей. Женѣ кажется, что Павелъ Аѳанасьичъ — разсѣянный астрономъ Николай Полландеръ, Говардъ — Джонъ Муррей, а отецъ — полковникъ Эверестъ и они ѣдутъ къ верховьямъ рѣки Оранжевой, измѣрять дугу меридіана.

Часъ, два плывутъ по голубымъ водамъ. Скрылся заводъ, вода сузилась, ближе подошли лѣса и чаще сплошные ковры кувшинокъ; иногда „Капитолина" разсѣкаетъ ихъ даже.

— Я же на этомъ островочкѣ прошлый годъ десять штукъ взялъ! Николай Петровичъ, тутъ же выводочку быть да быть!

Убавляютъ ходу, отвязываютъ лодки, и Дрезе съ охотникомъ Яшкой „берутъ“ островъ. Объѣзжаютъ его сбоку, а „Капитолина“ обходитъ съ другой стороны. По берегу, въ камышѣ, бредетъ собачонка Дрезе. Слышна его брань, свистъ, всплески веселъ, но утокъ нѣтъ.

У борта Женя съ отцомъ зѣваютъ.

Островокъ прошли. Подплываетъ Дрезе, ругаясь на собачонку.

— Ну я же такъ и зналъ, что тутъ ничего нѣтъ! Ну зачѣмъ же было задерживаться!

— Вы же сами хотѣли!

— Я же тутъ выводочекъ взялъ, а теперь ни одной утеночки!

— Хе-хе, — смѣется Говардъ: — вы, извѣстный счастливецъ!

— Если бы я зналъ же, я бъ не остановился! Только время же теряемъ.

Плывутъ дальше. Въ верховьяхъ, у мельницы, гдѣ собственно и начинается охота, пароходъ пристаетъ. За мельницей тоже пруды, но тамъ надо ѣхать уже въ лодкѣ. Разыгрывается день, солнце слѣпитъ, на темносиней водѣ качаются челноки, и кой-гдѣ бѣлѣетъ барашекъ. Вѣтеръ озерный — пахнетъ болотомъ и рыбой. Подойдя къ камышамъ сталкиваютъ Норму въ воду. Она брызгаетъ, барахтается, но скоро охотничій азартъ захватываетъ ее и рѣзво шмыгаетъ она въ осокѣ, туряя утокъ. Павелъ Аѳанасьичъ идетъ берегомъ, — ему придется стрѣлять въ летъ. Вдругъ онъ видитъ двухъ утятъ, бурно шлепающихъ по водѣ отъ берега. Онъ цѣлится.

— Не стрѣляйте же, не стрѣляйте! — кричитъ Дрезе.

Павелъ Аѳанасьичъ ведетъ ружьемъ за ними.

Дрезе падаетъ на дно лодки.

— Дрезе подстрѣлите, что вы дѣлаете!

Онъ обертывается. Это кричитъ отецъ.

— Почему же? Я не понимаю.

Какъ всегда онъ вѣжливъ, и какъ будто въ перчаткахъ.

— Отъ воды отразится — весь зарядъ въ него закатите!

— Ахъ, вотъ какъ, а я не сообразилъ!

Дрезе подымается изъ лодки.

— Ну и что же это такое, вы же сынишку сиротой сдѣлаете!

Въ полдень завтракаютъ на берегу. Бутерброды, огурцы, ветчина кажутся такими вкусными! Печетъ солнце; Норма съ порѣзаннымъ носомъ тяжело дышитъ, вся въ грязи, мокрая. Охотники пьютъ водку.

— Плохи стали мѣста энти, — говоритъ Яшка. — Тутъ бы гору птицы надо набить.

Онъ уныло взглядываетъ на нѣсколькихъ утятъ и селезня.

Дрезе сердится.

— Ну я же такъ и говорилъ!

Послѣ завтрака снова шарятъ въ камышахъ; собаки устали и лазаютъ лѣниво. Утокъ мало. Для развлеченія Женя съ Павломъ Аѳанасьичемъ палятъ въ ястребовъ, рыболововъ, но все мимо.

Дома они для практики стрѣляютъ въ бросаемыя бутылки и шарики. Теперь Дрезе дразнитъ ихъ.

— Это же вамъ не щепочки, Павелъ Аѳанасьичъ!

— Вы, Павелъ Аѳанасьичъ, лучше бы ужъ въ Дрезе пробовали, смѣется отецъ.

День быстро проходитъ. Синѣе волны, чайки бѣлѣй на этой синевѣ, и сильнѣй усталось. Какъ-никакъ, надо плыть на мельницу. И пока добираются, пока пьютъ чай и закусываютъ, разводятъ пары на „Капитолинѣ“, солнце, краснѣя, касается горизонта. Удятъ рыбу, болтаютъ съ мельникомъ. Наконецъ, въ розовыхъ сумеркахъ, отплываютъ. Какъ фламинго, стоитъ на болотцѣ цапля, и ее спугиваетъ пыхтѣнье парохода. Ѣдутъ долго. Становится прохладно, сыро, глаза тяжелѣютъ отъ утомленія. Но передъ взоромъ далекая вода, все расширяющаяся, и уже скоро откроются знакомые маяки. Вышла луна и без-

молвнымъ свидѣтелемъ стоитъ сбоку, сопровождая бѣгъ „Капитолины“. Ея тусклое сіянье, сквозь слегка туманящійся воздухъ, даетъ оттѣнокъ грусти и загадочности.

Женя, сидя на носу, думаетъ, что черезъ мѣсяцъ все это уйдетъ, можетъ быть, навсегда. Его клонитъ ко сну, сердце жметъ тоска; отецъ кутаетъ его.

XXI

Быстро прошелъ іюль, половина августа. Среди латинской зубрежки ѣздили за тетеревами, но покой и ясность деревенской жизни были утеряны. Ложась спать, Женя думалъ объ экзаменахъ, о городѣ; его волновалъ близкій отъѣздъ и разлука съ родными.

Рѣшено было, что мать свезетъ въ городъ Соню съ Женей, наймете маленькую квартиру и они поселятся подъ присмотромъ Дашеньки.

И вотъ, пожелавъ успѣха Женѣ, уѣхалъ Жукъ. Наступилъ день отъѣзда. Долго укладывались, соображали не забыть бы чего, и десятаго августа, въ прохладное утро тронулись. Верстъ тридцать надо было проѣхать по своей, узкоколейной дорогѣ, далѣе на лошадяхъ. Женя помнилъ влажную отъ росы платформу ихъ станціи, „директорскій“ вагончикъ, куда ихъ усаживали, отца, озабоченнаго и печальнаго. Когда Женя поцѣловалъ его въ послѣдній разъ въ рыжеватые усы, горло его сдавило и онъ бросился въ вагонъ. Поѣздъ задребезжалъ. Мелькнула фигура отца, потомъ заводъ потянулся, и поѣздъ пополз въ гору — ту самую, куда ѣздили на тягу. Чѣмъ дальше уходилъ онъ, тѣмъ шире и синѣй развертывалось озеро, село, и завиднѣлся на той сторонѣ домъ, такъ милый Жениному сердцу.

Лѣса уже начали желтѣть; въ раскрывавшемся видѣ, голубизнѣ озера и прозрачности далей было прощаніе.

Вотъ лежитъ сзади дѣтство, въ его тихой радости, и возврата къ нему нѣтъ. Поѣздъ взобрался на высшую точку и, громыхая, покатилъ внизъ. Медленно, ровно опускались родныя мѣста, какъ бы утопая. Женя прижался лбомъ къ стеклу и сдерживалъ слезы.

XXII

Въ городѣ мама наняла квартирку въ три комнаты. Какъ убого это было! И какъ мрачно казалось все здѣсь.

Дулъ сухой вѣтеръ, гналъ пыль и листья. Въ крошечномъ домѣ, съ дворикомъ величиною съ ладонь, надо было ждать экзаменовъ.

Тяжело вздыхая, послѣ плохой ночи всталъ Женя въ назначенный день. Пока шли съ мамой, было еще ничего-себѣ, но когда она оставила его въ огромномъ зданіи, гдѣ кишѣли дѣти, сновали учителя, онъ почувствовалъ, что погибъ. Самый запахъ крашеныхъ партъ, ранцевъ убивалъ его.

Плохо соображая, попалъ онъ, наконецъ, въ классъ, гдѣ экзаменовали. Казалось, что его фамилію не назовутъ никогда. Просто о немъ забыли среди моря этихъ малышей, отъ которыхъ онъ ничѣмъ не отличался.

Наконецъ, блѣдный, полуживой, очутился и онъ у зеленаго стола. Тутъ сидѣли батюшка и инспекторъ. Отъ волненія Женя барабанилъ пальцами по сукну, слегка вздрагивая.

— Гдѣ ты учился? — спросилъ инспекторъ — острый, лысый человѣкъ на тонкихъ ножкахъ.

— Д-дома.

— Значитъ, тебя плохо воспитывали.

Золотое пенснэ инспектора вздрогнуло.

— А... что?

— Какъ „а что?“ Что это за выраженіе, во-первыхъ? Развѣ такъ разговариваютъ со взрослыми? А потомъ, ты

подходишь къ столу и начинаешь барабанить пальцами! Развѣ воспитанный мальчикъ позволитъ себѣ это?

Женя былъ оскорбленъ. Невоспитаннымъ онъ себя не считалъ; кромѣ того, съ нимъ обращались всегда мягко, ласково, и одинъ этотъ тонъ былъ невыносимъ. Онъ не отвѣтилъ и отвернулся.

Близорукій батюшка, въ очкахъ, имѣлъ радостно-побѣдоносный видъ. Казалось, онъ тутъ же неопровержимо докажетъ бытіе Божіе и подлость „Дарвина". Несмотря на нескладность отвѣтовъ, на неточность касательно патріарховъ (ошибки въ опредѣленіи возраста), Женя получилъ удовлетворительно. То же было и по-русски. Онъ вздохнулъ веселѣй. Одна латынь!

На перерывѣ онъ сошелъ въ гимназическій садикъ, и тутъ же получилъ крещеніе. Нѣкій „Юзепчукъ Петръ", второклассникъ, далъ ему тумака. Женя обидѣлся; произошелъ бой, гдѣ противники налетали другъ на друга пѣтухами, подъ гулъ и галдѣніе публики, схватывались, опять отскакивали, но оба остались на позиціяхъ — послѣ же битвы даже познакомились.

— У Пятеркина держишь? — спросилъ Юзепчукъ. — Латынь?

— Да.

— Ну, онъ сволочь. Мнѣ колъ за подсказъ поставилъ.

Пятеркинъ былъ человѣкъ тучный, бритый, съ бородавками.

Съ первыхъ же словъ онъ сталъ ловко ловить Женю, и на третьемъ склоненіи остановилъ:

— Довольно! Егоровъ Иванъ!

Женя не понялъ. Пятеркинъ красиво и жирно поставилъ ему въ журналѣ два.

Горекъ былъ для Жени этотъ вечеръ. Мама утѣшала, говорила, что это пустяки, завтра она пойдетъ объясняться къ директору, но онъ былъ безутѣшенъ. Не примутъ! Скандалъ. Позоръ, жалкое бѣгство на родину. Онъ мол-

чалъ, потихоньку плакалъ; ночь не спалъ. Казалось, что весь свѣтъ знаетъ о его неудачѣ; онъ, державшійся всегда твердо и съ достоинствомъ, оказался хуже какого то Юзепчука, и ему предстоитъ быть недорослемъ изъ дворянъ. На другой день мама была у директора. Послѣ мучительнаго четырехдневнаго ожиданія онъ былъ принятъ.

XXIII

Давно извѣстно, что жизнь маленькихъ гимназистовъ напоминаетъ каторгу. Такъ было и съ Женей. Мама уѣхала, оставивъ ихъ съ Соней подъ надзоромъ Дашеньки. Наступила осень. Поздно свѣтало, и въ суровыхъ потемкахъ, при свѣчкѣ, надо было одѣваться и пить чай. И потомъ — бѣжать, дрожать передъ латинистомъ, передъ надзирателями, директоромъ, инспекторомъ, дышать пыльнымъ воздухомъ класса, ѣсть сухой бутербродъ на большой перемѣнѣ, думать, какъ пройдетъ письменная задача, ждать грубости, подчиняться жалкимъ и бездарнымъ людямъ. Бѣдная жизнь, сѣрая, проклятая. Что можетъ она взрастить?

Въ пятницу Женя шелъ какъ на казнь. Въ этотъ день онъ бывалъ дежурнымъ, и всегда кто-нибудь устраивалъ скандалъ: разбивали стекло, проливали чернильницу.

— Дежурный! — звалъ надзиратель.

Женя шелъ.

— Кто это сдѣлалъ?

— Не знаю.

— Да? Не знаешь? Ну, останешься безъ обѣда.

Выдавать товарищей, конечно, не полагалось; и онъ сидѣлъ.

Дома уроки при скудной лампѣ, однообразіе, отсутствіе друзей, природы, вольности. Въ десять часовъ сонъ — вдругъ забылъ приготовить нѣмецкія слова — и въ одной рубашонкѣ, при свѣчкѣ, дозубриваетъ онъ ихъ, въ вол-

неніи. Завтра же снова „общая молитва“, экстемпорали, правило пропорцій.

Такъ уходятъ нѣжные и милые годы, когда душу посѣщаетъ уже образъ Зинаиды, заставляя томно останавливаться сердце. Но гдѣ же быть Зинаидѣ въ этомъ несчастномъ болотѣ? Далекая, все неземнѣй становится она — зеленая звѣзда любви отроческой.

XXIV

Разъ въ ноябрьскій вечеръ зашла тетя Анна Михайловна. Дѣти мало знали ее; уѣзжая, мама просила иногда навѣдывать ихъ.

Анна Михайловна была невесела и не раздѣлась.

— Тетя, — сказала Сонечка, — вы бы сняли шубу. Я васъ угощу вареньемъ, намъ Дашенька замѣчательное сварила.

— Спасибо, милая, некогда.

Анна Михайловна вздохнула.

— Вотъ что, дѣти... Вамъ завтра надо уѣзжать.

Сонечка удивилась. Женѣ все это показалось страннымъ. И видъ тети Анны Михайловны, ея голосъ, то, что она сидитъ въ верхней одеждѣ.

— Я была сегодня у директора, завтра съ утра у начальницы, и завтра же вечеромъ, вѣроятно, вы отправитесь.

— Тетя, я не понимаю, — Соня вдругъ поблѣднѣла. — Куда мы поѣдемъ?

— Ну, дѣти, ничего особеннаго нѣтъ, вы напрасно не волнуйтесь, но все-таки должна вамъ сказать, что получила отъ отца извѣстіе... — она замялась. — Да ничего особеннаго... Мама захворала. Богъ дастъ, пройдетъ все благополучно. Все же надо ѣхать.

Соня отошла къ окошку и сморщилась. Маленькія слезы побѣжали изъ ея глазъ, она сморкалась въ платочекъ.

— Если насъ вызываютъ, значитъ мама больна серьезно.

Женя держалъ уже въ рукѣ телеграмму: „Мама тяжело больна, высылайте дѣтей немедленно.“

Анна Михайловна цѣловала и утѣшала ихъ, но они сразу пали духомъ. Они молчали, Женя заложилъ руки за спину и ходилъ угрюмо изъ угла въ уголъ. Сонечка плакала. Женѣ хотѣлось плакать тоже, но онъ крѣпился, и только когда тетушка ушла, сталъ ревѣть у себя, въ подушку. Ему казалось, что теперь не стоитъ уже ѣсть, ходить въ гимназію и жить. Безразлично — все пропало. Разъ умретъ мама, къ чему тянуть эту канитель?

Вечеромъ къ нему пришла Сонечка и поцѣловала въ лобъ. Эта женская ласка напомнила ему маму еще сильнѣе; — ея запахъ, ея мягкія руки и онъ еще неутѣшнѣе заплакалъ.

— Не плачь, Женечка, — Соня, какъ старшая, старалась поддержать его. — Дастъ Богъ, пройдетъ все. Не плачь, милый.

— Соня, — бормоталъ онъ, сквозь слезы, — скорѣй бы ужъ! Ахъ ты Господи, когда жъ мы поѣдемъ!

Къ сестрѣ онъ тоже чувствовалъ приливъ любви; и теперь не помнилъ уже о поддразниваніи, о томъ, что во всѣ игры, въ дѣтствѣ, она обыгрывала его, о ненавистномъ нѣкогда „бимъ-бомъ“.

Около полуночи, очнувшись послѣ мрачнаго сна, онъ увидѣлъ въ Сониной комнатѣ свѣтъ. Тамъ, передъ маленькой лампадкой, Соня молилась. Молилась и Дашенька, охая, шевеля старческими губами — у себя въ каморкѣ.

На другой день съ утра летѣлъ мокрый снѣгъ. Анна Михайловна провожала дѣтей на вокзалъ, усадила въ третій классъ. Туманныя поля, полосы метели проносились мимо нихъ; въ вагонѣ было жарко. Хмурые, жалкіе, жались другъ къ другу дѣти. Громыханье вагона погружало въ оцѣпенѣніе. Но въ груди давила ровная жесто-

кая тяжесть—мама. Жива ли, жива? Вдругъ не поспѣютъ и не услышишь никогда звука ея голоса? Въ темнѣющемъ вагонѣ, съ несшимися за окномъ искрами, снова охватывалъ тотъ же смертный холодъ, что и тогда, съ Настасьей. Станція, пересадка, носильщики, мужики, — все казалось смутнымъ сномъ.

Чѣмъ ближе подвигались къ дому, тѣмъ больше тоска росла. Вотъ раннимъ утромъ они слѣзаютъ въ темнотѣ на полустанкѣ, откуда идетъ узкоколейная дорога. Здѣсь все уже знакомое; встрѣчаетъ Кузьма и ведетъ на съѣзжую, гдѣ они могутъ отдохнуть до поѣзда.

— Ну... что, Кузьма? — спрашиваетъ Женя, едва выговаривая слова.

— Ничего, слава Богу, Евгеній Николаевичъ. — И какъ слышно, мамашѣ вашей лучше.

Милый Кузьма, откуда онъ знаетъ? Но Женя недовѣрчивъ: можетъ быть, это просто, чтобы успокоить...

— Да вы почемъ знаете?

— Тутъ вчера мастеръ ремонтный пріѣзжалъ.

Въ двѣнадцать, на станціи Стеклянная извѣстіе подтверждается: встрѣчаютъ Дрезе.

— Ну, да ничего, слава Богу! А ужъ мы за мамашу какъ боялись! Чуть не при смерти была третьяго дня, я же васъ увѣряю. Ну, теперь ничего.

Дома были часа въ три. Въ передней ихъ обнялъ отецъ и опустился тяжело на стулъ. Видно было по измѣнившемуся лицу, что нелегко прошли эти послѣднія недѣли.

— Маму нельзя видѣть, погодите.

Онъ разсказывалъ имъ, какъ страдала мама отъ болѣзни печени. Третьяго дня докторъ сказалъ, что всего ждать можно. Но ночью стало легче.

— Ночью? — переспросилъ Женя. — Ночью третьяго дня?

Онъ взглянулъ на Соню. „Богъ услышалъ ихъ?“ Но отъ волненія, радостнаго и остраго, онъ ничего не могъ сказать.

Наверху все было полно болѣзнью. Казалось, даже смерть не совсѣмъ была покорена въ этой мрачной комнатѣ. Мама, изсохшая и измученная, но съ улыбкой, лежала на огромной постели. Увидѣвъ ее, дѣти лишились выдержки и, припавъ къ постели, рыдали.

XXV

Они прожили дома около мѣсяца. Это было время тихаго, радостнаго существованія. Съ каждымъ днемъ мама поправлялась; каждый день, просыпаясь, Женя зналъ, что она здѣсь, любимая и дорогая, и въ ужасѣ гналъ мысль, что было бы, если бъ она не выздоровѣла. Но нѣчто серьезное вошло въ ихъ жизнь. Не катàлись уже какъ прежде, беззаботно, на буерѣ, коньки не интересовали, и, казалось, что прошло сразу нѣсколько лѣтъ. Въ жизни бываютъ иногда побѣды, отъ которыхъ оправиться труднѣе, чѣмъ отъ пораженій.

Такъ было и здѣсь. Уѣзжая послѣ Рождества въ гимназію, Женя чувствовалъ, что любитъ мать еще острѣе, и больнѣй, мучительнѣй. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оглядываясь на родныя мѣста, онъ понималъ, что какая то часть его жизни — и не лучшая ли, — прожита, и сюда онъ не вернется тѣмъ безпечнымъ ребенкомъ, какимъ въѣзжалъ въ этотъ домъ. Дѣтство его кончалось.

СМЕРТЬ

Когда въ комнатѣ выставили рамы, и Павелъ Антонычъ вдохнулъ апрѣльскій воздухъ, увидѣлъ блѣдное небо, воробьевъ, слабую зелень въ садикѣ, онъ понялъ, что это его послѣдняя весна. Мысль о концѣ не испугала его; она только яснѣе опредѣлила его положеніе. Онъ улыбнулся женѣ.

— Какой воздухъ! Какъ хорошо! Ты доставила мнѣ большое удовольствіе.

— Не холодно? — теперь во всѣхъ словахъ и мысляхъ Надежды Васильевны было одно: какъ бы не повредить Павлу Антонычу, какъ бы помочь.

— Нѣтъ — онъ вздохнулъ глубоко. — Легче. Дышать свободнѣе.

Надежда Васильевна поцѣловала его въ лобъ и вышла. Цѣлый день онъ былъ покоенъ, молчалъ, не задыхался. Все время смотрѣлъ въ садикъ и къ вечеру попросилъ посыпать на балконѣ зеренъ для воробьевъ. При этомъ снова улыбнулся:

— Весело на нихъ смотрѣть.

Слѣдующій день и вся недѣля прошли спокойно. Казалось даже, что зловѣщіе отеки уменьшаются. Но самъ Павелъ Антонычъ измѣнился. Онъ часами глядѣлъ на воробьевъ, не читалъ, и въ его глазахъ, къ которымъ такъ привыкла Надежда Васильевна, она видѣла упорныя, тайныя мысли.

— Павелъ Антонычъ, — спросила она разъ: — о чемъ ты думаешь? Отчего ты мнѣ ничего не скажешь?

— О чемъ думаю?

Онъ засмѣялся.

— О духовномъ завѣщаніи.

— Зачѣмъ ты говоришь такъ? Павелъ Антонычъ!

Онъ сталъ серьезнѣе.

— У меня, Надежда, есть съ тобой разговоръ.

Но потому ли, что не додумалъ до конца, или докторъ помѣшалъ, онъ отложилъ объясненіе.

Наконецъ, въ первыхъ числахъ мая, когда садъ былъ уже въ зелени, весело звонили въ монастырѣ и Павла Антоныча выносили на балконъ, онъ обратился къ женѣ:

— Прятаться нечего, Надежда. Очень пріятно жить весной, но... ты понимаешь, однимъ словомъ. Такъ вотъ. — Онъ перевелъ дыханіе. — Ты любила меня очень. Очень.

— Вспомни, — ея голосъ дрогнулъ.

— Да, я тебя много мучилъ. Это несомнѣнно. Простишь ли ты меня?

— Ахъ, не говори ты такъ! Не надо! Богъ съ тобой, въ чемъ мнѣ тебя прощать.

Надежда Васильевна стучала рукой по периламъ, ея сѣдоватые волосы вздрагивали подъ наколкой.

— Можетъ быть, и простишь, — говорилъ Павелъ Антонычъ, такъ же тихо и медленно. — Но сейчасъ о другомъ идетъ рѣчь.

Онъ вздохнулъ, поправился, закурилъ.

— Ты знаешь, есть женщина, которую я любилъ.

— Знаю.

— У меня есть дочь, ты тоже знаешь.

— Знаю.

— Вотъ. И вы — т.-е. ты и Анна Петровна — всегда ненавидѣли другъ друга.

— Я слушаю. Слушаю, буду слушать все, что ты ни скажешь еще.

Надежда Васильевна держалась за перила крѣпко, стиснувъ пальцы.

— Такъ какъ я скоро умру, я прошу у тебя еще милости. Жертвы, что ли. И отъ нея также. Вотъ, я написалъ ей.

Онъ показалъ конвертъ.

— Послѣ меня вамъ нечего будетъ дѣлить. Много мы страдали и при жизни. Неужели и тогда вы будете ненавидѣть другъ друга?

— Чего же ты хочешь?

— Надежда, примиренія. И прощенья. Чтобы я покойно умеръ.

Надежда Васильевна не сразу отвѣтила.

— Мы должны упасть другъ другу въ объятья? — Голосъ ея былъ глухъ и сдавленъ.

— Нѣтъ. Отпустите взаимно, и мнѣ. Чтобъ она не проклинала этого дома, а ты... дочь не оттолкнула бы.

Надежда Васильевна молчала.

— Дочь? — Твоя дочь могла быть только моей. Другихъ твоихъ дочерей нѣтъ.

— Надежда, — лицо Павла Антоныча покрылось блѣдностью. — Я очень предъ тобою виноватъ, очень. Но... сдѣлай такъ. Ради Бога.

Она стояла какъ каменная. Что то вспыхивало въ ея глазахъ, точно отблески. Но она владѣла собой.

— Павелъ Антонычъ, я боюсь, что тебѣ надуетъ.

И она закрыла балконную дверь. Выходя изъ комнаты — прибавила:

— Объ этомъ мы не будемъ больше говорить.

Тогда Павелъ Антонычъ замолчалъ. Сначала онъ лежалъ неподвижно, потомъ заплакалъ — ѣдкими старческими слезами. Теперь ему казалось, что ужъ подлинно онъ одинъ, смертельно одинъ въ этомъ сіяющемъ весеннемъ мірѣ. Захотѣлось быть ребенкомъ, чтобы мать взяла на руки, ласкала беззаботно. Но за нимъ стояла жизнь, — теперь прожитая, такъ ужасно неудавшаяся. Что надѣлалъ онъ въ ней? Двухъ женщинъ измучилъ, да и самъ...

Надежда Васильевна вошла снова. Она была уже другою, — старымъ другомъ, врачомъ, сидѣлкой. Но на Павла Антоныча этотъ разговоръ произвелъ длительное и тяжелое впечатлѣніе. Жену онъ зналъ, если въ такую минуту ей нечего было сказать, значитъ, вражда сидѣла крѣпко.

„Покоряюсь,“ рѣшилъ онъ: „были ошибки, грѣхъ; теперь это давитъ; я не увижу ни Анны Петровны, ни Наташи. Покоряюсь.“

Вспоминалъ онъ также о своемъ законномъ сынѣ, Андреѣ. Онъ былъ студентомъ, въ южномъ университетѣ.

Павлу Антонычу хотѣлось повидать его.

— Отчего ты не напишешь Андрюшѣ? Пусть бы пріѣхалъ.

— У него экзамены, зачѣмъ его тревожить. Онъ подумаетъ Богъ знаетъ что.

„Да вѣдь я все-таки умру?“ хотѣлъ сказать Павелъ Антонычъ, но не сказалъ, только вздохнулъ.

— Впрочемъ, если хочешь, я могу написать.

Павлу Антонычу стало особенно плохо въ серединѣ мая; какъ ни выставляли его въ садикъ, какъ онъ ни старался набирать въ себя весны, — дышать было все труднѣе. По ночамъ онъ не спалъ, заливаемый водянкой, и жена въ эти одинокія ночи до изнеможенія растирала ему грудь, спину. Наконецъ, ему сдѣлали горячую воздушную ванну. Это было такъ мучительно, что Павелъ Антонычъ собиралъ всѣ силы, чтобы не кричать. Когда ушли доктора, онъ отвернулся и, стараясь скрыть отъ жены слезы, простоналъ:

— Зачѣмъ они меня мучаютъ?

Это утро онъ страдалъ жестоко. Какъ никогда терзала его исторія его любви, томила смерть. Едва говоря, онъ попросилъ нарвать сирени. Сирень была свѣжая, блѣдно-фіолетовая, съ капельками росы. Вдыхая ея запахъ, онъ

слабыми пальцами трогалъ цвѣты. И улыбнулся горько, вспомнивъ, что никогда не могъ найти въ сирени пяти лепестковъ — счастья. Потомъ, закрывъ глаза, сталъ думать о Богѣ. Въ это время онъ забылъ о своей жизни, товарищахъ, врагахъ; ему казалось, Богъ есть, и эта сирень, и вообще прекрасные цвѣты, прекрасная любовь суть именно свидѣтельства и проявленія Бога. Вспомнивъ же о женщинахъ, которыхъ любилъ, онъ подумалъ, что, быть можетъ, самой дивной, неземной любви, о которой мечталъ въ юности, онъ не зналъ вовсе. Тогда онъ снова взялъ сирень, поцѣловалъ ее, и мысленно просилъ Бога, чтобы онъ скорѣе избавилъ его отъ этой несчастной, страдальческой жизни.

Вечеромъ написалъ сыну. Въ этомъ письмѣ было такое мѣсто: „повидать тебя, Андрей, мнѣ бы хотѣлось. Мы давно не видались. Можетъ быть, ты забылъ меня, но я тебя помню. Ты мнѣ сынъ, ты былъ ребенкомъ, черноголовымъ мальчикомъ, въ то время, когда мнѣ жилось легче, чѣмъ сейчасъ. Теперь же, кромѣ тяжелой болѣзни, которая неотвратима, я изнемогаю отъ ошибокъ моей жизни. Дѣло въ томъ, что кромѣ твоей матери я до послѣдняго времени былъ близокъ съ другой женщиной, Анной Петровной Горяиновой, отъ которой у меня есть дочь Наташа. Надежда Васильевна знаетъ объ этомъ. Мнѣ такъ трудно сейчасъ потому, что она не помирилась, — видимо и не помирится съ Анной Петровной, на что имѣетъ, конечно, вѣскія основанія. И вообще вся вина здѣсь на мнѣ. Можешь и ты прибавить свое порицаніе; но ты еще молодъ. Желаю тебѣ ясной и свѣтлой жизни; помни, другъ мой, что величайшее счастье, какъ и величайшее горе человѣка есть любовь, и постарайся создать себѣ жизнь достойнѣе отцовской. — Меня же, если можешь, пожалѣй; если на каплю любишь — помоги: не отталкивай послѣ моей смерти Анну, поддержи Наташу — все же она тебѣ сестра.“

Послѣ этого письма Павелъ Антонычъ усталъ страшно; всю ночь онъ провелъ безъ сна, задыхаясь, и широкими отъ тоски глазами глядѣлъ на пламя свѣчи. Надежда Васильевна отхаживала его; онъ молчалъ, вздыхалъ, часто прикладывалъ къ сердцу руку. Такъ прошелъ слѣдующій день, ночь, и еще день. На третью ночь припадки усилились.

— Надежда, — шепнулъ онъ, около двухъ часовъ: — умираю.

Она обняла его сзади, сжала, точно не хотѣла выпускать.

— Жена моя, Надежда, вѣрная жена, — не удержишь. А все таки — держи.

Потомъ онъ сталъ дышать чаще, лицо его исказилось. Надежда Васильевна едва сдерживалась. — Тихо сидѣла въ сосѣдней комнатѣ сидѣлка. Павелъ Антонычъ вдругъ произнесъ, въ небольшой перерывъ между муками:

Te spectem suprema mihi cum venerit hora.
Te teneam moriens, deficiente manu.

И поцѣловалъ ей руку. Надежда Васильевна не поняла, но почувствовала эти слова.

Тогда тихо, едва говоря, онъ произнесъ:

— Прости, Надежда. Надежда, прости.

Надежда Васильевна знала, о чемъ онъ говоритъ. Она заплакала, припала къ его щекѣ, и сердце ея разорвалось, когда она увидѣла эти большіе, нѣсколько суровые, давно любимые и измученные глаза. Вѣроятно, онъ прочелъ что то въ ея лицѣ. Онъ качнулъ головой, молча, и произнесъ:

— Такъ.

Утромъ онъ умеръ.

Его хоронили въ четвергъ, при слабомъ погребальномъ звонѣ въ монастырѣ. Надежда Васильевна съ Андреемъ, пріѣхавшимъ утромъ, присутствовали на службѣ. Нѣж-

ный вечеръ дѣлалъ небо хрустальнымъ; въ церковь вѣяло свѣтомъ, долетала жизнь. Глядя на отца, лежавшаго на возвышеніи, надъ которымъ кадилъ дьяконъ, Андрей вспомнилъ его крѣпкимъ и живымъ человѣкомъ. Вспомнилъ о письмѣ, полученномъ на-дняхъ, и теперь понималъ, почему и раньше отецъ страдалъ припадками унынія. Почему рано посѣдѣла мать, и въ домѣ было какое-то напряженіе.

Подошла пора прощанья — мать долго не могла оторваться. Андрей закрылъ глаза. Когда онъ взглянулъ снова, у гроба стояла высокая дама, въ траурѣ, и прикладывалась къ рукѣ. Она была такъ слаба, что едва держалась на ногахъ. „Горяинова,“ шепнулъ кто-то. Андрей похолодѣлъ. Вотъ она, его любовь! Любовь отца, горе матери. Андрей сталъ вглядываться. „Чѣмъ покорила она его?“ Горяинова была обыкновенной дамой, какихъ тысячи. „Да, у нея есть дочь, моя сестра. Моя сестра! И онѣ не могли быть при его концѣ.“

Когда служеніе кончилось, онъ при выходѣ поддерживалъ мать подъ руку. Гробъ несли впереди. Медленно двигался кортежъ, среди бѣлыхъ памятниковъ; хоронили на новомъ монастырскомъ кладбищѣ, только что открытомъ. Подъ него взяли лугъ, и сейчасъ на немъ было еще много цвѣтовъ, только въ дальнемъ углу возвышались двѣ могилки. Павелъ Антонычъ легъ третьимъ. Звенѣли кадила, ладанъ синѣлъ; золотой вечеръ наклонялся; на горизонтѣ катился бѣлый дымокъ — поѣздъ, прощально голубѣли холмы. Когда гробъ опускали, Надежда Васильевна упала. Андрей поддержалъ ее. „Мама, мама!“ Изо-всѣхъ силъ онъ сдерживалъ себя. Но когда ушли чужіе, долго рыдалъ онъ съ матерью надъ отцомъ.

Прошла недѣля. Былъ вечеръ. Андрей ходилъ въ маленькомъ садикѣ, по дорожкѣ, среди тополей; въ дальнемъ углу онъ сорвалъ сирени. На балконѣ готовили чай; Надежда Васильевна, блѣдная, молча, сидѣла въ

креслѣ; въ монастырѣ, гдѣ лежалъ отецъ, звонили; розовые турмана кружили въ небѣ.

— Мама, — сказалъ Андрей, не совсѣмъ твердымъ голосомъ: — намъ съ вами надо еще поговорить. Объ одномъ важномъ дѣлѣ.

— Что такое?

Андрей вышелъ, вернулся съ письмомъ отца.

— Вотъ... Мама, простите, если я потревожу ваше сердце, но... мнѣ кажется... надо же.

Запинаясь, онъ объяснилъ, что не можетъ обойти предсмертнаго желанія отца — чтобы близкіе ему люди не были брошены.

Надежда Васильевна читала. Лицо ея было такъ же покойно, ничего не измѣнилось въ немъ, когда она кончила.

— Бѣдный Павелъ Антонычъ!

Нѣсколько времени они молчали.

— Какъ же вы скажете, мама?

Онъ спросилъ робко, чувствуя въ груди тяжесть. —Какъ быть?

— Это старинная исторія. Но теперь все кончилось. Я не имѣю ничего противъ той женщины.

Она помолчала снова.

— Послѣ Павла Антоныча осталось кое-что. Мнѣ нужно немного. Если она нуждается, я могу ей помочь. Все это долженъ сдѣлать ты. Т.-е. найти ее, передать ей это. Вотъ и все.

Она вздохнула. Андрей поцѣловалъ ей руку.

— Благодарю васъ, мама, вы очень добры.

— Скажи ей, — прибавила она: — что я на нее не имѣю сердца. Но — она слегка нахмурилась: — видѣть ее не желаю.

Больше они не говорили. Надежда Васильевна пила чай, смотрѣла на облака, розовѣвшія въ зарѣ.

Когда убрали самоваръ, она улыбнулась далекой, ясной улыбкой.

— Женишься, Андрюша, узнаешь все это.

Въ одиннадцать она ушла. Андрей ходилъ по дорожкамъ, гдѣ цвѣла сирень, таились тополя. Горѣли звѣзды, синяя глубина неба манила; глядя въ нее, Андрей думалъ о печаляхъ жизни, темныхъ жребіяхъ страданія, выпадающихъ людямъ. „Женишься, Андрюша, узнаешь!“ Неужели черезъ муку, униженія, неправду долженъ пройти и онъ, Андрей, полный любви къ Зинѣ? При мысли о ней у него защемило сердце; лежа на скамьѣ, глядя въ небо, онъ ощущалъ любовь какъ безконечность, такую же, что свѣтилась надъ нимъ. Онъ бродилъ до разсвѣта, когда тонко запѣлъ пѣтухъ.

По отъѣздѣ Андрея жизнь Надежды Васильевны стала еще замкнутѣй. Изъ дому она выходила вечерами, на могилу мужа. Шла монастыремъ, среди золотыхъ главъ, старинныхъ помѣщеній съ келіями, памятниковъ; вотъ мраморная урна, бѣлая часовенка александровскаго времени; на могилѣ генерала 12-го года два бронзовыхъ зеленыхъ рыцаря; все это она не разъ уже видѣла. Наконецъ, новое кладбище. Перейдя по дорожкѣ налѣво, она садилась на скамейку у рѣшотки. На крестѣ сіяла лампадка, свѣжіе цвѣты лежали на холмикѣ. Просиживая здѣсь подолгу, молясь, она ощущала умершаго не совсѣмъ такимъ, какой онъ былъ въ жизни; временное, будничное уходило. Въ воспоминаніи его образъ былъ чище и возвышеннѣй.

Разъ вечеромъ, въ іюлѣ, она сидѣла, какъ всегда, у могилы. Солнце закатывалось. Свѣтло, золотисто было въ небѣ. Пахло сѣномъ. Поднявъ голову, Надежда Васильевна вдругъ увидѣла дѣвочку, лѣтъ четырнадцати; въ рукахъ у ней были цвѣты.

— Простите, я помѣшала.

Она двинулась, чтобы уйти.

Надежда Васильевна слегка вздрогнула. Что то знакомое, милое было въ ея глазахъ.

— Постойте, куда вы?

Дѣвочка остановилась. Надежда Васильевна вглядывалась въ нее. Она потупилась.

— Вы мнѣ не мѣшаете. Подите сюда. Я вижу у васъ цвѣты. Вы, вѣроятно, принесли ихъ на могилу?

— Да, — отвѣтила дѣвочка. — На могилу дяди Павла.

Надежда Васильевна вздохнула.

— Ахъ, вотъ какъ!

Дѣвочка сконфузилась. Въ нерѣшительности она медлила.

— Васъ зовутъ Наташей?

— Да.

— Пойдите сюда, Наташа. Познакомимся. Дядя Павелъ былъ моимъ мужемъ.

Наташа охнула, выронила цвѣты.

— Если вы принесли цвѣтовъ, значитъ, хорошо относились къ дядѣ. Тогда вы мнѣ другъ.

Робѣя, Наташа подошла. Надежда Васильевна обняла ее и поцѣловала.

— Поднимите свои цвѣты, положите ихъ на могилу. Ему будетъ это пріятно. — Дядя Павелъ, — прибавила она, — при жизни видѣлъ слишкомъ много горя.

Наташа отложила цвѣты и сѣла рядомъ. Она молчала, въ глазахъ ея что то вздрагивало. Надежда Васильевна гладила ее по головѣ. Начинало смеркаться; небо стало выше, чище — появились звѣзды.

— Пожалуйте, — подошла монахиня, кланяясь. — Сейчасъ будемъ запирать.

Отъ росы, прохлады, сѣно пахло прянѣй. Кое-гдѣ краснѣли на могилахъ лампадки. Надежда Васильевна шла подъ руку съ Наташей. У выхода она обняла ее.

— Поцѣлуйте свою маму крѣпко, и скажите, что я очень прошу ее къ себѣ. Если она позволитъ, я зайду къ ней тоже.

Возвращаясь домой, Надежда Васильевна чувствовала, что теперь кончилось все. Она простила до глубины сердца. „Теперь, Павелъ Антонычъ, я исполнила, что ты хотѣлъ.“ Послѣднія узы — земли, жизни — падали. Захотѣлось написать сыну, но она устала и легла спать. Во снѣ видѣла Павла Антоныча. Онъ былъ ясенъ, говорилъ ей что-то, но что именно, она не могла понять.

Надежда Васильевна не увидѣла ни сына, ни Горяиновой. Черезъ недѣлю она умерла.

ЖЕМЧУГЪ

Весеннимъ вечеромъ при лунѣ, я позвонила въ дальнемъ переулкѣ у подъѣзда. Было девять. Въ передней стоялъ знакомый нюренбергскій фонарь, въ мастерской Павла Асинкритыча лунный свѣтъ легъ сіяніемъ на полъ, на холсты, этюды.

— А, Надишь!

Павелъ Асинкритычъ потрепалъ меня по рукѣ, погладилъ бороду, — сѣдую, давно извѣстную мнѣ бороду.

— Къ чаю просимъ, къ чаю просимъ. Катенька, это Надишь.

Мы цѣловались съ Катериной Евграфовной, проходя въ столовую. Это собственно и не столовая — какъ и все здѣсь особенное. Можетъ быть, тутъ домъ, можетъ, музей. Старье, рѣзная мебель, холстины, керамика. По стѣнамъ скамьи. Былъ уже народъ. Всѣхъ здѣсь я знаю, нѣкоторыхъ люблю. Больше художники, актрисы изъ молодыхъ.

Катерина Евграфовна распоряжалась полемъ дѣйствія. У ней на этотъ счетъ свой взглядъ. Нельзя, если пришедшій сидитъ одинъ слишкомъ долго. Или двое заговорились. Это разстраиваетъ гармонію. А гармонія, по ея мнѣнію, самое важное.

— Что подѣлывали, ангелъ? — говорилъ Павелъ Асинкритычъ. — Вы мнѣ хотя въ дочки годитесь, все же я васъ люблю и какъ женщину.

Онъ фыркалъ.

— Я въ размягченномъ состояніи. Теперь весна, я грущу, — „и мнѣ чего то жаль“. Это, вѣрно, потому, что я старѣю, Павелъ Асинкритычъ.

— Вздоръ-съ, милая. Пустяки болтаете. Старѣть человѣкъ начинаетъ съ шестидесяти. Вотъ я, напримѣръ, хо-хо... развѣ я старъ? хо-хо...

Хорошо, что насъ не видала Катерина Евграфовна. Она навела бы порядки. Ибо мы сидѣли въ мастерской и разговаривали одни. Мѣсяцъ заливалъ нашъ диванъ.

На мнѣ было черное платье и старая нить жемчуга, любимая мной, съ крестомъ венеціанской работы. Здѣсь подъ луной мой жемчугъ млѣлъ и таинственно игралъ голубоватыми лучами; точно мечтательно журчалъ о далекомъ, далекомъ, — миломъ.

— Вотъ, вы видите, до чего я разслаблена, я гляжу на свой жемчугъ, и мнѣ хочется ласкать его и пошептаться съ нимъ. Это сантиментально? Но онъ съ моей родины, изъ Италіи, и онъ видѣлъ много чудеснаго.

— То то все брехня. Жемчуги не разговариваютъ. Э-хъ, не втирать намъ очковъ, хорошенькая вы бабочка, что тамъ...

— Мнѣ тридцать два.

— Надишь, Павленька, что-жъ вы? А тортъ? Ай-ай — она обняла меня — ай, нехорошо!

Въ столовой разговоръ гремѣлъ. Спорили о художникѣ С. Мой другъ Р. говорилъ:

— По-чешски художникъ называется „умѣлецъ“. Ну, скажите на милость, развѣ жъ онъ умѣлецъ? Хорошо, допускаемъ тонъ, но форму его признать, форму! „Великій артистъ!“ Когда онъ пальца нарисовать не умѣетъ. Нѣтъ, простите... Ну, колористъ, туда сюда...

— Онъ варваръ. И отлично. Ему вашихъ рисунковъ не надо. Отправьте въ Строгановское, тамъ научатъ съ гипса рисовать, да что толку...

Изъ прихожей вышелъ человѣкъ — высокій, черный, со странной морщиной поперекъ лба. Я взглянула на него. Это былъ Александръ Андреичъ.

Крѣпкой рукой жалъ онъ руку Павлу Асинкритычу. На пальцѣ блеснулъ брилліантъ. Красный цвѣтокъ въ петлицѣ.

— Давно въ наши земли?

— Только-что. Къ вамъ первымъ.

Онъ улыбался. Улыбка не шла къ его лицу — тяжелому, странному. Маленькіе глаза были тверды. Мнѣ показалось, онъ сталъ рѣзче, мрачнѣй и задумчивѣй.

Подалъ руку и мнѣ. Опять несвѣтящая улыбка прошла по немъ.

— Все попрежнему. Надежда Николавна здѣсь, и даже въ прежнемъ платьѣ. Даже жемчугъ тотъ же.

Мнѣ стало непріятно. Зачѣмъ ему мой жемчугъ?

Я вспыхнула:

— И вы тотъ же. Тѣ же брилліанты на рукахъ. Разница въ томъ, что мой жемчугъ прекрасенъ, а носить брилліанты на пальцахъ мужчинамъ — нехорошо.

— Почему?

— Дурной тонъ.

— Вотъ какъ!

Онъ поглядѣлъ, задумался, покачалъ головой. — Вотъ какъ, — онъ сталъ болтать ложечкой въ стаканѣ.

Что могу я сказать объ этомъ человѣкѣ? Боже мой, мнѣ ли его не знать? Восемь лѣтъ назадъ онъ подарилъ мнѣ этотъ жемчугъ, весною, въ Венеціи. Восемь лѣтъ назадъ мы любили другъ друга бурно, мучительно любили, бывали счастливы — до гибели, и были въ общемъ очень несчастны. Наша любовь продолжалась годъ. Мы жили вмѣстѣ, и за этотъ годъ я узнала его всего снаружи, но не скажу, знала ли вообще.

Онъ былъ тяжекъ. Мрачная душа жила въ немъ. Надъ нашей любовью было неблагополучіе. Мы тервали другъ

друга, страдали, потомъ разошлись. Иногда встрѣчались въ обществѣ, всегда чужіе. И онъ и я любили еще, другихъ; мы забыли другъ о другѣ. Даже могу сказать, что къ нему я теперь относилась недружелюбно. Передавали мнѣ, что и онъ меня не любитъ.

— Дайте пожалуйста вина, — обратился онъ къ Павлу Асинкритычу. — Кажется, вѣдь у васъ ужина не полагается? A la fourchette?

Павелъ Асинкритычъ хлопнулъ его по спинѣ.

— Виноватъ-съ, виноватъ. Катенька, вина!

— Вамъ краснаго? Бѣлаго?

— Бѣлаго.

Я опять раздражилась.

— Есть два сорта людей. — Одни пьютъ красное вино, любятъ Италію, и вообще они хорошіе люди. Другіе — бѣлое...

— Ну?

— Тѣ гораздо хуже.

Павелъ Асинкритычъ подошелъ ко мнѣ.

— Надишь, не дерзи. Нехорошо, мой ангелъ. Онъ вовсе и не такъ плохъ, а?

Я не отвѣтила. Мнѣ стало скучно и противно.

— Нѣтъ, вы насчетъ бѣлаго неправы, — вмѣшался Р. — Дѣло не въ цвѣтѣ. Дѣло въ томъ, въ какой странѣ что растетъ. По вину вы узнаете край. Долженъ вамъ сказать, нашъ край не изъ важныхъ.

Александръ Андреичъ пилъ вино. Я молчала. Кругомъ говорили, Р. пилъ также и быстро вступилъ въ споръ. Я сѣла въ уголъ и глядѣла въ мастерскую. Тамъ, какъ прежде, плылъ голубой лунный свѣтъ; онъ казался мнѣ магическимъ и сладкимъ. Въ комнатѣ за столовой молодая артистка запѣла. Ей аккомпанировали томно, ея густой, высокій голосъ опьянялъ меня. „Что это, я совсѣмъ полоумная.“ Горячая струя, сладостная и смертоносная, пронзала меня.

— Нѣтъ, не могу!

Я встала, вышла къ столу. Я была блѣдна. Всѣ сидѣли молча, тоже завороженные. Пѣвица кончила. Молчаніе. Потомъ вздохнули. Вздохъ былъ общій — тотъ, когда *прекрасное* является, побѣждаетъ.

Я взглянула на Александра Андреича. Онъ смотрѣлъ также на меня, непонятнымъ, упорнымъ взглядомъ.

Я обняла Катерину Евграфовну и простилась.

— Душенька, — кричалъ Павелъ Асинкритычъ, — куда жъ рано такъ?

— Никуда. Устала, не выдержу. Никуда.

У подъѣзда стоялъ автомобиль. „Это его," подумала я. Я не знала, что у него есть автомобиль, но могла бы держать пари.

Было тепло. Луна сіяла такъ нѣжно! Мнѣ захотѣлось слезъ, какихъ то дивныхъ фіалокъ, много фіалокъ, уткнуть въ нихъ лицо и плакать, плакать... О чемъ собственно? Я не знала.

Я шла по свѣтлой сторонѣ переулка, разстегнувъ манто. Снова мой жемчугъ искрился; теперь, маленькія, серебряныя, въ немъ бродили какъ бы слезки. Черезъ пять минутъ я услыхала ровный, легкій шорохъ; оглянулась, — два золотые глаза неслись беззвучно.

Въ двухъ шагахъ машина остановилась.

— Надежда Николавна!

Это онъ. Что же, все возможно, все такъ странно нынче.

— Сядьте ко мнѣ. Мы поѣдемъ. Ну, я очень прошу васъ.

Я сѣла. Мы тронулись. Да, автомобиль вещь особенная. Въ немъ летишь птицей, въ немъ нѣтъ вѣса, и когда мы неслись по пустыннымъ улицамъ, подъ пустынно-ласковымъ небомъ, духъ у меня захватывало. Почему то вспомнилось, какъ въ міровомъ пространствѣ мчится беззвучно комета, сіяя и сгорая, изъ одной неизвѣстной бездны въ другую.

Александръ Андреичъ былъ тихъ. Онъ долго смотрѣлъ на меня:

— Вы меня ненавидѣли тамъ... у стариковъ. За что?

— Я не знаю. За что то — да. Зачѣмъ вы попрекнули мой жемчугъ?

Онъ улыбнулся.

— Бѣдный жемчугъ, бѣдный жемчугъ!

Я опять взволновалась.

— Я знаю, вы хотѣли уколоть нашу любовь. Вамъ мало, что прошло все, вы хотѣли... — я задохнулась отъ гнѣва — хотѣли посмѣяться надъ ней.

Онъ сталъ серьезенъ.

— Посмѣяться? Ахъ, нѣтъ, Надя, вы не поняли.

— Я для васъ не Надя, запомните это, не Надя...

Онъ взялъ меня за руки.

— Бѣлыя руки, бѣлыя руки! Не гнѣвайтесь на меня. Я вижу какъ трепещутъ ваши жилки. Но вѣдь вы божественны. Какъ можетъ быть въ гнѣвѣ богиня?

Я опустилась, умолкла какъ то. Раздраженіе, тоска, все во мнѣ замерло, я сидѣла поникнувъ, а шоферъ мчалъ насъ изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ переулокъ. Около зданія съ бѣлыми шарами мы остановились. Я опомнилась. Это ресторанъ. Вотъ она, міровая бездна, куда мы летѣли! Я немного сконфузилась. Но поздно, и неловко было говорить. Блисталъ зеркалами входъ; какъ опытная женщина, я знала, что надо подойти къ зеркалу, поправить прическу. Александръ Андреичъ взялъ меня подъ руку. По красному ковру мы поднялись въ вестибюль, въ цвѣтахъ. Румыны ударили смычками, многоголосый гулъ ресторана, толпа, золото свѣта — все било по нервамъ. На минуту я забылась. Я чувствовала себя актрисой при поднятіи занавѣса. И должна сознаться, что первая минута въ ресторанѣ всегда такая. Все-таки это сцена. Полъ-города знаетъ Александра Андреича, треть — меня, четверть — нашу прежнюю жизнь.

Все было занято. Мы прошли черезъ весь залъ и едва нашли столъ. Нѣсколько разъ, въ огнѣ взглядовъ, среди обертывавшихся, слышала я имя Александра Андреича. Разъ — свое. Но волна схлынула, снова я поняла, что дѣлаю что то нелѣпое, дикое. Да ужъ разъ начато...

Александръ Андреичъ заказалъ устрицъ, мнѣ котлетку марешаль. Почему онъ вспомнилъ, что я люблю котлеты марешаль? Пили мы шампанское. Александръ Андреичъ молчалъ. Странную власть имѣлъ надо мной въ этотъ вечеръ этотъ человѣкъ! Ну зачѣмъ я здѣсь, что надо мнѣ, что ему? Мы не можемъ любить другъ друга, — что за тайная сила свела насъ, про себя жившихъ свои жизни, про себя страдавшихъ?

— Я не хотѣлъ посмѣяться надъ жемчугомъ, — прошепталъ онъ. — Нѣтъ, не хотѣлъ посмѣяться.

Онъ сидѣлъ передо мной огромный, черный, неподвижный. „Онъ похожъ на Елеазара,“ подумала я, холодѣя. „На Елеазара, увидѣвшаго разъ смерть, и не могущаго забыть.“

— Я сказалъ вамъ... потому что... Когда я увидѣлъ вашъ жемчугъ, то чуть не закричалъ. Чтобы скрыть это, только чтобы скрыть, я сказалъ... дерзко.

— Да вѣдь мы не любимъ же другъ друга?

— Да, конечно.

Я взяла въ руку жемчугъ. Онъ горѣлъ теперь, въ блескѣ золотого свѣта ядовито, колдовски.

— Можетъ быть, здѣсь скопилась вся прелесть, мука, восторгъ нашей любви. Можетъ, это таинственный амулетъ, нерасторжимо связавшій насъ.

— Можетъ быть. Да. Я вамъ не договорилъ. Когда я его увидѣлъ, я вспомнилъ то, что было восемь лѣтъ. Почему это вспомнилось нынче? Сколько разъ мы встрѣчались, здоровались — все было — не то...

Онъ подпиралъ рукой голову. Въ рукѣ держалъ бокалъ, гдѣ весело, легко взбѣгали пузырки, — божественно чистые.

Снова онъ сталъ другимъ. Теперь казался печальной, прекрасной глыбой — такимъ онъ бывалъ въ лучшія минуты. Теперь глаза его свѣтили.

— Рожденіе божества, — онъ глядѣлъ на бокалъ, — такъ же легко и безсмертно, какъ бѣгъ этихъ пузырьковъ. Божество есть въ васъ, въ вашихъ бѣлыхъ рукахъ, въ вашемъ жемчугѣ. Да. Оно было въ нашей любви. Оно было, Надя, вы не станете отрицать.

Въ первый разъ я назвала его „Александръ".

— Да, — было. Несмотря на все, было.

Мы чокнулись.

— Кто виновенъ въ томъ, что мы не были счастливы, и разстались? — Онъ выпилъ глотокъ. — Никто. Такъ было положено. Но сейчасъ я долженъ сказать вамъ, помните, какъ у Тургенева: „только у вашихъ ногъ могъ я дышать."

— Это изъ „Дыма".

— Все, что потомъ было, я вспоминаю какъ ничто.

— Поѣдемте, — я поднялась — не могу здѣсь больше сидѣть.

Я знаю себя. Я знала, что въ груди, въ горлѣ у меня поднимается теплота, начинаетъ щекотать, вдругъ здѣсь, на народѣ, въ бѣлой съ золотомъ залѣ, я разревусь — а ужъ я знаю, какъ я реву!

Онъ поддерживалъ меня, мы вышли. У подъѣзда онъ купилъ фіалокъ. Было довольно поздно. Моя луна — въ тотъ вечеръ мнѣ казалось, что луна моя, — луна зашла. Небо посвѣтлѣло; чище, невиннѣй мерцали звѣзды на блѣдно-синемъ родномъ лонѣ.

— Ну, ѣдемъ, — бормотала я. — Ѣдемъ, только скорѣй, ради Бога.

Мы летѣли. Это было похоже на сновидѣніе. Мы молчали. Кажется, мы знали теперь другъ друга до конца. Я уткнула носъ въ фіалки (какъ онъ угадалъ?), и сидѣла оцѣпенѣвъ, а воздушный конь, какъ въ сказкѣ, носилъ насъ въ тихомъ безуміи по улицамъ, изъ конца въ конецъ.

— Шибче, — шептала я по временамъ. — Шибче.

Такъ длилось съ часъ. Александръ Андреичъ взялъ мою руку, но она была холодная — какъ сейчасъ помню ее: бѣлая мертвая рука въ мглѣ зари.

Наконецъ, я разразилась. Я плакала молча, долго, негромко и горько. Александръ цѣловалъ мою руку, но мы ничего не могли сказать другъ другу. Мы знали, что любовь наша прошла, что ничѣмъ нельзя вернуть ее, какъ не остановить хода этихъ блѣдныхъ звѣздъ. Что оплакиваемъ мы нашу жизнь, — почему то незадачливую жизнь, перегнувшуюся теперь къ закату. Что ушло безсмертное, ушло.

Около памятника у бульвара я велѣла остановиться. Я слѣзла. Прошла нѣсколько шаговъ по бульвару и сѣла. Вѣтерокъ пробѣжалъ въ липѣ, надъ моей скамейкой. Александръ Андреичъ дошелъ до половины пути ко мнѣ и остановился. Потомъ снялъ шляпу, постоялъ. Хотѣлъ онъ сказать что-нибудь? Не знаю. Вдругъ поклонился и ушелъ. Метнулся его автомобиль, и какъ призрачно была принесена я сюда, въ чьемъ то полетѣ, — такъ же исчезъ онъ, фантомомъ, на своей безшумной машинѣ. На поворотѣ чудовище взвыло, блеснулъ золотой глазъ. Все сгинуло.

Я же сидѣла и плакала — тихими слезами. Я сняла съ шеи жемчугъ, цѣловала каждую жемчужину. Теплыя, розоватыя пятна проступили въ нихъ. Блѣдное сіянье звѣздъ, небесныхъ дѣвъ, гаснущихъ въ зарѣ, отразилось въ немъ такъ же. Я вѣрила, что, правда, этотъ жемчугъ — самое святое, дивное, что осталось отъ моей жизни, моей любви.

Мои слезы капали на ожерелье.

МОЙ ВЕЧЕРЪ

— Боже мой, когда же все это кончится? — Я сѣла у окна, въ своей комнатѣ, и смотрѣла тупо на позлащенный луною узоръ инея. Въ немъ играли, блестя, огоньки.

— Ну, жизнь! Какъ нарочно все складывалось противъ меня. Даже сегодняшняя ссора съ Олей. Я знаю ея характеръ, ей хотѣлось пойти въ синематографъ, я не позволила; она стала ворчать. Тогда я сказала ей рѣзкость, и она обидѣлась. Завтра весь день будетъ дуться. Таня не хочетъ на праздникъ готовиться по-нѣмецки, между тѣмъ, она ничего не знаетъ; даже не умѣетъ проспрягать вспомогательнаго глагола.

Впрочемъ, это, конечно, мелочи. Есть вещи хуже. Гдѣ сейчасъ, напримѣръ, Андрей? Съ нимъ въ дурныхъ отношеніяхъ мы уже недѣлю. Что — недѣлю! Мы устали, измотались, раздражаемъ другъ друга постоянно.

— Сѣсть бы въ вагонъ, чтобы Андрюша былъ добрый, сѣсть и махнуть въ Ниццу, въ экспрессѣ, понюхать цвѣтовъ, море поглядѣть, а весной пожить въ Тосканѣ...

Я улыбнулась, поняла, какъ я глупа. Гдѣ же будутъ Таня, Оля? Какъ Андрею уѣхать? Нѣтъ, это далеко. Я встала съ кресла, въ полумглѣ, медленно прошлась вальсомъ. Въ зеркальномъ шкафу блѣдно проплыло что то — это мое отраженіе. Я приблизилась. Ничего себѣ; волосы устроены неважно, платье болѣе чѣмъ домашнее. Если бы меня подобрать, пріодѣть, я могла бы сойти кой за что. „Для кого?“ — я вспомнила Андрея.

„Стоитъ ли?“ Но мнѣ хотѣлось танцовать что то пронзительное, тургеневское, старый вальсъ, и, танцуя, заплакать.

Въ этомъ странномъ настроеніи застала меня Маруся. Она явилась неожиданно, въ декольтэ, вся въ духахъ, и кинулась меня цѣловать.

— Ты откуда это?

Я была немного удивлена, но Марусю я люблю за красоту и ласковый нравъ и была рада ея приходу.

— Ангелъ, милая, ѣдемъ!

— Да куда?

— Въ собраніе.

— Ну?

— На балъ.

Маруся хохотала, визжала, бросалась на колѣни. По ея глазамъ я догадалась, что она влюблена. Дѣло просто: на балу будетъ „онъ“, а одной ѣхать неудобно. Я ужъ знаю, что меня зовутъ, когда надо устраивать чьи-нибудь чужія дѣла.

— Слушай, — спросила я, — ты знаешь ланнеровскіе вальсы?

— Ланнеровскіе? — Маруся захохотала. — Да это старье какое то, кажется, совсѣмъ не интересно.

— Ну, нѣтъ, если будетъ ланнеровскій вальсъ, я поѣду, а то нѣтъ.

— Будетъ, будетъ, милая моя, золотая, серебряная. — Маруся ловко вытянулась въ длину по ковру и стала цѣловать мнѣ руки. — Хорошая, любимая, будутъ какіе хочешь, только ѣдемъ.

Я поколебалась немного и вдругъ рѣшила. Ѣдемъ. Я давно уже не выѣзжала. Семейныя дѣла, огорченія, холодность Андрея парализовали меня. Между тѣмъ, дѣвушкой я любила танцы; даже съ Андреемъ познакомилась на весеннемъ балу у предводителя. И когда сейчасъ Маруся помогала мнѣ одѣться, я заволновалась старыми

волненіями, и мое сердце защемило: отчего не будетъ тамъ Андрея, отчего онъ обо мнѣ не думаетъ, и не влюбленъ такъ нѣжно, какъ хотѣлось бы? Я вздохнула.

— Сію минуту, дуся, мгновеніе!

Маруся застегивала мнѣ платье и думала, что я соскучилась. Счастливые всегда глупы.

Около одиннадцати мы катили въ санкахъ. Было морозно, отъ луны все туманилось. Хрустѣлъ снѣгъ, что то рождественское было въ вечерѣ, мнѣ вспомнились стихи: „И мѣсяцъ съ лѣвой стороны сопровождалъ меня уныло.“ Почему это я все думаю о Тургеневѣ, Пушкинѣ?

— Ну, я буду твоей мамашей, — я смѣялась, когда мы всходили по лѣстницѣ собранія. — Буду сидѣть въ уголкѣ, дремать, разговаривать со старыми дамами о болѣзняхъ и судачить.

— Не ломайся, — сказала Маруся весело: — не люблю.

Въ проходѣ я взглянула въ зеркало: нѣтъ, шея у меня не плохая, бѣло-матовая, черное платье съ розой; все-таки порода есть.

Бѣлыя колонны, золотой свѣтъ, блѣдныя плечи дамъ, духи, все это казалось свѣжимъ, тонкимъ и молодящимъ. Что то зеркальное сіяло вокругъ.

— Ну, гдѣ же твой хахаль? — спросила я.

— Какъ ты сказала?

— Хахаль.

Маруся закатилась.

— Ты думаешь, я кухарка... ку-хар-ка, — она тряслась отъ хохота, — къ которой ходитъ ку-мъ пожар-ный?

— Опять смѣхъ отъ счастья, — подумала я и позавидовала.

— Въ словѣ хахаль нѣтъ ничего смѣшного.

Мамашей въ тотъ вечеръ мнѣ, дѣйствительно, не при[illegible] быть. Видимо, благодаря Марусѣ, меня приглашали какіе то юные, полузнакомые лицеисты, штатскіе, и я танцовала много. Я думала объ Андреѣ, но послушно

исполняла, что требовалось; опять меня преслѣдовали литературныя воспоминанія. Если бы я была Наташей, и вдругъ у колонны увидѣла бы князя Андрея, въ бѣломъ адъютантскомъ мундирѣ...

— Проведите меня въ гостиную.

Ловко лавируя, правовѣдъ вальсомъ двигался къ дверямъ; на порогѣ откланялся. Я одна вступила въ зеленоватый мракъ; здѣсь горѣли лишь двѣ лампочки по угламъ, затянутыя тюлемъ. Подойдя къ окну, старинному, съ полукругомъ наверху, я стала за портьерой и взглянула въ садъ. Тихо струилось и переливало что то на снѣгу подъ луной. Знаете ли вы эти вечера, подъ новый годъ, когда вѣришь, что обаятельныя видѣнья могутъ посѣтить душу? Когда снова возможна дѣвическая любовь, къ Наташѣ явится князь Андрей въ бѣломъ адъютантскомъ мундирѣ?

Я стояла довольно долго, потомъ отошла. „Ну, что же, помечтала, поплясала, пора домой. Все-таки, вечеръ прошелъ, даже лучше онъ прошелъ, чѣмъ можно было ждать.“

И съ покойнымъ сердцемъ я стала пробираться къ выходу. Въ проходѣ меня стѣснили, я должна была переждать, и случайно мой взоръ упалъ на подножіе двухъ колоннъ. Спиной ко мнѣ, во фракѣ, тоньше и моложе обыкновеннаго, стоялъ Андрей. Я вздрогнула; онъ обернулся; по усталому, какъ мнѣ показалось, лицу прошла улыбка.

— Ты здѣсь? Вотъ неожиданно!

Все улыбаясь, онъ подошелъ ко мнѣ, поцѣловалъ руку. Мы давно уже не бывали нигдѣ вмѣстѣ, и меня тронулъ этотъ поцѣлуй, этотъ новый ласковый блескъ его глазъ. „Какой онъ худой...“ и черезъ секунду добавила: — „милый“. Если бы все было какъ прежде, я должна была бы посмотрѣть на него, колко намекнуть на кого-нибудь изъ дамъ и, чувствуя, что въ его же глазахъ гибну, взять

тонъ озлобленности. Но сейчасъ я ничего этого не могла сдѣлать; достоинство жены, традиціонное, осталось неподдержаннымъ, и, напротивъ, я покраснѣла и взглянула ему робко въ глаза.

— Какъ это ты надумала?

— Меня сманила Маруся.

Положительно, я становилась дѣвчонкой; не только я не могла быть ничьей матерью, но самой мнѣ нужна была гувернантка.

Андрей взялъ меня подъ руку. Все съ той же улыбкой, онъ повелъ меня тихимъ шагомъ.

— Я не ждалъ, никакъ не ждалъ, что вы тутъ! Это очень славно, я радъ.

Когда онъ добръ, онъ называетъ меня на „вы".

Гуляя, мы разговаривали. Онъ чувствовалъ себя плохо; въ этотъ вечеръ его томили тяжелыя мысли; по смутному побужденью онъ поѣхалъ сюда послѣ клубскаго обѣда.

— А вамъ весело?

Я хотѣла прижаться къ нему, крикнуть, что безъ его любви мнѣ не можетъ быть весело, но сдержалась, скромно шепнула:

— Да.

— Natalie, — вздумалъ онъ вдругъ, — и я вспыхнула: — хотите, мы пройдемся съ вами вальсъ?

Онъ увидѣлъ смущеніе и нерѣшительность въ моихъ глазахъ.

— Помните, мы танцовали съ вами когда то?

Въ это время музыка заиграла. Это былъ ланнеровскій вальсъ.

— Можно васъ пригласить? — Андрей поклонился, ласково блеснулъ глазами.

Неужели мнѣ на самомъ дѣлѣ семнадцать лѣтъ?

Я не запомню даже, когда мы танцовали съ нимъ послѣ той весны. Еще вчера я засмѣялась бы и съязвила ему что-нибудь, если бъ онъ предложилъ мнѣ это. Но сейчасъ,

опираясь на крѣпкую, сухую руку, я шла вольнымъ движеніемъ за старыми, милыми звуками; мнѣ было радостно, что Андрей, мой князь, такъ прекрасно танцуетъ, что и я не уступаю ему, и что этотъ медленный полетъ уводитъ насъ Богъ знаетъ куда.

— Не устали? — шепнулъ онъ, надъ самымъ ухомъ. — Можетъ быть, отдохнемъ?

— Нѣтъ, ничего.

Мы обходили во второй разъ залу.

— Милая Наташа, милая, — это едва было слышно. — Какъ люблю я васъ!

— Да?

— Вы чудесно-прекрасны нынче. Милая Наташа!

Голова моя кружилась. Какъ сквозь сонъ слышала я эти слова, такъ давно неслышанныя мною, и мое усталое сердце, какъ и вся я, таинственно молодѣло и расцвѣтало.

Да, это былъ наполовину уже не его голосъ, а новаго, жениха, дорогого князя Андрея.

Я видѣла его руку, съ тонкими пальцами.

— Хотите, — произнесла я негромко: — я поцѣлую вамъ руку?

Я бы сдѣлала это легко и съ благоговѣніемъ. Любви все можно.

Онъ не отвѣтилъ. Въ его влажныхъ глазахъ, сіяющихъ, я прочла ту же любовь.

Стало тихо. Мы опять очутились въ той гостиной и сидѣли на диванѣ, какъ влюбленные.

— Все послѣднее время я страдалъ. Потому что мы мало любили другъ друга. А сегодня въ особенности было мнѣ плохо. Я не могъ найти себѣ мѣста, весь день. Почему я попалъ сюда? Кто меня подтолкнулъ? Какъ я счастливъ!

— Это любовь, — она насъ соединила. Думала ли я попасть сюда и...

— Что?

— Встрѣтить тебя, такого...

— Да, какъ неожиданно! Какъ прекрасно!

Больше мы почти и не говорили. Когда очень любишь, то можно, прижавшись щекой къ щекѣ, читать все въ любимой душѣ.

Показалась Маруся. Она шла подъ руку и, видимо, сама хотѣла сѣсть въ этой же комнатѣ. Мы встали.

Она всплеснула руками.

— Богъ ты мой!

— Вы чего удивляетесь? — Андрей счастливо смѣялся. — Почему мы не можемъ сидѣть вмѣстѣ!

— Да давно не видала, признаюсь! Ай да Наташа.

Она познакомила насъ; вчетверомъ, сіяющіе, мы болтали.

Потомъ въ кіоскѣ пили шампанское, и чокались бокалами крестъ-на-крестъ.

— Свадьба, — закричала Маруся, — кто жъ выходитъ замужъ?

Съ Андреемъ я чокнулась робко, какъ съ женихомъ.

— Ну что, — мигнула мнѣ Маруся, — maman, можно мнѣ еще кадриль?

Въ кадрили мы были визави, а потомъ вмѣстѣ уѣзжали. Балъ кончался. Садясь въ санки съ Андреемъ, я увидѣла, какъ и Маруся садится тоже со своимъ. Я не выдержала. Какъ въ хмелю выскочила я изъ саней, потеряла ботикъ и въ туфелькѣ пробѣжала по снѣгу, обняла ее. Я поцѣловала ее крѣпко, восторженно, какъ цѣлуютъ гимназистки. Черезъ минуту мы неслись уже въ разныя стороны. Андрей держалъ меня крѣпко, справа бѣжала за нами луна, сопровождая снова нашъ бѣгъ. Всѣ улицы, люди, городъ казались мнѣ теперь иными, завороженными любовью.

И прибавить я могу только то, что вся эта ночь, дома, которую мы провели съ Андреемъ, осталась въ моей

памяти такимъ же блистательнымъ сновидѣніемъ, какимъ была встрѣча и вальсъ.

Да, среди невзгодъ и скорбей жизнь даритъ намъ иногда незабываемыя мгновенія. Вѣрно, когда придетъ нащъ конецъ, мы вспомнимъ о нихъ. И если скажемъ: девять десятыхъ пропало, но одна сотая вѣчна — то и за нее мы умремъ покойно.

Да будетъ благословенна любовь.

АКТРИСА

I

Поѣздъ замедлялъ ходъ: станція. Анна Михайловна вышла. Почему то стояли долго, она ходила по платформѣ, дышала чудеснымъ осеннимъ воздухомъ. Солнце садилось. Ели были залиты золотомъ, что то крѣпкое, вѣчное было въ пейзажѣ. Ей пришла мысль о будущемъ. Начинается сезонъ, что принесетъ ей этотъ годъ? Радость, удачу, огорченья? Она взглянула на бѣлорусса, отъѣзжавшаго куда то въ свои дебри. „Здѣсь ничего этого нѣтъ. Живутъ малые люди, умираютъ, родятся, такъ же незамѣтно, какъ тѣ бѣдныя мушки, что танцуютъ на солнцѣ.“ Тутъ она погибла бъ.

И вернувшись въ купэ, она снова погрузилась въ мечтательное настроеніе, вызываемое ѣздой. Сумерки засинѣли; скоро показался чистый, блѣдный мѣсяцъ. Его свѣтъ понемногу означился, легъ воздушнымъ кружевомъ по дивану; цвѣты на столикѣ благоухали. Анна Михайловна улыбалась — ей мерещился кто то, кого нѣтъ на самомъ дѣлѣ и кого она назвала „милый другъ“. Это его черты въ нѣжномъ мѣсяцѣ, въ цвѣтахъ. Любовь къ нему была бы такъ прекрасна! Вѣчная, чистая любовь. Анна Михайловна вспомнила Эмму, которая любитъ ее трогательно и безкорыстно — и теперь ждетъ ее, — и усмѣхнулась. Эмма! Нѣтъ, милый другъ не таковъ.

Такъ она заснула, а когда проснулась, было утро. Встала она бодрой и веселой. Все казалось ей яснымъ,

она здорова, крѣпка, талантлива; будетъ работать такъ же твердо, какъ раньше — остальное не въ ея власти. И когда поѣздъ подходилъ къ столицѣ, туманно блеснулъ въ солнцѣ куполъ Исакія, она радостно вздрогнула: скоро!

На перронѣ встрѣтила ее Эмма.

— Задушишь, сумасшедшая! — смѣялась Анна Михайловна. — Ну какъ ты, какъ живешь?

— Я что! Я о тебѣ только думала — все время, безъ конца.

Эмма блестѣла глазками, вспыхивала.

— Я ужъ тутъ какъ старалась, чтобы угодить тебѣ. Квартиру наняла — восторгъ. Твоя комната на Неву, балконъ, свѣту масса...

Всю дорогу Эмма не умолкала. Ея худенькая фигура, восторженные глаза — глаза театральной обожательницы — трогали и немного смѣшили Анну Михайловну.

— Нѣтъ, — говорила Эмма, когда вошли въ квартиру: — смотри — это столовая, моя комната, твоя, твой будуаръ, балконъ.

— Прелесть, прелесть!

Анна Михайловна благодарила Эмму и поцѣловала ее. Ей дѣйствительно нравилось. И особенно нравилась Нева — могучая рѣка, туманная и стальная, лившаяся у ногъ. Что то суровое было въ ней, какъ и въ Исакіи, снова блеснувшемъ золотомъ. Онъ показался ей древнимъ старцемъ.

Переодѣвшись, взявъ ванну, чувствуя себя свѣжей и душистой, она вышла на балкончикъ къ чаю. Было очень тепло, на закатѣ дымили пароходныя трубы.

— Ну, Эмма, разскажи про театръ.

Эмма выкладывала все, что знала. Труппа не совсѣмъ опредѣлилась, выдвигаютъ Нащокину. Она неважная актриса, но...

— А репертуаръ?

Эмма развела руками.

— Что то новое хотятъ. Боюсь, Аничка, развѣ писатели нынче умѣютъ писать? Впрочемъ, ставятъ еще „Нору“. И ты, — Эмма припала головой къ колѣнамъ Анны Михайловны, — ты будешь Норой. Ахъ, это божественно!

У ней блеснули слезы.

— Ты будешь дивной, Аня.

Анна Михайловна взволновалась. Играть „Нору“! Да, стоитъ работать. Ей захотѣлось, чтобъ сейчасъ были репетиціи, чтобъ и жить только однимъ... Она, слегка дрогнула.

— Когда пойдетъ „Нора“?

— Не знаю.

Анна Михайловна встала, прошлась. Становилось прохладно. На набережной зазолотѣли фонари, красные и зеленые огни пароходиковъ сновали внизу. „Нора“, повторяла она про себя: „Нора“!

Остатокъ дня провели переставляя мебель, разбирая вещи. Къ одиннадцати устали обѣ. Анна Михайловна поцѣловала на ночь Эмму.

— Какая ты стала худенькая! Кости да кожица.

— Устаю очень, Аня. — Эмма кашлянула. — Иногда днемъ, чуть не сидя засыпаю. Должно быть, малокровіе.

— Бѣдная ты моя птица!

Уложивъ ее, Анна Михайловна вышла на балконъ. Теперь въ небѣ, надъ нею, сквозь тонкій паръ, горѣли звѣзды. Что то трепетало въ нихъ; точно бездна дышала. „Вѣчность,“ подумала она, и содрогнулась. „Океанъ, въ которомъ мы утонемъ съ нашими театрами, репертуаромъ, славой.“ Но взглянувъ въ сторону, гдѣ былъ ея театръ, снова ощутила она призывную дрожь. Тамъ она будетъ сражаться — во имя чего? „Во имя прекраснаго.“ „А слава?“ Анна Михайловна слегка смутилась. Съ молодости гнала она прочь это слово, ея путь былъ прямъ; но въ послѣдніе годы она стала ужъ чувствовать, что успѣхъ долженъ ее сопровождать, какъ награда за ху-

дожество. А если его не будетъ? Ей показалось, что теперь для нея это было бы горько.

„Посмотримъ,“ произнесла она вслухъ, глядя въ тихо гудѣвшую рѣку: „Посмотримъ.“

II

Каждый сезонъ, передъ началомъ, Анна Михайловна спрашивала себя: кто теперь ея товарищи? Будетъ ли труппа сносной, или съ бо̀льшей частью ея трудно здороваться? Есть ли интересные люди? Это ее волновало.

Съ такими мыслями подъѣзжала она къ театру, черезъ нѣсколько дней. Въ вестибюлѣ было темно; возились рабочіе, прибивая сукна. Дверь налѣво выходила въ садъ. Ея волненіе усилилось. Не лучше ли, пока есть время, уйти въ этотъ садъ, — не испытывать тоски, замираній подмостковъ?

— Горбатовъ здѣсь? — спросила она рабочаго, — слегка глухимъ голосомъ.

— Въ режиссерской-съ.

Анна Михайловна прошла по коридору, стукнула въ дверь съ надписью „режиссеръ“.

— Войдите.

Горбатовъ, полный человѣкъ въ курткѣ, съ крѣпкимъ актерскимъ лицомъ, поднялъ голову. Увидѣвъ Анну Михайловну просіялъ.

— Очень радъ, счастливъ. Украшеніе сцены — вся въ черномъ, скромна, талантлива — превосходно!

— Вы меня захвалите.

— Да ужъ я знаю, кого хвалю. Между нами говоря, — онъ нагнулся къ ней, — кромѣ васъ некого и хвалить то въ труппѣ.

— Очень вамъ благодарна за высокое мнѣніе. Мнѣ хотѣлось бы знать, какъ дѣла наши, т.-е. дѣла театра. Какъ репертуаръ?

Въ глазахъ у Горбатова что то мелькнуло.

— Репертуаръ отличный.

— „Нора“ идетъ?

— Какъ же-съ... — онъ на минуту замялся: — вотъ наша „Нора“ — онъ вдругъ всталъ и приложился къ ея рукѣ. — Вы, матушка Михайловна, будете вывозить.

Она сдержалась.

— Это рѣшено?

— Да ужъ я вамъ говорю.

Горбатовъ вздохнулъ.

— „Нора“ что, — Ибсенъ. Намъ вотъ тутъ подвернули одну... Ахъ, друзья-совѣтчики. — Онъ хлопнулъ по столу ладонью. — Извольте расхлебывать.

— Что такое?

— Вамъ тоже придется играть, — сказалъ онъ другимъ, недовольнымъ тономъ. — Пишутъ же люди...

Но Анну Михайловну занимала теперь „Нора“. Въ ней она видѣла Дузе, Коммиссаржевскую. Радость сыграть Нору томила ее. Она посидѣла пять минутъ, стала прощаться.

— Дорогая моя, въ пятницу обязательно, вечеромъ. Читаемъ пьесу, знакомимся, я не знаю, послалъ ли Платонъ повѣстки.

— Обяза-тель-но, — аффектировалъ онъ, поцѣловалъ руку. — Ждемъ.

Аннѣ Михайловнѣ хотѣлось посмотрѣть театръ, — она прошла коридоромъ. Стоялъ особенный, театральный запахъ, такъ возбуждающій. Занавѣсъ раздвинутъ, залъ глядитъ черно, хмуро. Онъ еще мертвъ, онъ ничто безъ тысячной толпы, оглашающей его. „Мы бѣдные подсудимые,“ подумала она про себя, про актеровъ: „здѣсь мы ждемъ приговора.“ Легкій ознобъ прошелъ по ней.

На сценѣ, передъ сидѣвшей барышней, ходилъ низенькій, худой актеръ въ цилиндрѣ.

— Вы думаете, что сможете быть помощникомъ режиссера? Здѣсь нуженъ мужчина, безъ нервовъ. Всѣхъ этихъ рабочихъ, машинистовъ, актеровъ надо брать, брать, управлять ими силой взгляда.

Барышня обернулась, увидѣвъ Анну Михайловну, вскочила — съ этой Женей Анна Михайловна была знакома. Онѣ здоровались весело, потомъ Женя представила ей собесѣдника.

— Феллинъ, — и онъ приподнялъ цилиндръ.

— Этотъ Феллинъ ужасно ядовитъ, — смѣялась Женя. — Вотъ онъ все не вѣритъ, что я могу быть помощникомъ режиссера. Желчный актеръ.

Феллинъ застегнулъ сюртукъ, заложилъ руку за бортъ съ такимъ видомъ, будто становился въ позицію. Анна Михайловна улыбнулась, взглянула на него.

— Да? Вы ядовитый мужчина?

— Совершенно вѣрно.

Но въ его глазахъ, въ землистомъ лицѣ она прочла усталость, нервность, нездоровье — только. И улыбнулась.

— А мнѣ кажется, что м-сье Феллинъ вовсе не язвительный.

Смѣясь, разговаривая, они осматривали театръ. Онъ не нравился Аннѣ Михайловнѣ: казался унылъ и огроменъ. За кулисами было тѣсно.

— Какъ вы думаете, — спросила она Феллина, выходя: — хорошо будетъ доходить голосъ?

— Хм... вѣроятно, отвратительно.

Онъ проводилъ ее немного и простился. Въ томъ, какъ онъ вскакивалъ въ трамвай, чувствовался человѣкъ столичный, тертый, одинокій. Онъ одиноко стоялъ на площадкѣ — Аннѣ Михайловнѣ представилось, что вѣрно онъ живетъ въ меблированныхъ комнатахъ, за тридцать рублей. „Какой онъ актеръ,“ подумала она: „онъ больной бухгалтеръ.“

Въ пятницу, въ назначенное время, она отправилась въ театръ. Начинали съѣзжаться. Актрисы шуршали, въ дверь былъ виденъ Горбатовъ; онъ держалъ за пуговицу молодого человѣка, видимо автора:

— Вы человѣкъ неопытный, я долженъ васъ предупредить. Какъ только прочтете, — каждая станетъ увѣрять, что отлично поняла роль и въ восторгѣ отъ пьесы. И чтобы роль — ей. Но вы, дорогой, безъ меня ни шагу.

Авторъ улыбался, кивалъ смущенно.

На сценѣ былъ свѣтъ; Горбатовъ познакомилъ труппу съ авторомъ — началось чтеніе.

Съ первыхъ же словъ Анна Михайловна стала жалѣть автора. Онъ волновался, читалъ дурно и безъ интонацій; актеры молчали; видимо, никому не нравилось.

Досидѣли до конца, но ощущеніе скуки было несомнѣнно. Горбатовъ старался оживить — и напрасно.

Всталъ Феллинъ, помахивая длинными руками, подошелъ къ чтецу.

— Я не понимаю вашей пьесы. Это разговоръ, деревенскія сцены. Можетъ быть, это мило, пф-фъ, но какъ это играть?

— Въ пьесѣ мы будемъ касаться лишь того, что связано съ ролями, — оборвалъ Горбатовъ. И произнесъ рѣчь, не безъ любезности, но холодно, гдѣ характеризовалъ лица, называлъ пьесу „статической“ и трудной.

— Ленина, это вы, — обратился онъ къ Аннѣ Михайловнѣ.

Та подняла голову, встрѣтилась взглядомъ съ Нащокиной. Въ ея черныхъ глазахъ, огромныхъ, подведенныхъ, что то блеснуло. Какъ будто довольное.

„Рада, что чаша ее миновала. Что же, права.“

Въ это время другіе разспрашивали автора о роляхъ. Онъ со всѣмъ соглашался, видимо, былъ затурканъ.

— Ваша героиня брюнетка или блондинка? — спросила Анна Михайловна.

— Блондинка.

„Ну, это положимъ, — свѣтлые парики не идутъ мнѣ совершенно.“

Она выходила со смутнымъ чувствомъ. Нащокина шепталась съ Горбатовымъ, у него, какъ всегда, была улыбка, говорившая: „только вы одна актриса — остальныя никуда.“ Аннѣ Михайловнѣ казалось, что сыграть эту роль будетъ трудно. И сама пьеса... „Почему занята именно я?“ Но черезъ минуту она осилила себя: „что жъ, будемъ работать.“ Ей даже показалось, что ея гордость, честь актрисы заставляютъ трудиться надъ вещью, явно неблагодарной. „Бѣдный авторъ!“ Она улыбнулась, вспомнивъ его сюртучокъ. „Постараюсь роли вамъ не провалить.“

III

Анна Михайловна вставала, завтракала, шла на репетицію. Въ пятомъ часу возвращалась. Обѣдъ, и къ семи снова надо въ театръ, если она занята. Волненія утромъ, днемъ и вечеромъ. „Актриса я, или монашка?“ Она усмѣхалась. „Пожалуй, за добродѣтель живой возьмутъ меня на небо.“

Въ театрѣ она держалась строго. Въ костюмѣ ея, холодновато-элегантномъ видѣ было что то отдалявшее. Актеры ее боялись и называли „мать-игуменья“. Одинъ Феллинъ смѣло цѣловалъ руку, снималъ цилиндръ и кокетничалъ гвоздикой.

— Хорошая женщина, — онъ топорщилъ губу: — изъ хорошей семьи.

Какъ то разъ онъ спросилъ ее:

— Вы по-англійски говорите?

— Да. А что?

— Ничего, ничего. Хорошо. И по-французски?

— И по-французски.

— Я тоже, — Феллинъ потянулъ воздухъ носомъ: — я образованный.

То, что они оба образованные, такъ воодушевило его что онъ попросился зайти.

— Пожалуйста, буду рада.

— Да, кстати, — съ вами хочетъ познакомиться мой другъ. Ну, нѣкто Горичъ. Очень культурный человѣкъ. Вы ему нравитесь, ха-ха! — какъ артистка. Можно его привести?

Анна Михайловна согласилась. „Что жъ, если хорошій человѣкъ, пусть приходитъ.“ Въ назначенный день она сказала Эммѣ съ утра:

— Нынче, Эмма, у насъ обѣдаютъ два культурныхъ человѣка. Пусть къ столу будетъ зелень, дичь, вино. Ликеру не забудь.

— А они къ тебѣ зачѣмъ собственно?

— Такъ... не знаю.

Эмма взволновалась, захлопотала. Пусть обѣдъ у Анички будетъ не хуже, чѣмъ гдѣ-нибудь! И устроила она все, какъ надо. Анна Михайловна улыбнулась даже на нее: „милая Эмма, въ этомъ жизнь твоя!“

Смокингъ, лакированные ботинки Горича смущали Эмму — умоляюще взглядывала она на прислугу въ передникѣ: не напутала бы чего. Но все было благополучно.

Когда вошли въ комнату Анны Михайловны, съ кофе, Горичъ сѣлъ съ нею рядомъ.

— Я очень счастливъ, что съ вами познакомился. На сценѣ я не разъ васъ видѣлъ. Собственно говоря, актрисъ я не люблю... — онъ смѣшался. — Но вы всегда казались мнѣ не актрисой.

— Благодарю васъ.

— Серьезно.

Горичъ продолжалъ, такъ же вѣжливо, тихо.

— Въ томъ, что вы дѣлаете, есть художество. Знаете, проживешь лѣтъ сорокъ, вотъ какъ я: особенно начинаешь цѣнить настоящее! Рѣдко вѣдь это!

Феллинъ подошелъ, какъ длиннорукій гномъ, и хрустнулъ пальцами. Глаза его туманились.

— Росказни! Бредни — всѣ эти чистыя искусства, га га! Анна Михайловна просто тихая женщина, образованная, ее и затираютъ въ театрѣ. Для успѣха нужна реклама. Пресса!

Онъ прошелся и поморщилъ усы. — Пф-фъ! Пресса! Успѣхъ, машина славы. Надо, чтобы васъ видѣли вездѣ, писали о васъ, говорили, ругали, — все равно. Чтобы шумъ, шумъ!

— Это хорошо тѣмъ, у кого мало гордости, — замѣтила Анна Михайловна.

Феллинъ выпилъ ликеру.

— Вы думаете, мнѣ не хочется славы? Пф-фъ! Извѣстный артистъ Феллинъ. Знаменитый, пятьсотъ за выходъ! А? Вамъ нравится?

— Мнѣ кажется, — Горичъ улыбнулся: — что вы пойдете для этого на все.

— Да? Вы полагаете? — Феллинъ становился развязнѣй.

— Убью отца? Кассу ограблю?

— Ну, вы достаточно умны...

— Вы думаете, я добродѣтельный земскій врачъ? Живу для разныхъ человѣчествъ? Я живу для себя, — для славы!

— Этого у васъ... не будетъ.

Феллинъ вскочилъ, заходилъ взадъ и впередъ.

— Я играю Ранка, въ „Норѣ“. Ранка, — повторилъ онъ злобно.

Горичъ полузакрылъ глаза.

— Можетъ быть, это и вѣрно, но славы у васъ не будетъ, извините меня. Впрочемъ, желать славы, без-

покоиться и страдать человѣку суждено; нельзя обвинять его за это. Ибо немногіе сознаютъ себя носителями возвышеннаго — для тѣхъ главное въ жизни — осуществленіе своихъ силъ, безкорыстное осуществленіе. Мы же прозябаемъ отъ радости до радости, среди маленькихъ развлеченій, — ничего не зная.

„И онъ такой?“ Анна Михайловна глядѣла на худого Горича, съ блѣднымъ лбомъ. „Онъ не знаетъ, тоже?“ Его лѣнивыя руки, тонкія и блѣдныя, говорили объ этомъ. „Слабый человѣкъ, безпринципный,“ рѣшила она. „И очень милый.“

— Вотъ Анна Михайловна, вѣрно, не такъ живетъ. Правда?

Она отвѣтила весело:

— Я не знаю, какъ живу. Надо жить, работать... кажется и все, больше я не могу сказать.

Прощаясь, Феллинъ вдругъ недобро захохоталъ.

— Пріятно бы съ вами въ „Норѣ“ играть.

— Это такъ и будетъ. Я работаю.

— Ну и работайте. Можетъ быть, сыграете.

Анна Михайловна удивилась. Когда онъ вышелъ, Горичъ вздохнулъ:

— Вы и онъ полюсы. У васъ разныя идеи жизни.

Она взглянула ласково, свѣтло.

— А у васъ какая идея?

— У меня никакой. Никакой! У меня былъ пьяненькій другъ, онъ говорилъ: „все я въ жизни понимаю, только не могу сообразить, что къ чему.“ Такъ и я.

Она разсмѣялась.

— Разсказывайте!

Когда ушелъ и онъ, Анна Михайловна ходила по комнатѣ одна довольно долго. Ей хотѣлось съ кѣмъ-нибудь говорить — много, весело, хохотать. Или поѣхать кататься, чтобъ летѣть такъ быстро! И чтобъ трудно было

дышать. Но она была одна — Эмма отъ волненій и усталости заснула скоро, и въ незадѣланную еще дверь вышла она на балконъ. Здѣсь, глядя на Неву, плывшую въ холодномъ лунномъ блескѣ, на темные дворцы и Исакія, она улыбалась. Жутко и радостно было ей. „Какъ великъ міръ! Какъ мало его мы знаемъ! Сколько людей, чувствъ, сколько неизвѣстнаго.“

Облака, въ суровомъ бѣгѣ затемнявшія луну, точно пѣли ей объ этой жизни.

IV

— Женя, — кричалъ Горбатовъ: — начинаемъ! Гдѣ тамъ Машенька застряла, дитенокъ!

Машенька — ingénue, легонькая и миловидная, выскочила изъ кулисы. Пробѣжала по сценѣ Женя, съ видомъ курсистки, съ сумочкой черезъ плечо. Начался первый актъ.

Анна Михайловна не была занята въ первыхъ сценахъ, — она глядѣла изъ темнаго зрительнаго зала. Было ясно, что выходитъ плохо. Пьеса неумѣлая, разошлась неудачно, тяжела актерамъ. Все скрипѣло. Лишь Машенька, которая была молода и знала, что талантлива, играла свободно. Чаще всѣхъ она подбѣгала къ автору и спрашивала:

— Такъ я понимаю это мѣсто?

„Все это не такъ,“ думала Анна Михайловна. „Все это нужно по-другому написать и играть по-другому.“ Она обернулась и стала глядѣть въ тьму зала. Доносились голоса актеровъ, но скоро она задумалась, и вдругъ совершенно ясно увидѣла Горича. Онъ сидитъ на диванѣ, съ ней рядомъ, и говоритъ: „Собственно говоря, актрисъ я не люблю...“ „Ахъ, какой онъ чудакъ!“ Анна Михайловна усмѣхнулась. „Чудакъ!“ И мысленно она перебирала всѣ маленькія сценки за обѣдомъ; это было пріятно и немного стыдно.

Сзади подошелъ къ ней Горбатовъ.

— Дорогая, въ антрактѣ ко мнѣ, прошу васъ. А сейчасъ вамъ идти.

Она поежилась и машинально прошла. Потомъ выходила на сцену, играла, но неясно, точно неочнувшись. Вмѣсто всѣхъ словъ она повторяла бы радостно два: „Милый другъ, милый другъ.“ Въ такомъ настроеніи вошла она, по окончаніи, въ режиссерскую. Горбатовъ сидѣлъ съ видомъ человѣка усталаго и недовольнаго.

— Садитесь, дорогая. Прекрасная, талантливѣйшая артистка. Намъ предстоитъ разговоръ. — Онъ вздохнулъ. — Не изъ пріятныхъ.

И началъ издалека, умно, плавно. Пьеса слабая, чтобы не загубить ее совсѣмъ, надо массу работать; лишь она, Анна Михайловна, можетъ вывезти. Между тѣмъ антрепренеръ требуетъ „Нору“, — она дастъ кое-что, значитъ, надо сразу проходить двѣ роли; конечно, въ „Норѣ“ она была бы изумительной; но онъ обращается съ просьбой — принести театру жертву — отказаться отъ „Норы“.

— А? — переспросила она.

Онъ повторилъ. Тогда она поняла и вспыхнула.

— Вѣдь это-же рѣшено! Я учу роль!

Горбатовъ вскочилъ, схватился за голову.

— Милая, не говорите! Развѣ можемъ мы взять у васъ роль? Это противно всему, этикѣ, приличію. Но... — онъ пожалъ плечами: — мы просимъ.

Анна Михайловна молчала.

— Хорошо. Я подумаю.

— Хорошая, золотая, ради Создателя на меня не сердитесь! Если бъ вы знали, какъ мнѣ тяжело.

Анна Михайловна ушла. Ей было больно. Но она молчала, не сказала даже Эммѣ. Про себя же обдумывала, какъ быть. „Настоящая актриса, конечно, дастъ скорѣе убить себя, чѣмъ откажется. Разумѣется, просто антрепренеръ хочетъ, чтобы играла Нащокина. Дѣло не въ сборахъ.“ Потомъ она спрашивала себя, имѣетъ ли право,

какъ художникъ, себя стѣснять. Но представилась страстная, жестокая борьба, что и въ жизни, и въ театрѣ идетъ вокругъ успѣха, славы, радости. Вспомнился Феллинъ. „О, онъ перегрызъ бы Нащокиной горло.“ Ей стало противно. Она вспомнила свою жизнь, незапятнанную артистическую жизнь, гдѣ нѣтъ мѣста проискамъ, конкуренціи. И какой то демонъ — сердце, къ которому она обращалась въ тяжелыя минуты, сказалъ ей: „откажись.“ Она почувствовала себя холодной, внутренне-собранной и крѣпкой. „Пусть я не настоящая актриса, но если меня не желаютъ, я не могу играть. Не могу добиваться, чтобы меня желали.“

На другой день она сообщила свое рѣшеніе.

V

Эмма ревновала Анну Михайловну ко всему: къ знакомымъ — теперь къ Горичу, который иногда заѣзжалъ съ Феллинымъ, — къ театру, актерамъ, даже искусству, хотя считала геніальной и не допускала въ этомъ сомнѣній.

Узнавъ о Норѣ, она пришла въ бѣшенство. Ея маленькое, доброе лицо исказилось. Точно вселился въ нее кто.

— Подлость! — кричала она, бѣгая по комнатамъ. — Гадость!

Потомъ вдругъ надѣла шляпу.

— Куда ты?

— Я скажу Горбатову, что это мерзость, я ему докажу. Я этого такъ не оставлю!

— Не волнуйся ты, пожалуйста!

Аннѣ Михайловнѣ стоило труда удержать ее. Сама она была слаба, раздражена; азартъ Эммы только разстраивалъ ее.

— Не дали роли, значитъ Нащокина будетъ лучше, вотъ и все. И вообще, ты, Эмма, не вмѣшивайся. Ты пристрастна ко мнѣ.

Эмма обидѣлась.

— Извини, пожалуйста. Виновата. Могу и совсѣмъ устраниться.

Она ушла къ себѣ, заперлась, и изъ-за двери донеслись всхлипыванья. Анна Михайловна легла на диванъ. У ней болѣла голова, было смутно на сердцѣ и казалось, что Эмма своею нервностью только сильнѣй мучитъ ее. Но потомъ стало жаль; она вспомнила преданность, любовь этой дѣвушки, ея сердце отошло. Она постучала. Та отворила не сразу.

— Эмикъ, не сердись. Я просто дрянь, нервная баба. Прости меня.

Эмма зарыдала еще горше.

— Я знаю, — твердила она: — я тебѣ не нужна, въ тягость. Тебѣ Горичъ нравится.

Она зашлась кашлемъ, долгимъ, страстнымъ, — и опять расплакалась. Анна Михайловна отхаживала ее. Вечеромъ онѣ помирились.

— Почему ты думаешь, что мнѣ нравится Горичъ?

Эмма улыбнулась.

— Мнѣ такъ кажется, Аничка. Ну, да это что-жъ? Мнѣ было обидно, что ты меня отстраняешь.

Анна Михайловна покраснѣла.

— Все это глупости, страшная чепуха. Я тебя вовсе не отстраняю, думала только, что ты очень нагорячишься. И до Горича мнѣ нѣтъ дѣла.

Эмма нагнулась, поцѣловала ей руку. Аннѣ Михайловнѣ все же было непріятно это. „Неужели я, какъ дѣвчонка, веду себя съ нимъ по-особенному? Да и что мнѣ Горичъ?“

Но на другой день, входя въ театръ, она вдругъ улыбнулась: если-бъ съ раннихъ лѣтъ Горичъ былъ ея другомъ — о, какъ лучезарнѣе была бы ея жизнь!

Сладкій туманъ охватилъ ее; она перевела дыханье. „Я женщина, какъ и Эмма я склонна къ преклоненію.

Могу благоговѣть, безгранично отдаться; безраздѣльно. Но вотъ этого все не было. Неужели...“ Она закрыла глаза, ей показалось, что сейчасъ она упадетъ. Проходилъ Горбатовъ.

— Репетируемъ ежедневно, — имѣйте въ виду, глубокоуважаемая: всѣ силы...

Дѣйствительно, спектакль близился.

„Что тамъ амуры разводить, я актриса. Работать должна.“ И поймавъ себя на лѣни, она удваивала старанія.

Трудилась, учила, мѣняла. Работали всѣ. Но попрежнему пьеса шла туго, безъ воодушевленія.

Администраторъ Платонъ, подписывая въ конторѣ счета, говорилъ:

— Дѣлъ не будетъ.

Горбатовъ кипятился. То на сценѣ, то въ зрительномъ залѣ виднѣлась его крѣпкая фигура. Могучій голосъ кричалъ:

— Женя, камни! Машенька, дитенокъ, словъ не врать! Свѣтъ? Десять бѣлыхъ, для закату краснаго. Съ луной вступай мягко!

Въ день спектакля Анна Михайловна волновалась мало. Ей казалось почему то, что, несмотря на промахи, въ общемъ все благополучно; думалось — и сама она владѣетъ ролью. „Волноваться, не волноваться, — все равно ужъ поздно.“ Она обѣдала съ аппетитомъ, выпила вина.

— Аничка, — говорила Эмма, у которой губы побѣлѣли, — какая ты сдержанная! Я бы умерла со страху. Публика чужая, первый выходъ...

— Ѣдемъ, — Анна Михайловна застегивала перчатку, холодновато: — пора.

И только въ театрѣ, когда за занавѣсомъ, за стѣнами ощутила она толпу — она почувствовала томленіе. Плотники, наспѣхъ ставившіе первый актъ, Горбатовъ, Платонъ, актеры, Эмма — казались крошечнымъ отрядомъ, сжатымъ

врагами. Ихъ пока не видно, но они тамъ; каждая минута прибавляетъ ихъ, — гдѣ друзья?

— Съ Богомъ, — обратился Горбатовъ, холодный и твердый. — Черезъ пять минутъ.

Мелькнуло лицо автора, въ сюртучкѣ, съ невидящими глазами; блѣдная Эмма, Женя. Занавѣсъ раздвигался, враги тѣснились и гудѣли, разсаживаясь по мѣстамъ.

Первыя десять минутъ пропали — въ шуршаніи и кашлѣ. Наконецъ, стихло. Все напрягалось. Два тока — со сцены, на сцену — всегда враждебные, сталкивались. То затихали зрители, значитъ ,,доходитъ", то, неуловимое, начиналось недовольство — безмолвное осужденіе толпы. Анна Михайловна ощущала тяжесть. Точно туча осѣла на плечи, и одной ей, съ товарищами, надо выносить. Актъ кончился. Въ залѣ шумѣли холоднымъ, нерадостнымъ шумомъ. Слабые аплодисменты.

— Дайте мнѣ коньяку, — попросила Анна Михайловна.

Въ коридорѣ стоялъ авторъ. Старый актеръ Дымша хлопалъ его по плечу, предлагая папиросу. Авторъ взялъ, но никакъ не могъ закурить. Дымша посмѣивался.

— Ничего, первая баня, милый. Всегда такъ.

Черезъ десять минутъ сраженіе открылось вновь. Оно продолжалось три часа, при напряженіи всѣхъ силъ актеровъ. Счастье колебалось. Въ концѣ второго акта явилась надежда — публика будто ,,разогрѣвалась", но третій, — главный козырь спектакля, быстро потянулъ все книзу. Въ верхахъ шипѣли. Четвертый шелъ безнадежно, и съ каждымъ словомъ чувствовала Анна Михайловна, что гибнетъ, и нѣтъ силъ выбиться. Когда на жидкіе хлопки она выходила, ведя за руку автора, и имъ бурно, — какъ ей показалось, насмѣшливо зааплодировали, она поняла, что ненавидитъ этихъ невинныхъ людей безпредѣльно. Взглянувъ на автора, подумала: ,,ему еще хуже."

На прощанье онъ жалъ ей руку и благодарилъ.

— Спасибо, — кивнула она, тихо. — Досвиданія.

Потомъ отдала себя Эммѣ, которая ее одѣвала, везла, раздѣла и дала дома морфію — для сна. На утро пьеса и Анна Михайловна были разруганы въ газетахъ наголову.

VI

Недѣля послѣ спектакля была тяжела для нея. Каждый день приходилось играть, — она ясно видѣла теперь, что играетъ плохо, — снова и снова испытывать бремя неудачи, и молчать. На людяхъ, въ театрѣ, даже съ Эммой быть унылой казалось ей невозможнымъ, — гордость не позволяла; и какъ человѣкъ съ выдержкой она была ровна, весела и внѣшне не измѣнилась. Но по ночамъ ее мучилъ стыдъ — стыдъ художника, всенародно провалившагося. Ей казалось, что спектакль погубила она; что сама по себѣ пьеса недурна, но она играла не такъ, и не только не зажгла ее, — сдѣлала грубѣйшія ошибки. Ея мысль со страстью останавливалась на ошибкахъ; да, теперь онѣ очевидны, тѣмъ острѣй терзали онѣ ея сердце. Гдѣ она была раньше? Отчего не видѣла ихъ до спектакля? Она вздыхала, не могла заснуть. Такъ какъ газеты разнесли повсюду ея пораженіе, ей казалось, что ее презираютъ всѣ.

Одна Эмма не сдавалась:

— Аничка была прекрасна. Она не виновата, что ставятъ такія пьесы.

Въ театрѣ тоже огорчались. Бодры были лишь Машенька и Феллинъ. Феллинъ ходилъ побѣдоносно и цѣловалъ съ видомъ превосходства руку Анны Михайловны.

— Представьте себѣ, вхожу вчера въ кафе, сидятъ двое, неизвѣстные мнѣ типа, и говорятъ: это Феллинъ артистъ, онъ играетъ въ „Норѣ“ Ранка! — Феллинъ выпятилъ грудь.

— Меня знаютъ, считаютъ извѣстнымъ!

Анна Михайловна улыбнулась. Феллинъ захохоталъ, и вдругъ ласково погладилъ ее по плечу.

— Вы не огорчайтесь, это пройдетъ все, п-ффъ. И знаете, Горичъ находитъ, что вы играли... м-м... — вообще не хуже обычнаго.

Анна Михайловна чуть не разсердилась; но взглянувъ на лицо его, истомленное катаромъ, жаждой славы, вдругъ спросила:

— Какъ здоровье ваше?

Феллинъ пожевалъ.

— Благодарю васъ, ничего. Знаете, я хотѣлъ вамъ предложить, м-м.. когда я сыграю Ранка, отправиться куда-нибудь втроемъ, съ Горичемъ. Ну, такъ, на всю ночь, по кафе, клубамъ. Кутить!

— Отлично.

„Чѣмъ онъ хуже другихъ?“ думала она, когда Феллинъ ушелъ. „Развѣ всѣ, отъ антрепренера, Горбатова, до меня и послѣдняго статиста не желаютъ успѣха? Только онъ откровеннѣй. Откровенныхъ и называютъ почему то глупыми.“

На „Норѣ“ Анна Михайловна сидѣла въ ложѣ одна, — Эммѣ нездоровилось. Пьеса шла ровно. Нащокина играла недурно и имѣла успѣхъ. Послѣ второго акта къ ней вошелъ Горичъ; онъ принесъ пару бѣлыхъ розъ. Анна Михайловна взяла, благодарила. Въ это время подавали букетъ Нащокиной, она кланялась и блаженно улыбалась.

Что то кольнуло въ сердце Анну Михайловну: „что это онъ, утѣшаетъ меня?“ Но Горичъ былъ простъ, милъ, розы прелестны, и когда раздвинулся занавѣсъ, она, помахивая ими, улыбнулась.

— Ваши розы меня трогаютъ. Въ цвѣтахъ есть откровеніе. Подумаешь, они неземного происхожденія, а они просто изъ цвѣточнаго магазина.

— Что нашъ Феллинъ? — спросилъ Горичъ. — Нравится вамъ?

— У него нѣтъ дарованія. Ни крошки. Онъ со вкусомъ, съ опытомъ...

Сцену съ лампой Феллинъ погубилъ. Горичъ съ Анной Михайловной переглянулись, молча. Но Ранкъ мало интересовалъ ее. Она была занята Норой. Теперь она чувствовала, что могла бы сыграть ее по-настоящему, и снова тоска овладѣла ею. Почему дѣлаешь не то, что хочешь, а настоящее уходитъ?

Но взявъ розы, поднеся ихъ къ лицу, она ощутила ихъ тихую сладость; сердце ея раскрылось. „О чемъ страдать, какъ ничтожно все это — вотъ, есть прекрасные цвѣты, искусство, люди.“ Она взглянула на Горича. „Да, люди, отмѣченные кѣмъ то.“ Сердце ея забилось болью и нѣжностью. Послѣ спектакля онъ везъ ее домой. Было морозно, скрипуче, звѣзды. Внезапно она спросила:

— Павелъ Александрычъ, полагаете вы, что человѣкъ долженъ вѣрить?

Онъ удивился:

— Вѣрить! Что это вамъ пришло такъ... сразу?

— Ну, просто мои мысли.

— А-а! — Онъ помолчалъ.

— Да, если правду говорить — долженъ. Непремѣнно. Настоящаго человѣка я и представлялъ всегда такимъ. Онъ стоитъ на землѣ, а взоръ его устремленъ... да, — онъ сдѣлалъ движеніе рукой къ небу: — туда.

Черезъ минуту, точно спохватившись, прибавилъ:

— Это я такъ, конечно, теоретически. Въ жизни это рѣдко встрѣчается. Знаете, нелегко...

— Теоретически, — шепнула она. — Теоретически!

Помогая у подъѣзда сойти, онъ говорилъ:

— Къ нашему умному разговору — цитата. Изъ Гете, но не бойтесь.

— Я мало его знаю.

— Это мужской писатель. Онъ сказалъ: „Несите въ жизнь священную серьезность, ибо только она, священ-

ная серьезность, обращаетъ жизнь въ вѣчность.“ Видите, какъ.

— „Опять теоретически. Онъ знаетъ всѣ прекрасныя слова, какія есть.“ И вмѣстѣ съ тѣмъ, взглянувъ на этого худого человѣка, который все понимаетъ, она почувствовала острое обожаніе.

Онъ говорилъ еще, что, въ сущности, нынче они должны бы кутить съ Феллинымъ. Но это хорошо послѣ побѣды, значитъ, пусть она отговорится нездоровьемъ, а въ пятницу надо собраться. Она почти не слышала, въ душѣ у ней блистало одно: „люблю, люблю.“

Подымаясь къ себѣ, она вдругъ подумала: „какъ любитъ онъ?“ И тутъ же засмѣялась: „онъ отлично понимаетъ все въ любви, и не любитъ.“

VII

Въ „Звѣзду“ съѣхались къ двѣнадцати. Феллинъ былъ въ смокингѣ, съ цвѣточкомъ. Но въ глазахъ его что то мелькало.

— Ну, — онъ хорохорился — что вы скажете о Ранкѣ?

— Браво, браво!

Горичъ тоже хлопнулъ, оглядываясь на пѣвицъ.

— Пить, — заявила Анна Михайловна, — я хочу сегодня напиться.

Какъ человѣкъ неопытный, она потребовала шампанскаго. Оркестръ заигралъ, на сценѣ миссъ Гарди пѣла а-ида трои-ика, сн-іе-гъ пуш-шистый, Феллинъ таращилъ глаза и фукалъ. Видимо, его что то точило. Анна Михайловна выпила два бокала, у ней зашумѣло въ ушахъ; все стало зыбче, ненадежнѣй .

— Да, вотъ вамъ нравится мой Ранкъ....

„Откуда это онъ взялъ? Ахъ да, я что то говорила.“

— А тамъ, чортъ возьми, въ театрѣ... м-м... Въ сущности, скотина этотъ Горбатовъ.

И, волнуясь, онъ началъ разсказывать, какъ его притѣсняютъ, не даютъ ходу, какъ Ранка въ очередь съ нимъ будетъ играть другой.

— Ну, Феллинъ, — закричала Анна Михайловна, — вы опять про театръ? Какъ не надоѣстъ, право. Люди пріѣхали веселиться, а онъ все свое.

Горичъ нагнулся къ ней, взглянулъ ласково, какъ на ребенка.

— Въ ударѣ, знаменитая артистка!

Она блеснула на него, захохотала.

— Пили бъ лучше съ Феллинымъ брудершафтъ.

— Пьемъ. Но ругаться, кажется, нужно?

Смѣясь, они поцѣловались, выпили. Феллинъ сказалъ что то вполголоса. Горичъ подумалъ, отвѣтилъ грустно:

— Бездарность!

Феллинъ поблѣднѣлъ, поморщилъ усъ.

— Неостроумно.

Анна Михайловна чувствовала, что въ хмѣлю пропадаетъ ея тоска, стыдъ, и ей хотѣлось, чтобы этотъ вечеръ не кончался.

— Вы теперь брудершафты, — говорила она мужчинамъ: — вамъ нечего ссориться. Вообще ссориться не надо, все на свѣтѣ отлично, вы видите, это шампанское, это Горичъ, оч-чень милый господинъ. Кто это тамъ идетъ? Пѣвица? Гарди? Миссъ Гарди, пожалуйста, къ намъ!

Феллинъ морщилъ усы, покровительственно, будто хотѣлъ сказать: что жъ, со всякимъ бываетъ. Миссъ Гарди позвали, поили шампанскимъ. Миссъ отвѣчала привычно, — не разъ русскія дамы знакомились съ ней, и всегда говорили одно и то же. Когда въ залѣ остались они одни, Гарди стала напѣвать. Всѣ хохотали.

— Голубушка, — говорила ей Анна Михайловна: — Ѣдемъ. Дальше, здѣсь кончается, ѣдемъ!

Феллинъ повезъ ихъ въ клубъ, странное и подозрительное мѣсто, гдѣ можно было сидѣть до шести. Опираясь на руку Горича, Анна Михайловна шептала:

— Эту жизнь я понимаю. Я бъ хотѣла быть пѣвицей, чтобы вы, — она взглянула на него, засмѣялась весело и конфузливо, — были моимъ покровителемъ.

Онъ поцѣловалъ ей руку.

— Вы большой шутникъ.

Въ клубѣ они играли съ блѣдными дѣвицами въ биксъ, сидѣли въ барѣ, пили. Нелѣпый вой нессяизъ гостиной, стонъ піанино: пьяные художники колотили по немъ и орали.

Анна Михайловна нагнулась къ Горичу.

— Вы знаете, я никогда не бывала въ такихъ мѣстахъ. Богъ мой, что сказала бы Эмма!

Но здѣсь, подъ крикъ пьяныхъ, въ воздухѣ шуллерства, игры, ей вдругъ стало тяжко. „Что жъ, завтра будетъ Эмма, домъ, благоустроенная жизнь, театръ, страданія по ночамъ. И ничего, ничего.“

Она шепнула Горичу — не прощаясь, они вышли.

Какъ странно утро послѣ шумной ночи! Сѣрѣетъ разсвѣтъ, снѣгъ на Невѣ синѣетъ, — что то древнее, жуткое есть въ этомъ снѣжномъ полѣ, въ слабомъ вѣтрѣ съ сѣвера. Кажется, что стоишь передъ сумрачной стихіей. Подошли къ гранитной скамейкѣ у берега. Анна Михайловна остановилась.

— Сядемъ здѣсь. Я хочу дышать этимъ вѣтромъ: онъ очищаетъ мою душу.

Горичъ закурилъ. Было пустынно. Лишь блестѣли фонарные огни, да крѣпость подымала вверхъ свой шпиль надъ громадой камня.

— Я сейчасъ скажу вамъ одну вещь, которую трудно говорить дома. Но теперь я могу... — Она перевела дыханіе. — Милый другъ!

Черезъ минуту прибавила:

— Я совсѣмъ трезва, не думайте. Но женщины это рѣдко говорятъ: — Милый Горичъ, я люблю васъ.

Онъ сидѣлъ смирно.

— Да, я сказала, — потому сама сказала, что вѣдь вы меня не любите. Я люблю васъ безнадежно, Павелъ Александрычъ, въ этомъ сила моя. — Милый, милый!

Она поцѣловала ему руку. Горичъ растерялся.

— Больше этого не будетъ. Если вамъ не тяжело, не забывайте меня окончательно.

Она встала, ушла быстрымъ, легкимъ шагомъ, не позволивъ провожать.

VIII

Вспоминая слова, какія говорила Горичу, Анна Михайловна не раскаивалась. „Пусть онъ знаетъ. Да, я его люблю. Развѣ плохо — сознаться въ этомъ?“ Ей было даже радостно. Одно смущало — Эмма.

Эмма стала тише, сдержаннѣй, какъ будто дальше. Смыслъ былъ такой: „знаю, что ты любишь, — отхожу.“

Эмма худѣла и кашляла. Часто у ней бывала испарина, — наконецъ, появилось кровохарканье.

Анна Михайловна повезла ее къ профессору; и діагнозъ оказался простъ — чахотка; надо немедленно въ Швейцарію, въ Сенъ-Морицъ. Эмма, вернувшись, была тиха, молчалива.

— Что жъ, поѣду въ Сенъ-Морицъ.

Анна Михайловна обняла ее.

— Эмма, я куплю тебѣ билетъ, дамъ триста. Получу жалованье — еще вышлю.

— Не надо. Я напишу теткѣ, у меня есть тетка... Зачѣмъ же тебѣ... стѣснять себя.

Анна Михайловна удивилась. Въ первый разъ слышитъ она объ этой теткѣ.

— Что ты, Эмма, Богъ съ тобой, у меня же есть деньги. Неужели для тебя не найдется?

— Нѣтъ, я напишу теткѣ.

Эмма вдругъ поблѣднѣла, губы ея дергались; съ искривленнымъ лицомъ она закричала:

— Не надо мнѣ денегъ, тетка...

Потомъ она рыдала, металась въ истерикѣ, сквозь слезы повторяла:

— Я уѣду къ теткѣ, я тебѣ въ тягость. Ты меня не любишь, ты рада — да, — взвизгивала она въ отчаяніи, — рада сбыть меня съ рукъ, я мѣшаю, Горичу твоему...

Хлынула кровь, и почти безъ чувствъ уложила ее Анна Михайловна. Вечеромъ, когда она лежала слабая и маленькая, какъ больная пичуга, Анна Михайловна сѣла къ ней на кровать.

— Эмикъ, ты все выдумала про меня. Я люблю тебя попрежнему, ты самый дорогой и нѣжный другъ мой. Чѣмъ ты можешь мнѣ мѣшать? Сейчасъ мнѣ нельзя съ тобой ѣхать, черезъ недѣлю Рождество, но даю слово, какъ кончится сезонъ, въ половинѣ февраля мы встрѣтимся.

Она перевела духъ. Эмма слушала. Она ничего не отвѣтила, только погладила горячей рукой руку Анны Михайловны.

— Ты все упрекаешь меня Горичемъ. Такъ вотъ знай; да, я его люблю. Но онъ меня, Эмма, — голосъ ея сталъ глуше, — не любитъ.

Эмма прошептала:

— Я люблю тебя тоже безнадежно.

— Мы женщины, мы любимъ другъ друга не той любовью.

Эмма улыбнулась, взглянула на нее. Въ этомъ взглядѣ было столько обожанія, страсти — больной, мучительной, — что слова ея показались ненужными.

Оставить Эмму на ночь она не рѣшилась — легла въ ея комнатѣ на диванѣ. Эмма будто заснула, или притворилась, что спитъ. Анна Михайловна задремала, но не

надолго. На нее нашло уныніе: „куда она поѣдетъ, зачѣмъ?“ Ей казалось, что одна Эмма не доберется до границы, захирѣетъ, погибнетъ. „Она, правда, кажется, въ меня влюблена. Какъ все странно, жалко, уродливо.“ Эмма вздохнула, поднялась съ постели. Въ полутьмѣ она казалась больнымъ ребенкомъ.

— Что ты? Эмма?

Она сѣла на край дивана и смотрѣла на Анну Михайловну широкими глазами.

— Проснись, Эмма, что съ тобой?

Она была похожа на лунатичку.

— Ты сказала мнѣ, что любишь Горича, — шептала она, дыша жаромъ. — Такъ вотъ... я люблю тебя... всю, съ головы до ногъ. Ты прекрасная.

— Эмма, простудишься!

Она закутала ее пледомъ. Эмма криво, хитро улыбнулась, какъ безумная.

— Да, простужусь. Когда ты любишь, ты тоже... думаешь о простудѣ?

Потомъ она прижалась къ ней, поцѣловала.

— Ахъ, слушай! Я нынче днемъ Богъ знаетъ что накричала. Это невѣрно. Я вотъ только хочу сказать, что скоро я умру, это ужъ рѣшено... и чтобъ ты меня не бросала.

Потомъ снова языкъ у ней сталъ заплетаться, она дрожала и бормотала сумасшедшія слова о любви. Анна Михайловна слушала. Жалость, неясное недовольство владѣли ею. „Ахъ, все это ненужно, убого.“ Но Эмма утихла, была такъ слаба, хрупка.

— Аня, если бъ я могла умереть за тебя! За твое счастье!

Наконецъ, передъ утромъ, заснула. Анна же Михайловна не спала совсѣмъ. Ей вспомнилась ея жизнь, дѣвичество, мужъ, отъ котораго она ушла уже лѣтъ десять — вспоминать о немъ было тяжко. Но всѣ ищутъ

своего безумія, любви, счастья. Такъ ищетъ его эта бѣдная Эмма, и она, Анна Михайловна, актриса съ тысячнымъ окладомъ. „Развѣ я Горичу не то же говорила, что она мнѣ? Только мы подруги, а Горича я знаю два мѣсяца. Обѣ мы — одно и то же.“

Утромъ встали онѣ измученныя. Начались сборы, хлопоты съ паспортомъ, билетами. Всю эту недѣлю Эмма была кротка. Она глядѣла на Анну Михайловну съ обожаніемъ. Въ день отъѣзда держалась твердо: лишь на вокзалѣ, послѣ звонка, вдругъ вздохнула:

— Милый нашъ городъ!

— Городъ?

— Да, и вокзалъ, и квартира. Я ужъ не увижу этого. И тебя, Анна.

Помертвѣлыми губами цѣловала она Анну Михайловну.

— Прощай!

Это слово, предсмертный взглядъ Эммы разорвали ея сердце. Она не помнила, какъ звонили, какъ ушелъ поѣздъ съ махавшей фигуркой, какъ она шла до дамской. Тамъ она рыдала.

IX

Въ театрѣ было мрачно. Бранили въ газетахъ, сборы падали. По коридорамъ бѣгалъ Платонъ, нервничалъ, говорилъ:

— Нѣтъ, дѣлъ. Какія это дѣла?

Потомъ раздавалъ контрамарки, съ ожесточеніемъ напуская студентовъ, барышень.

— Публика хамъ, подавайте ей сенсацію. Ставьте жизнь огарковъ — заработаемъ.

Антрепренеръ, Горбатовъ, всѣ были недовольны; подвернулась пьеса „Сѣть“, съ политикой; дѣйствовали министры, биржевики, дамы-патронессы — козырь вѣрный; за нее ухватились. Платонъ повеселѣлъ.

— Пятьдесятъ представленій, клянусь годовымъ жалованьемъ. Аншлагъ, барышники — иду въ пари.

— Д-да, милый, — протянулъ Горбатовъ: — а по-твоему это либеральная пьеса?

— Внѣ сомнѣній, Андрей Аполлонычъ.

Горбатовъ зналъ и самъ, что либеральная; его смущало одно: насмѣшливость къ крайнимъ лѣвымъ. Выражалось это вскользь, но было.

„Ну, да и авторъ!“ Авторъ не новичокъ, съ именемъ — вывезетъ.

На Рождествѣ ставили „На днѣ“, потомъ нѣмецкую вещь, играли утромъ и вечеромъ. Съ новаго года репетировалась „Сѣть“. Снова Анна Михайловна учила, работала. Рождество ее утомило, извела праздничная публика. Но и въ „Сѣти“ роль была не изъ радостныхъ. Къ чему они это ставятъ? А съ другой стороны — что же играть? Старое сыграно, новаго или нѣтъ, или оно непріятно, трудно. Остаются огарки и министры. „А можетъ быть, просто, мы отживаемъ, для молодого нужно молодое? Можетъ, намъ въ провинцію?“

Все же она работала — покорно, вяло. Но театральныя исторіи, шушуканье, сплетни раздражали еще больше. Иногда казалось, что вообще театръ — домъ умалишенныхъ: у всѣхъ маленькое помѣшательство на славѣ.

— Имѣла успѣхъ? Будетъ имѣть? Развѣ это успѣхъ? Связи!

И цвѣты, подарки, счетъ вызовамъ, іудины лобзанья актеровъ, грубость тузовъ съ мелкотой, — все было такъ тоскливо, такъ старо, безнадежно. „Горичъ не могъ бы быть актеромъ.“ Ее радовало, что онъ иной, высшей породы.

Встрѣтясь съ Феллинымъ, она спросила какъ то про Горича:

— Уѣхалъ. А вамъ зачѣмъ?

— Нужно.

— Нравится вамъ Горичъ, бр-р...

— Нравится.

Феллинъ похрустѣлъ пальцами.

— Везетъ ему. Лучше бъ я вамъ понравился... а?

Анна Михайловна посмѣялась. Феллинъ былъ тощъ, жалокъ. Вѣрно, катары его разыгрались. Росло и озлобленіе неудачника.

— Вы все смѣетесь, вы самодовольная женщина. — Васъ ничѣмъ не проберешь.

— Не бранитесь, лучше скажите, куда уѣхалъ Павелъ Александрычъ.

Феллинъ хотѣлъ съязвить, но вдругъ опустился, поблекъ.

— Остришь тутъ съ вами, смѣешься, п-ф-ф... — а въ сущности мнѣ мало дѣла до всего этого. И Горичи мнѣ ваши не нужны.

Онъ согбенно прошелся.

— Да, онъ пріѣдетъ скоро. — А я вамъ долженъ сказать, — какъ женщинѣ доброй — вы знаете, я ужасно усталъ? Мнѣ вотъ все это, — онъ кивнулъ на декораціи, подмостки, — ужасно надоѣло. Приходишь домой, и такое настроеніе... взялъ бы гвоздь, вбилъ, и... — онъ глупо усмѣхнулся. Анна Михайловна взглянула на него серьезно. — И... — Феллинъ вдругъ высунулъ языкъ и вытаращилъ глаза.

— Фу! Бросьте!

Онъ провожалъ ее, дорогой говорилъ все то же.

— Безцѣльная жизнь. Ролей нѣтъ, выбиться не даютъ. Представьте себѣ — до могилы все ждать чего то. Человѣку сорокъ два, онъ одинъ, какъ карандашъ, живетъ въ отелѣ. „По-нашему — въ меблированныхъ комнатахъ...“

— Да, и размышляетъ.

— Вы холостой?

— Абсолютно. Жена, дѣти... Это дурно. Знаете, маленькіе эти клопы — онъ брезгливо вытянулъ руки — пеленки... гадость.

Они простились. Взглянувъ на его худую спину, она почувствовала къ нему добрую, человѣческую жалость. Казалось, что его дни кончены.

Потомъ мысли ея перешли на Горича. Какъ всегда, что то сладостное, стыдливое охватило ее. Не хотѣлось домой. Забраться бы въ поле, снѣжную равнину съ звѣздами, — снова повторять о своей любви, плакать. „Отчего не сказала я ему больше — какъ онъ прекрасенъ, какъ рвется моя грудь отъ восторга? А можетъ, это ему непріятно, онъ уѣхалъ поэтому? Врядъ ли. Что сдѣлала я дурного?“

„Я уже не молода,“ думала она дома: „и, значитъ, никогда до сихъ поръ не любила. Оттого такъ нелѣпа моя любовь.“

Потомъ достала Тютчева и, бродя, твердила стихи.

На другой день на репетиціи была разсѣяна; играть не хотѣлось, она съ удовольствіемъ слонялась въ антрактахъ.

О, какъ на склонѣ нашихъ лѣтъ
Нѣжнѣй мы любимъ и, суевѣрнѣй...
Сіяй, сіяй, прощальный свѣтъ
Любви послѣдней, зари вечерней!

— Да, Кіевъ меня любитъ. Въ прошломъ году: знакомыхъ никого, пресса чужая — что жъ вы думаете, на тринадцатомъ представленіи вѣнокъ. Отзывчиво, какъ-никакъ.

— Это по-моему просто подлость. Какъ только я лицомъ къ публикѣ, она меня загораживаетъ.

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край...
День вечерѣлъ. Мы были двое,
Внизу, въ тѣни, шумѣлъ Дунай.

— Женя, десять разъ говорилъ: если не умѣешь ставить въ четверть часа, нечего этимъ и заниматься.

И съ дикихъ яблонь цвѣтъ за цвѣтомъ
На плечи юныя слеталъ.

Гдѣ эти яблони, Дунай? Ей казалось, что сейчасъ она шагнетъ въ волшебную страну, но вокругъ были плотники, статисты, Платонъ, Феллинъ, Горбатовъ — сердце останавливалось.

X

Между тѣмъ спектакль близился. Въ театрѣ были возбуждены — это важный день: многое онъ рѣшитъ. По мѣрѣ его приближенія Анна Михайловна мрачнѣла.

Когда же пришелъ онъ — такой же какъ и всѣ для другихъ, осаждаемыхъ своими заботами — она съ утра пала духомъ. Какъ одиноко! Ни Эммы, ни Горича.

Вечеромъ война — и ни одного человѣческаго лица. Въ семь она была въ театрѣ. Горбатовъ стоялъ у телефона.

— А? Не пріѣдетъ? Это невозможно. Нѣтъ, будьте добры доставить, какъ угодно. — Зачѣмъ? Это успѣху содѣйствуетъ, развѣ вы не понимаете? Пьеса безъ автора! Нѣтъ, пожалуйста!

Анна Михайловна усмѣхнулась: „успѣху содѣйствуетъ".

— Контрамарокъ нѣтъ, премьера. Разъ навсегда.

— Платонъ Николаичъ, съ корреспондентскимъ!

— Такъ бы и говорили. Третій рядъ.

Увидѣвъ Анну Михайловну, Горбатовъ улыбнулся, поцѣловалъ руку; но по глазамъ она почувствовала, что онъ боится.

— Ну, ангелъ, въ добрый часъ.

Первый актъ шелъ вяло. Анна Михайловна сразу поняла, что плоха. „Къ чему все это?" думала она, стоя у боковой двери.

„Я играю въ нелѣпой пьесѣ, держусь позорно." Было мгновеніе, когда ей показалось, что сейчасъ надо уйти ужъ совсѣмъ, спрятаться. Но, конечно, она выходила и

читала, что нужно. Приняли холодно, лишь Машенькѣ поднесли букетъ.

Горбатовъ обозлился.

— Дитенокъ, не годится. У насъ не Кинешма, чтобы съ перваго акта подношенія принимать.

Когда начался второй, онъ потянулся, какъ бы въ усталости, отрѣзалъ:

— Дана.

Анна Михайловна едва сдерживалась. Она взяла сразу на тонъ горячѣй. Выходило странно — и только. „Что со мной? Отчего?“ Она напрягла всю волю — все же она не дебютантка, и едва себя одолѣла. Въ публикѣ тоже что то началось. Видимо, не нравился эсъ-эръ.

Театръ молчалъ, но молчаніе было недоброе; временами проходила какъ бы рябь — снова неодобреніе.

Послѣ занавѣса въ галлереѣ шипѣли.

— Плохо, — заявилъ Платонъ Горбатову. Но тотъ взглянулъ на него сурово — Платонъ смутился: въ такихъ случаяхъ нельзя высказываться.

Потомъ Горбатовъ сказалъ:

— Либеральная пьеса.

И прибавилъ: — Либеральная пьеса. Дана.

Въ третьемъ актѣ шикать стали задолго до занавѣса. Анна Михайловна съ ужасомъ взглянула вверхъ. Въ это время кто то рѣзко свистнулъ, и съ другого конца крикнули:

— Перестаньте!

Зашумѣли, свистки были подавлены. Но теперь Анна Михайловна чувствовала, что враги всюду; этотъ залъ залитъ ими, и они правы. Стыдъ мѣшалъ ей; она видѣла блѣдное лицо партнера, въ мѣстѣ, гдѣ ей надо было броситься, она сѣла и до конца не могла встать. Ей казалось, что сейчасъ она зарыдаетъ, а изъ зала хлынутъ недруги и затопятъ.

Залъ держался, но когда дѣйствіе кончилось, свистали всѣ — такъ, по крайней мѣрѣ, казалось. Некуда было уйти: свистъ долеталъ въ уборныя, къ декоратору, машинистамъ. Анна Михайловна сидѣла у себя, подперевъ голову. По коридорамъ бѣгали, что то кричали; говорили, что это недоразумѣніе и нужно объясниться съ публикой.

Она ничего не слышала. Донесся лишь голосъ Горбатова:

— Бита.

Анна Михайловна повела глазами. „Пусть бьютъ, еще, еще — значитъ, надо.“ Она слабѣла, глохла, все для нея становилось смутнѣе. „Засыпаю, что ли?“ голова стала тяжелѣй, замирало сердце.

И сладко жизни быстротечной
Надъ нами пролетала тѣнь.

Она улыбнулась, сквозь сонъ, на легкое и милое видѣнье, медленно стала сползать. Черезъ минуту кто-то крикнулъ: „обморокъ.“ Дальше она ничего не помнила.

XI

Первымъ чувствомъ ея на утро было желаніе уйти. Пусть неустойка, непріятности — больше она не можетъ. Но это — новый позоръ. Значитъ, надо терпѣть.

Публика и газеты говорили одно: странно, что извѣстная артистка выступила въ пьесѣ, явно сомнительной. Оттого и игра ея такъ слаба. Скандалъ объясняли обидой молодежи.

Актеры волновались, появились письма въ редакцію; кто то кого то обвинялъ, авторъ оправдывался; Анна Михайловна не приняла въ этомъ участія; она мучительно думала — что же это съ ней происходитъ? Отчего эти промахи — художественные и житейскіе, куда зашла звѣзда, ведшая ее въ жизни всегда прямо? Снова она крѣпилась, не спала ночами, и разныя предположенія то-

мили ее. Изсякъ ея даръ? Она отстала отъ времени? — Мысль, приходившая и раньше. Наконецъ — любовь? Она мѣшаетъ? Но нельзя было ни на чемъ остановиться, и она думала лишь съ тоской, что если для жизни болѣе не годна — тогда не надо самой жизни. Такъ провела она послѣдній мѣсяцъ. Наконецъ, получивъ письмо отъ Эммы, полное кротости и покорное, рѣшила ѣхать.

На первой недѣлѣ, съ глубокой усталостью, садилась она въ вагонъ. Сзади остался годъ, полный странныхъ и тяжелыхъ чувствъ, съ тонкой свѣтлой зарей — любовью. Но какъ бы то ни было, хорошо, что она ѣдетъ. Она рада была шуму поѣзда, качкѣ, мельканію снѣговъ и лѣса. Вспомнила она, какъ ѣхала сюда осенью, свои мысли о судьбѣ и непонятномъ въ человѣческой жизни. Теперь, глядя на звѣзды, ужъ весеннія, милыя, она думала о томъ же. Хорошо бы заснуть, — видѣть сны легкіе, сладостные, навсегда забыть землю. Духомъ свѣтлымъ летѣть къ звѣздамъ.

Но она не видала этихъ сновъ. Лишь шумъ вагона, одиночество, ночь успокаивали ее. Когда передъ утромъ она проснулась, ей первый разъ въ этотъ мѣсяцъ пришла мысль, что, быть можетъ, все тяжелое, что перенесла она за зиму, есть урокъ, суровое испытаніе ея силъ. Отъ этой простой мысли стало легче. Она вздохнула. „Надо терпѣть... и жить.“ Съ этимъ она заснула, и когда очнулась, былъ ужъ день. Подъѣзжали къ Москвѣ. Здѣсь, какъ предполагала, она должна была провести день, два. Въ кроткомъ и покорномъ настроеніи вышла она на перронъ. Сѣла въ пролетку. Была весна, солнце грѣло; на перекресткахъ продавали цвѣты. Не хотѣлось думать, только-бъ солнышко, славный пестрый шумъ, весна. Отдыхъ, отдыхъ!

Такъ входила она въ отель, и на доскѣ у швейцара машинально прочла: Горичъ. „А, вотъ что!“ Она улыбнулась, что то ласково-печальное ударило ей въ сердце.

„Вотъ почему я пріѣхала именно сюда — раньше никогда я здѣсь не останавливалась,“ — думала она у себя въ номерѣ, переодѣваясь. „Милый Горичъ, вы здѣсь. Тѣмъ лучше.“ Но когда она послала узнать, дома ли онъ, на минуту ей пришло въ голову, что вѣрно онъ читалъ о ея позорѣ. „Что жъ, все равно. Вѣдь люблю его я.“

Горичъ былъ радъ ей. Онъ прибѣжалъ, они встрѣтились старыми добрыми друзьями.

— А ужъ я думала не увижу васъ больше, — сказала она простодушно. — Я уѣзжаю, и теперь надолго.

— За границу?

— Да. Вы вѣдь знаете, — она улыбнулась чуть насмѣшливо, — нашъ сезонъ кончился, я свободна.

„Знаетъ онъ, или нѣтъ?“

Но онъ слишкомъ дорогъ былъ ей — прятаться она не могла и разсказала все.

Онъ задумался.

— Ну, со всякимъ можетъ быть.

Они вмѣстѣ завтракали, цѣлый день не разставались. Въ шесть часовъ поѣхали кататься. Было тепло, солнце садилось; розоватый дымъ стоялъ надъ бульварами. Облака, туманно сіяя, разметнулись на западѣ.

— Я осталась здѣсь на день по сантиментальности, — говорила Анна Михайловна: — это мой родной городъ. Здѣсь жила я у родителей, была гимназисткой; первый равъ влюбилась.

— Вотъ какъ? Вы московская! Я не зналъ.

И онъ началъ хвалить Москву. Здѣсь много милыхъ дѣвушекъ. Лучшій типъ русскій здѣсь, тѣлесный и духовный. Хорошо золото церквей здѣшнихъ, старина, сумеречные весенніе тона. Многое говоритъ о нѣжномъ, о прекрасномъ, что есть въ русской душѣ.

Анна Михайловна усмѣхнулась. „Сейчасъ онъ скажетъ какую нибудь цитату о Москвѣ, гдѣ о ней говорятъ тоже возвышенно.“ И вообще все онъ знаетъ: читаетъ, разго-

варивает о хорошихъ вещахъ. Ходитъ въ театры, музеи. Мечтаетъ о милыхъ дѣвушкахъ, которыхъ, можетъ быть, и нѣтъ вовсе. Въ этомъ его жизнь.

Цитаты онъ не привелъ, но предложилъ вечеромъ театръ. Анна Михайловна знала и цѣнила этотъ театръ, но сегодня ей не хотѣлось. Ей казалось, что ее сразу всѣ узнаютъ, что она виновата и неловко ей выѣзжать. Но потомъ передумала и поѣхала. И театръ и залъ мало измѣнились. Она вспомнила, какъ еще начинающей артисткой была здѣсь на „Чайкѣ", на первомъ представленіи. Вспомнила свои слезы, радость, бушевавшую въ ней и во всѣхъ въ этой залѣ. Чего радовались тогда? Она задумалась на мгновеніе: „Побѣда прекраснаго. Да, навѣрно."

И теперь она сѣла въ волненіи. Изъ за занавѣски ложи была видна только сцена. А потомъ погасло все — началось. Анна Михайловна вздохнула. Ей представилось, что всю зиму жила она въ духотѣ, въ тяжеломъ пестромъ смрадѣ: первый разъ чистая гармонія лилась въ нее. Хотѣлось глубоко вздохнуть, очнуться. „Не дурной ли сонъ — все бывшее? Не обманъ ли?"

Но ей не было завидно. Ей хотѣлось только плакать, плакать отъ тихой и негрустной музыки искусства. И она плакала. У нея было много слезъ, точно застоявшихся за зиму; было неловко сначала Горича, но потомъ, притулившись въ ложѣ, она плакала, какъ у себя дома, сама съ собой.

Кончались акты, хлопали въ публикѣ. Хлопалъ Горичъ и говорилъ:

— Превосходно!

Актеры не выходили — тогда Горичъ, бродя по фойе и встрѣчая десятки знакомыхъ, всѣмъ сообщалъ:

— Дивно! Изумительно!

И если не соглашались, сердился. Анна же Михайловна выплакалась къ концу и сидѣла усталая, но какъ то легкая, свѣтло опустошенная.

Когда ѣхали домой, весеннія звѣзды были на небѣ. Все жило, дышало въ этомъ мірѣ. Заплаканными глазами смотрѣла она на звѣзды, и казалось ей, что она многое понимаетъ такое, чего раньше не знала. „Да, поглотитъ всѣхъ вѣчность, но живъ Богъ, и его мы несемъ сквозь жизнь, какъ и тѣ дальнія свѣтила.“ Человѣкъ показался ей на ослѣпительной высотѣ, тяжесть данная ему — бременемъ не отъ міра сего.

— Помните, — шепнула она Горичу: — вечеръ, когда вы цитировали Гете?

— Помню.

Она улыбнулась.

— Вы опять будете дразнить меня за „возвышенность,“ но, простите, онъ, точно, сказалъ хорошо. Какъ это? „Священная серьезность обращаетъ жизнь въ вѣчность.“ Это правда.

— Вотъ, вы видите, какъ настроилъ васъ театръ. — Горичъ прибавилъ весело: — отсюда замѣтно благотворное дѣйствіе искусства на человѣка.

На другой день онъ провожалъ ее на вокзалъ. Анна Михайловна была покойна; ей хотѣлось теперь скорѣе къ Эммѣ, на помощь, и потомъ на работу, подъ то ярмо, которое съ твердостью она должна нести. А Горичъ? Она знала, что это кончилось навсегда, и снова настанетъ ея полумонашеское состояніе. За пять минутъ до звонка она улыбнулась ему не безъ нѣжности.

— Теперь уѣзжающіе разстаются съ друзьями и говорятъ послѣднія слова.

— Я могу вамъ сказать, — отвѣтилъ Горичъ: — что вы самая милая женщина. И актриса, Анна Михайловна.

Она засмѣялась.

— Да, конечно, милѣйшая женщина.

Но пора было садиться. Онъ жалъ ей руку, махалъ шляпой. Поѣздъ тронулся. Ясный день, театръ, Горичъ,

необычныя чувства, все теперь было сзади — стало тоже милымъ видѣніемъ, неповторимымъ. Глядя на платформу, голубей, кружившихъ въ небѣ, на сверкавшія стекла въ домахъ, она вздохнула еще разъ. Махнувъ платкомъ, вошла въ купэ.

„Милый другъ,“ повторяла она: „милый другъ.“

СОДЕРЖАНІЕ

	Стр.
Сны	5
Вѣрность	39
Заря	91
Смерть	132
Жемчугъ	143
Мой вечеръ	152
Актриса	160

PG
3470
Z23
1922
kn.2

Zaĭtsev, Boris Konstantinovich
Sobranie sochineniĭ

PLEASE DO NOT REMOVE
SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY